

Федеральное агентство по образованию
ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»
Кафедра теории литературы и истории русской литературы

«Пусть живопись нас приютит...»

Русская поэзия о картинах и живописцах

Хрестоматия
к спецкурсу «Литература и живопись»

Часть I

Ижевск
Издательство
«Удмуртский университет»

2010

УДК 82-1:75(075.8)
ББК 83.3(2Рос=Рус)я73
П 89

Рекомендовано редакционно-издательским советом УдГУ

Составитель

д-р филол. наук, проф. Т. В. Зверева

Рецензент

д-р филол. наук, проф. Е. А. Подшивалова

Отв. редактор

канд. филол. наук, доц. Д. И. Черашняя

П 89 **«Пусть живопись нас приютит...»** : русская поэзия о картинах и живописцах : хрестоматия к спецкурсу «Литература и живопись». Ч. 1 / ГОУВПО «Удмурт. гос ун-т», Каф. теории лит. и истории рус. лит. ; сост. Т. В. Зверева ; отв. ред. Д. И. Черашняя. — Ижевск : Удмуртский университет, 2010. — 310 с.

Данная антология – один из первых опытов собрания под одной обложкой поэтических произведений, обращенных к теме живописи. В книгу вошли стихи начиная с классического периода русской литературы (Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, М. Ю. Лермонтов...) и заканчивая ХХI веком (Ю. Мориц, Н. Матвеева, А. Кушнер, О. Седакова, С. Кекова...).

Хрестоматия предназначен для студентов-филологов, преподавателей средней и высшей школы, а также для широкого круга читателей – любителей русской поэзии и живописи.

УДК 82-1:75(075.8)
ББК 83.3(2Рос=Рус)я73

© Т. В. Зверева, сост., 2010
© Удмуртский госуниверситет, 2010

От составителя

Спецкурс «Литература и живопись» — интегрированный курс, предназначенный как для студентов-филологов, так и для студентов, обучающихся на специальностях, связанных с историей живописи. Система лекционных и практических занятий включает в себя комплекс теоретических вопросов, касающихся взаимодействия литературного и живописного текстов. Ключевой проблемой спецкурса является актуальная для современного литературоведения проблема экфразиса — «словесного описания живописного текста». Не менее важными являются вопросы, связанные с историческим функционированием живописи, ее адаптацией в условиях литературного текста.

Программа занятий включает в себя следующие темы:

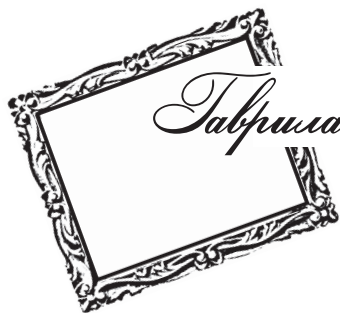
- Тема 1. Взаимодействие литературы и живописи. Понятие экфразиса.
- Тема 2. Живописные тенденции в поэзии Г. Р. Державина.
- Тема 3. Н. Пуссен в творчестве Н. М. Карамзина.
- Тема 4. В. А. Жуковский и начало «рафаэлевского сюжета» в русской литературе. В. А. Жуковский и Каспар-Давид Фридрих.
- Тема 5. Сюжет посещения галереи в русской литературе первой половины XIX века (В. Кюхельбекер, Ф. Глинка, В. Боткин).
- Тема 6. Живописные сюжеты в творчестве А. С. Пушкина.
- Тема 7. Соотношение визуального и аудиального кодов в поэзии М. Ю. Лермонтова.
- Тема 8. Проблема живописи в творчестве Н. В. Гоголя.
- Тема 9. Тема ожившей картины в поэме А. К. Толстого «Портрет».

- Тема 10. «Мадонны» Мурильо в поэтической интерпретации Ап. Григорьева.
- Тема 11. Экфразис в поэзии А. Фета и Ап. Майкова.
- Тема 12. «Сыскать сюжет для картины...»: картины в системе художественного творчества Ф. М. Достоевского.
- Тема 13. Картина и икона в творчестве Н. С. Лескова.
- Тема 14. Проблема художника в творчестве Вс. Гаршина.
- Тема 15. Живопись М. Врубеля в поэтическом воображении А. Блока.
- Тема 16. Вячеслав Иванов в кругу художников (Леонардо да Винчи, С. Боттичелли, К. Лоррен).
- Тема 17. Путешествие в страну живописи (О. Мандельштам и французская живопись).
- Тема 18. Живопись И. Сурикова в интерпретации М. Волошина.
- Тема 19. «Живописные реминисценции» в «Поэме без героя» А. Ахматовой.
- Тема 20. О рисунке и слове в поэтической системе В. Хлебникова.
- Тема 21. «Сиянье Ватто» в поэзии Георгия Иванова.
- Тема 22. «Русь» Е. Замятина и «Русские типы» Б. Кустодиева.
- Тема 23. «Картины» Николая Олейникова в контексте поэзии ОБЭРИУтов.
- Тема 24. Экфразис в творчестве Елены Гуро.
- Тема 25. Поэзия П. Антокольского в свете проблемы экфразиса.
- Тема 26. «Живописные линии» в поэзии Булата Окуджавы.
- Тема 27. Осмысление живописи в поэзии Новеллы Матвеевой и Юнны Мориц.
- Тема 28. Современная визуальная поэзия.

В первой части хрестоматии собраны поэтические тексты, обращенные к художникам и их живописным творениям. Мы постарались представить как можно больший объем стихотворений, в которых тема живописи является ведущей. Данная подборка стихотворений позволит студентам взглянуть на известные живописные полотна под «поэтическим» углом зрения. Кроме того, предлагаемое пособие поможет определиться с отбором текстов для научных исследований, связанных с проблемой экфразиса.

Литература

1. *Альфонсов В. Н.* Слова и краски. СПб.: САГА; Азбука-классика; Наука, 2006.
2. *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. М.: Искусство, 1974.
3. *Брагинская Н. В.* Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М.: Наука, 1977. С. 250—283.
4. *Вежбицкая А.* Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1996. С. 231—291.
5. *Злыднева Н. В.* Фигуры речи и изобразительное искусство // Искусствознание. 2001. № 1. С. 130—143.
6. *Геллер Л.* Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе. М.: МИК, 2002. С. 5—22.
7. *Лосев А. Ф.* Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе // Литература и живопись. Л.: Наука, 1982. С. 31—65.
8. *Михайлов А. В.* Проблема характера в искусстве: живопись, скульптура, музыка // Михайлов А. В. Языки культуры: Учеб. пособие по культурологии. М.: Языки рус. культуры, 1997. С. 211—269.
9. *Мочалов Л. В.* Пространство мира и пространство картины. М.: Сов. художник, 1983.
10. *Пигарев К.* Русская литература и изобразительное искусство: Очерки о русском национальном пейзаже. М.: Наука, 1972.
11. *Раушенбах Б. В.* Пространственные построения в живописи. М.: Наука, 1980.
12. *Рубинс М.* Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. СПб.: Академический проект, 2003.
13. *Фарино Е.* Семиотические аспекты поэзии о живописи // Russian Literature. 1979. VII-1. P. 65—94.
14. *Флоренский П. А.* Анализ пространственности <и времени> в художественно-изобразительных произведениях // Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. С. 79—421.
15. *Ямпольский М.* Ткач и визионер: очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М.: Новое лит. обозрение, 2007.

Гаврила Романович Державин
(1748-1816)

Радуга

Взглянь, Апеллес! взглянь в небеса!
В сумрачном облаке там,
Видишь, какая из лент полоса,
Огненна ткань блещет очам,
Склонясь над твоею главою
Дугою!

Пурпур, лазурь, золото, багрянец,
С зеленью тень, слиясь с серебром,
Чудный, отливный, блестящий глянец
Сыплют вокруг, тихим лучом
Зениц к утешенью сияют,
Пленяют!

Где красота, блеск разноцветных
Камней драгих, светлость порфир,
Прелести красок ярких, несметных,
Чем всегда славится мир,
Чем могут монархи хвалиться,
Светиться?

О Апеллес! взявши орудье,
Кисти свои, дерзкой рукой
С разных цветов вмиг полукружье
Сделай, составь твердой чертой, —
Составь — и сзови зреть Афины
Картины.

Нет, изограф! — хоть превосходишь
Всех мастерством дивным твоим,
Вижу, что средств ты не находишь
С мастером в том спорить таким,
Чей взгляд всё один образует,
Рисует.

Только одно солнце лучами
В каплях дождя, в дол отразясь,
Может писать сими цветами,
В мраке и мгле вечно светясь.
Умей подражать ты ему,
Лей свет в тьму.

Зри, как оно лишь отвращает
Светлый свой взор с облака вспять,
Живость цветов вмиг исчезает,
Краски картин тмятся опять:
Беги ты такого труда
От стыда.

Может ли кто в свете небесном
Чтиться равно солнцу тому,
В сердце моем мрачном, телесном
Что, озарив тяжкую тьму,
Творит его радугой мира?
Пой, лира! —

Бога воспой, — смелым пареньем
Чистого внутрь сердца вноси
Дух мой к нему утренним пеньем,
Чтобы Творец, вняв с небеси,
Влиял чувств моих в глубину
Тишину.

Светлая чтоб радуга мира,
В небе явясь в цвете зарей,
Стала в залог тихих дней мира,
К счастью всех царств и царей.
Он всех их один просветит,
Примирит.

25 апреля 1806

К Анжелике Кауфман

Живописица преславна,
Кауфман! подруга муз!
Если в кисть твою влиянна
Свыше живость, чувство, вкус,
И, списав данаев, древних
Нам богинь и красных жен,
Пережить в своих бесценных
Ты могла картинах тлен, —
Напиши мою Милену
Белокурую лицом,
Стройну станом, возвышенну,
С гордым несколько челом;
Чтоб похожа на Минерву
С голубых была очей,

И любовну искру перву
Ты зажги в душе у ней;
Чтоб, на всех взирая хладно,
Полюбила лишь меня;
Чтобы сердце безотрадно
В гроб с Пленирой схороня,
Я нашел бы в ней обратно
И, пленясь ее красой,
Оживился бы стократно
Молодой моей душой.

Начало 1795

Тончию

Бессмертный Тончи! ты мое
Лице в том, слышу, пишешь виде,
В каком бы мастерство твое
В Омире древнем, Аристиде,
Сократе и Катоне ввек
Потомков поздних удивляло;
В седирах лысиной сияло,
И в нем бы зрелся человек.

Но лысина или парик,
Но тога иль мундир кургузый
Соделали, что ты велик?
Нет! философия и музы, —
Они нас славными творят.
О! если б осенял дух правый
И освещал меня луч славы,
Пристал бы всякий мне наряд.

Так, живописец-философ!
Пиши меня в уборах чудных,
Как знаешь ты; но лишь любовь
Увековечь ко мне премудрых.
А если слабости самим
И величайшим людям сродны,
Не позабудь во мне подобны,
Чтоб зависть улыбалась им.

Иль нет, ты лучше напиши
Меня в натуре самой грубой:
В жестокий мраз с огнем души,
В косматой шапке, скутав шубой;
Чтоб шел, природой лишь водим,
Против погод, волн, гор кремнистых,
В знак, что рожден в странах я льдистых,
Что был прапращур мой Багрим.

Не испугай жены, друзей,
Придай мне нежности немного:
Чтоб был я ласков для детей,
Лишь в должности б судил всех строго;
Чтоб жар кипел в моей крови,
А очи мягкостью блистали;
Красотки бы по мне вздыхали,
Хоть в платонической любви.

Ноябрь 1801

Александр Сергеевич Пушкин
(1799-1837)

К живописцу

Дитя харит и вдохновенья,
В порыве пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердца напиши;

Красу невинности прелестной,
Надежды милые черты,
Улыбку радости небесной
И взоры самой красоты.

Вкруг тонкого Гебеи стана
Венерин пояс повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.

Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтоб и под ним она дышала,
Хотела тайно вздохнуть.

Представь мечту любви стыдливой,
И той, которую дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу.

1815

Возрождение

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.
Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.
Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

1819

Недоконченная картина

Чья мысль восторгом угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сии небесные черты?

Ты гений!.. Но любви страданья
Его сразили. Взор немой
Вперил он на свое созданье
И гаснет племенной душой.

1819

Кипренскому

Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз, —
И я смеюся над могилой,
Ушед навек от смертных уз.

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит:
Оно гласит, что не увижу
Пристрастия важных аонид.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид.
1827

Мадона

Не множеством картин старинных мастеров
Украстить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец.

1830

* * *

Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко разлилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Под каменным дождем, под воспаленным прахом,
Толпами, стар и млад, бежит из града вон.

1834

Полководец

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстрою.

Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, — а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой...

Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда останавлиюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.
Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье, —
Но Доу дал ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,

И, в имени твоём звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь! как ратник молодой,
Свинца веселый свист слышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, —
Вотще! —

.....
.....
О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведет в восторг и в умиление!

1835

Михаил Юрьевич Сергионтов
(1814-1841)

На картину Рембрандта

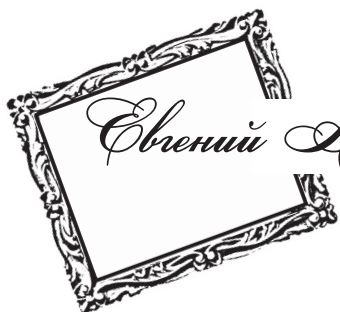
Ты понимал, о мрачный гений,
Тот грустный безотчетный сон,
Порыв страстей и вдохновений,
Всё то, чем удивил Байрон.
Я вижу лик полуоткрытый
Означен резкою чертой;
То не беглец ли знаменитый
В одежде инок святой?
Быть может, тайным преступленьем
Высокий ум его убит;
Всё темно вокруг: тоской, сомненьем
Надменный взгляд его горит.
Быть может, ты писал с природы,
И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнет взор,
И этот труд необычайный
Бездушным будет злой укор.

Впервые 1845

Портрет

Взгляни на этот лик; искусством он
Небрежно на холсте изображен,
Как отголосок мысли неземной,
Не вовсе мертвый, не совсем живой;
Холодный взор не видит, но глядит
И всякого, не нравясь, удивит;
В устах нет слов, но быть они должны:
Для слов уста такие рождены;
Смотри: лицо как будто отошло
От полотна, — и бледное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что нам известно: не гроза страстей
Ему дала болезненный тот цвет,
И что в груди сей чувств и сердца нет.
О Боже, сколько я видал людей,
Ничтожных — пред картиною моей
Душа которых менее жила,
Чем обещает вид сего чела.

Впервые 1889

Свѣтлый Абрамовъ Баратынскій
(1800-1844)

Мадона

Близ Пизы, в Италии, в поле пустом
(Не зрелось жилья на полмили кругом),

Меж древних развалин стояла лачужка;
С молоденькой дочкой жила в ней старушка.

С рассвета до ночи за тяжким трудом,
А все-таки голод им часто знаком.

И дочка порою душой унывала;
Терпенье скудея, на Бога роптала.

«Не плачь, не крушися ты, солнце мое! —
Тогда утешала старушка ее, —

Не плачь, переменится доля крутая:
Придет к нам на помощь Мария святая.

Да лик ее веру в тебе укрепит:
Смотри, как приветно с холста он глядит!»

Старушка смиренная с речью такою,
Бывало, крестилась дрожащей рукою,

И с теплою верою в сердце простом,
Она с умиленным и кротким лицом

На живопись темную взор подымала,
Что угол в лачужке без рам занимала.

Но больше и больше нужда их теснит,
Дочь плачет, старушка свое говорит.

С утра по руинам бродил любопытный:
Забылся, красе их дивясь, ненасытный.

Кров нужен ему от полдневных лучей:
Стучится к старушке и входит он к ней.

На лавку садился пришлец утомленный,
Но вспрынул, картиною вдруг пораженный.

«Божественный образ! Чья кисть это, чья?
О, как не узнать мне! Корреджий, твоя!

И в хижине этой творенье таится,
Которым и царский дворец возгордится!

Старушка, продай мне картину свою,
Тебе за нее я сто пиастров даю».

— Синьор, я бедна, но душой не торгую;
Продать не могу я икону святую.

«Я двести даю, согласися продать».
— Синьор, синьор! Бедность грешно искушать.

Упрямства не мог победить он в старушке:
Осталась картина в убогой лачужке.

Но вскоре потом по Италии всей
Летучая весть разнеслася о ней.

К старушке моей гость за гостем стучится,
И, дверь отворяя, старушка дивится.

За вход она малую плату берет
И с дочкой своею безбедно живет.

Прекрасно и чудно, о вера живая!
Тебя оправдала Мадона святая.

Начало 1832

Алексей Николаевич Плещеев
(1825-1893)

При посылке Рафаэлевой Мадонны

Окружи счастьем счастья достойную,
Дай ей спутников, полных внимания;
Молодость светлую, старость спокойную,
Сердцу незлобному мир упования!

М. Лермонтов

В часы тяжелых дум, в часы разуверенья,
Когда находим жизнь мы скучной и пустой
И дух слабеет наш под бременем сомненья,
Нам нужен образец терпения святой.

А если те часы печали неизбежны
И суждено вам их в грядущем испытать,
Быть может, этот лик, спокойный, безмятежный,
Вам возвратит тогда и мир и благодать!

Вы обретете вновь всю силу упования,
И теплую мольбу произнесут уста,
Когда предстанет вам Рафаэля создание,
Мадонна чистая, обнявшая Христа!

Не гасла вера в ней и сердце не роптало,
Но к небу мысль всегда была устремлена;
О, будьте же и вы — что б вас ни ожидало —
Исполнены любви и веры, как она!

Да не смущает вас душевная тревога;
Да не утратите средь жизненного зла,
Как не утратила святая мать Бога,
Вы сердца чистоты и ясности чела.

<Февраль 1953>

Афанасий Афанасьевич Пет
(1820-1892)

Мадонна

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйного не слушаю невежды:
Моим ушам понятен звук иной,
И сердцу голос слышится надежды

С тех пор, как Санцио передо мной
Изобразил склоняющую вежды,
И этот лик, и этот взор святой,
Смиренные и легкие одежды,

И это лоно матери, и в нем
Младенца с ясным, радостным челом,
С улыбкою к Марии наклоненной.

О, как душа стихает вся до дна!
Как много со святого полотна
Ты шлешь, мой Бог, с пречистою Мадонной!

1842

К Сикстинской Мадонне

Вот сын ее, — он тайна Иеговы, —
Лелеем Девы чистыми руками.
У ног ее земля под облаками,
На воздухе нетленные покровы.

И, преклонясь, с Варварою готовы
Молиться ей мы на коленях сами
Или, как Сикст, блаженными очами
Встречать того, кто рабства сверг оковы.

Как ангелов, младенцев окрыленных,
Узришь и нас, о дева! не смущенных:
Здесь угасает пред тобой тревога.

Такой тебе, Рафаэль, вестник Бога,
Тебе и нам явил твой сон чудесный
Царицу жен — царицею небесной.

1864

Диана, Эндимион и Сатир

(Картина Брюллова)

У звучного ключа как сладок первый сон!
Как спящий при луне хорош Эндимион!
Герои только так покоятся и дети.
Над чудной головой висят рожок и сети;
Откинутый колчан лежит на стороне;

Собаки верные встревожены — оне
Не видят смертного и чуют приближенье.
Ты ль, непорочная, познала вожделенье?
Счастливец! ты его узрела с высоты,
И небо для него должна покинуть ты.
Девическую грудь невольный жар объемлет.
Диана, берегись! старик Сатир не дремлет.
Я слышу стук копыт. Рога прикрыв венцом,
Вот он, любовник нимф, с пылающим лицом,
Обезображенным порывом страсти зверской,
Уж стана нежного рукой коснулся дерзкой.
О, как вздрогнула ты, как обернулась вдруг!
В лице божественном и гордость и испуг.
А баловень Эрот, доволен шуткой новой,
Готов на кулаке прохлопнуть лист кленовый.

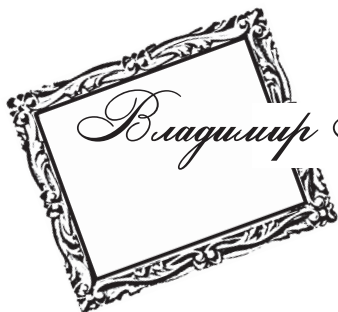
1855

Она

Две незабудки, два сапфира —
Ее очей приветный взгляд,
И тайны горного эфира
В живой лазури их сквозят.

Ее кудрей руно златое
В таком свету, какой один,
Изображая неземное,
Сводил на землю Перуджин.

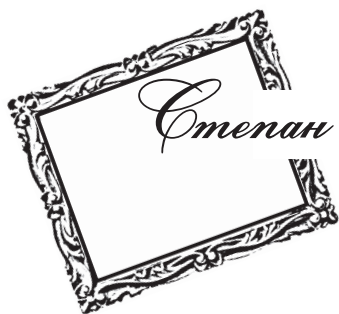
20 марта 1889

Владимир Григорьевич Бенедиктов
(1807-1873)

Мадонна

Бог ниспослал мне виденье: я вижу Мадонну,
Чудный ребенок с любовью прижат к ее лону,
То не Спаситель грядущий, не сын Вифлеема —
Нет! Этот нежный ребенок — былинка Эдема,
Розы шипок, возбужденный дыханьем апреля,
Девочка — ангельский лик с полотна Рафаэля!
Тот же рисунок головки, такие же краски,
Мягкие, светлые волосы, темные глазки,
К ней обращенные, к ней, что сияет в ребенке;
Жадно обвитые вокруг ее шеи ручонки
Этого ангела вдруг опустились; зеницы
Сонною дымкой подернулись — тень от ресницы,
Зыблясь, как ткань паутины на алом листочке,
Дымчатой сеткой слегка стушеввалась на щечке...
Тише! — уснула малютка сном сладким, безбурным, —
Взором родимой накрыта, как небом лазурным,
Взором царицы, достойной небесной короны,
Девственной, чистой жены, светлоликой Мадонны.

Степан Петрович Шевырев
(1806-1864)

Мадонна

Мадонна грустная крестом сложила руки:
О чем же плакать ей, блаженной, в небесах?
О чем молиться ей — и к небу сердца звуки,
Вздыхая, воссылать в уныньи и слезах?

Недаром падает, свежа и благовонна,
На землю жесткую насущная роса:
То плачут каждый день, как грустная Мадонна,
О немощах земли святые небеса.

Недаром голуби в лазури неба выются,
Недаром лилии белеют по полям
И мысли чистые от избранных несутся
Сквозь тьму нечистых дел к прекрасным небесам.

Когда б безгрешное о грешном не молилось,
Когда бы праведник за гордых не страдал,
Давно бы уж земля под нами расступилась,
Давно бы мрачный ад всё светлое пожрал.

Вздыхай же и молись, и не скудей слезами,
Источник радости, вселюбящая мать!
Да льются теплые живящими реками
И в мире темном зла не будут иссыхать!

В сердцах пресыщенных, на алчном жизни пире,
В сердцах, обманутых надеждою земной,
Чем будет жить любовь в сем отлюбившем мире? —
Твоей молитвою, вздыханьем и слезой.

Август 1840

Рим

Алексей Степанович Хомяков
(1804-1860)

(Надпись на картине)

(ангел спасает две души от сатаны)

Я видел, как посланник рая
Две души в небо уносил,
И та прекрасна, и другая,
Но образ их различен был:
Одна небес не забывала,
Но и земное все познала,
И пыль земли на ней легла,
Другая чуть земли коснулась
И от земли уж отвернулась,
И для бессмертья сберегла
Всю прелесть юного чела.

1848

Павел Андреевич Федотов
(1815-1852)

**Картина «Свежий кавалер,
или Где завелась дурная связь,
там и в великий праздник — грязь»**

Где завелась дурная связь,
Людей порядочных стыдись,
Там их как можно избегают,
Друзей под масть уж подбирают;
Друзья под масть лишь потакают;
За снисходительность же их
Хозяин также должен в них
Оправдывать их заблужденья:
За снисхождение — снисхождение.
Потом, боясь их оскорбить,
Он не откажет разделить
И с ними то, что им по нраву,
И так он нехотя отраву,
Сначала морщась, будет пить,
Потом, привыкнув, находить,
Что этот яд не так опасен,
Что ропот на него напрасен,
И наконец, что знал за грязь,

Уже полюбит, с ней сроднясь,
И будет даже удивляться,
Как мог он этого бояться.
Но между тем увидит сам,
Что он к порядочным людям
Стал больше прежнего не к масти,
В кругу их быть — уж род напасти,
Упрека полны взоры их.
Тут, с горем убежав от них,
Встревожив совесть, он стремится
В разгуле страсти позабыться,
И, упоенный, счастлив он;
Тут совесть отыскала сон.
И вот на поприще разврата
Уж он далек, уж нет возврата,
Расслабла совесть ото сна,
От опьянения, а она,
Бывало, тенью неразлучной
Плелась за ним, как страж докучный,
И берегла его от бед.
Но тень резка, коль ярок свет.
Его же солнце вихрь могучий
Страстей, пороков черной тучей
Затмил, как в сумраке предмет;
Он мрачен стал — и тени нет.
Так он один в потемках бродит,
В потемках тень за ним не ходит.
Победу празднуя, порок
Нахально носит свой венок.
И если встретит вдруг презренье,
Уж не раскаянье, а мщенье
В душе порочной закипит:
К злодейству — шаг, коль совесть спит.

1846

Мадонна Рафаэля

Склоняся к юному Христу,
Его Мария осенила,
Любовь небесная затмила
Ее земную красоту.

А он, в прозрении глубоком,
Уже вступая с миром в бой,
Глядит вперед — и ясным оком
Голгофу видит пред собой.

1858

Аполлон Николаевич Майков
(1821-1897)

* * *

Ах, чудное небо, ей-Богу, над этим классическим Римом!
Под таким небом невольно художником станешь.
Природа и люди здесь будто другие, как будто картины
Из ярких стихов антологии древней Эллады.
Ну, вот, поглядите: по каменной белой ограде разросся
Блуждающий плющ, как развешанный плащ иль завеса;
В середине, меж двух кипарисов, глубокая темная ниша,
Откуда глядит голова с преуродливой миной
Тритона. Холодная влага из пасти, звеня, упадает.
К фонтану альбанка (ах, что за глаза из-под тени
Покрова сияют у ней! что за стан в этом алом корсете!)
Подставив кувшин, ожидает, как скоро водою
Наполнится он, а другая подруга стоит неподвижно,
Рукой охватив осторожно кувшин на облитой
Вечерним лучом голове... Художник (должно быть, германец)
Спешит срисовать их, довольный, что случай неожиданно
В их позах сюжет ему дал для картины, и вовсе не мысля,
Что я срисовал в то же время и чудное небо,
И плющ темнолистый, фонтан и свирепую рожу тритона,
Альбанок и даже — его самого с его кистью!

1844

Мадонна

Стою пред образом Мадонны:
Его писал Монах святой,
Старинный мастер, не ученый;
Видна в нем робость, стиль сухой;

Но робость кисти лишь сугубит
Величье девы: так она
Вам сострадает, так вас любит,
Такою благодатью полна,

Что веришь, как гласит преданье,
Перед художником святым
Сама пречистая в сиянье
Являлась, видима лишь им...

Измучен подвигом духовным,
Постом суровым изнурен,
Не раз на помосте церковном
Был поднят иноками он, —

И, призван к жизни их мольбами,
Еще глаза открыть боясь,
Он братью раздвигал руками
И шел к холсту, душой молясь.

Брался за кисть, и в умиление
Он кистью то изображал,
Что от небесного виденья
В воспоминаньи сохранял, —

И слезы тихие катились
Вдоль бледных щек... И, страх тая,
Монахи вокруг него молились
И плакали — как плачу я...

1859

Айвазовскому

Стиха не ценят моего
Ни даже четвертью червонца,
А ты даришь мне за него
Кусочек истинного солнца,
Кусочек солнца твоего!
Когда б стихи мои вливали
Такой же свет в сердца людей,
Как ты — в безбрежность этой дали
И здесь, вокруг этих кораблей
С их парусом, как жар горящим
Над зеркалом живых зыбей,
И в этом воздухе, дышащем
Так горячо и так легко
На всем пространстве необъятном, —
Как я ценил бы высоко,
Каким бы даром благодатным
Считал свой стих, гордился б им,
И мне бы пелось, вечно пелось,
Своим бы солнцем сердце грелось,
Как нынче греется твоим!

1877

Renaissance

[К юбилею Рафаэля Санцио]

В светлой греческой одежде,
В свежем розовом венке,
Ходит юноша по свету
С звонкой лирою в руке.

Под одеждой кармелиток,
Преклонясь пред алтарем,
Дева тает в умиленьи
Пред небесным женихом.

Тот вступает в сумрак храма —
Очи встретились их —
Миг — и кинулись друг к другу,
Как невеста и жених.

«Для него во мне спасенье», —
Мыслит дева; он шептал:
«Я нашел его — так долго
Убегавший идеал!...»

Идут в мир — и, где ни ступят,
Всюду клики торжества,
Дух смягчающие слезы
И прозренья божества!

1887

Аполлон Александрович Тригорьев
(1822-1864)

(Из цикла
«Импровизации странствующего романтика»)

3

Глубокий мрак, но из него возник
Твой девственный, болезненно-прозрачный
И дышащий глубокой тайной лик...

Глубокий мрак, и ты из бездны мрачной
Выходишь, как лучи зари, светла;
Но связью страшной, неразрывно-брачной

С тобой навеки сочеталась мгла...
Как будто он, сей бездны мрак ужасный,
Рedeющий вокруг юного чела,

Тебя обвинил своей любовью страстной,
Тебя в свои объятия заковал
И только раз по прихоти всевластной

Твой светлый образ миру показал,
Чтоб вновь потом в порыве испуга
Пожрать воздушно-легкий идеал!

В тебе самой есть семя разрушенья —
Я за тебя дрожу, о призрак мой,
Прозрачное и юное виденье;

И страшен мне твой спутник, мрак немой;
О, как могла ты, светлая, сродниться
С зловещею, тебя объявшей тьмой?

В ней хаос разрушительный таится.

1858

4

О, помолись хотя единый раз,
Но всей глубокой девственной молитвой
О том, чья жизнь столь бурно пронеслась
Кружащим вихрем и бесплодной битвой.
О, помолись!..

Когда бы знала ты,
Как осужденным заживо на муки
Ужасны рая светлые мечты
И рая гармонические звуки...
Как тяжело святы сны видать
Душам, которым нет успокоенья,
Призывам братьев-ангелов внимать,
Нося на жизни тяжкую печать
Проклятия, греха и отверженья...
Когда бы ты всю бездну обняла
Палящих мук с их вечной лихорадкой,
Бездонный хаос и добра и зла,
Все, что душа безумно прожила
В погоне за таинственной загадкой,
Порывов и падений страшный ряд,

И слышала то ропот, то моления,
То гимн любви, то стон богохуленья, —
О, верю я, что ты в сей мрачный ад
Свела бы луч любви и примиренья...
Что девственной и чистою мольбой
Ты залила б, как влагою целебной,
Волкан стихии грозной и слепой
И заклала бы силы власть враждебной.
О, помолись!..

Недаром ты светла
Выходишь вся из мрака черной ночи,
Недаром грусть туманом залегла
Вкруг твоего прозрачного чела
И влагою сияющие очи
Болезненной и страстной облила!

27 января (10 февраля) 1858

Флоренция

5

О, сколько раз в каком-то сладком страхе,
Волшебным сном объят и очарован,
К чертам прозрачно-девственным прикован,
Я пред тобой склонял чело во прахе.
Казалось мне, что яркими очами
Читала ты мою страданий повесть,
То суд над ней произнося, как совесть,
То обливая светлыми слезами...
Недвижную, казалось, покидала
Порой ты раму, и свершалось чудо:
Со тьмой, тебя объявшей отовсюду,
Ты для меня союз свой расторгала.
Да! Верю я — ты расставалась с рамой,

Чело твое склонялось надо мною,
Дышала речь участием и тоскою,
Глядели очи нежно, грустно, прямо.
Безумные и вредные мечтанья!
Твой мрак с тобой слился неразделимо,
Недвижна ты, строга, неумолима...
Ты мне дала лишь новые страданья!

1858

К Мадонне Мурильо в Париже

Из тьмы греха, из глубины паденья
К тебе опять я простираю руки...
Мои грехи — плоды глубокой муки,
Безвыходной и ядовитой скуки,
Отчаянья, тоски без разделенья!

На высоте святыни недоступной
И в небе света взором утопая,
Не знаешь ты ни страсти мук преступной,
Наш грешный мир стопами попирая,
Ни мук борьбы, мир лучший созерцая.

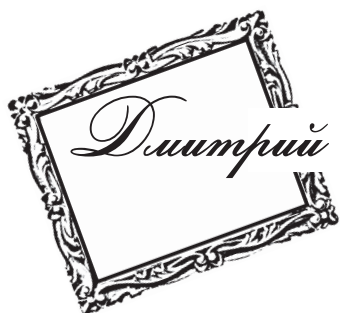
Тебя несут на крыльях серафимы,
И каждый рад служить тебе подножьем.
Перед тобой, дыханьем чистым, Божьим
Склонился в умиление мир незримый.

О, если б мог в той выси бесконечной,
Подобно им, перед тобой упасть я
И хоть с земной, но просветленной страстью
Во взор твой погружаться вечно, вечно.

О, если б мог взирать хотя со страхом
На свет, в котором вся ты утопаешь,
О, если б мог я быть хоть этим прахом,
Который ты стопами попираешь.

Но я брожу один во тьме безбрежной,
Во тьме тоски, и ропота, и гнева,
Во тьме вражды суровой и мятежной...
Прости же мне, моя Святая Дева,
Мои грехи — плод скорби безнадёжной.

1858

Дмитрий Дмитриевич Минаев
(1835-1889)

* * *

О, художник, если взял ты
В руки посох пилигрима,
Чтоб узнать красоты Крыма,
Убежим из модной Ялты

В горы, дальше от движенья...
В тридцати верстах от шумной
Суеты ее безумной
Есть татарское селенье.

Не далась ему известность,
Об Алуште не кричали,
Но в Крыму найдем едва ли
Привлекательнее местность.

Оглянись! Здесь воздух чище,
Живописней вид — не так ли?
По горе гнездятся сакли,
С плоской кровлею жилища,

И сбегают горной кручей
Вниз, туда, где спит долина.
Слева — горы и вершина
Чатырдага: сизой тучей

Как чалмой она обвита;
Справа — море вечно плещет,
И под всей картиной блещет,
С горизонта до зенита,

Неба купол бирюзовый.
Сколько зелени и блеска!
Там, в листве садом, как резко
Выделяется суровый

Кипарис! А великаны,
Эти тополи, упрямо
Словно в небо рвутся прямо,
Как зеленые фонтаны.

Тишина кругом. Порою
Грянет выстрел отдаленный,
И орел, им пробужденный,
Пролетает над горою.

1862

На художественной академической выставке

1. Нищие (г. Гаугера)

В этих нищих мы напрасно
Бедняков несчастных ищем:
Мне, смотря на них, ужасно
Быть таким хотелось нищим.

Сентябрь-октябрь 1862

2. К картине «Битая дичь» г. Граверта

Здесь в указатель глядеть не приводится,
Можно здесь разом постичь,
Что на картине пред нами находится
Дичь, господа, только дичь!..

Сентябрь 1863

Хапалов
(«Портрет старушки»)

Хапалов даровит, быть может, только дар-то
Особый у него, и в наши времена
«Морщин типографическая карта»
Портретом назваться не должна.

Март 1879

Ю. Леман
«Дама под вуалью»

Мысль Лемана развить задумавши упрямо,
Явилась у меня задача сумасшедшая:
Картину написать на тему «Дама,
Из комнаты ушедшая».

Март 1880

И. Крамской
«Портрет художника И. Шишкина»

Когда к портрету только подойдешь,
То крикнешь, в пафосе хохол свой теребя,
Что более портрет на Шишкина похож,
Чем сам оригинал на самого себя.

Март 1880

«Лес»
(И. Шишкина)

Правдиво так написан лес,
Что все невольно изумляются.
В таком лесу насмешки бес
И эпиграмма заплутаются.

Март 1881

«Сапожник»
(Кочетова)

Сюжет по дарованью и по силам
Умеет для картины выбирать,
Художник хорошо владеет... шилом —
Тьфу! — кистью — я хотел сказать.

Март 1881

Александр Львович Боровиковский
(1844-1905)

Deo ignoto

(по поводу одной картины)*

Перед тобой, неведомый мне бог,
В бессилии склоняю я колени,
Исполненный мучительных тревог,
Исполненный мучительных сомнений...

Я был твой враг... Вчера, еще вчера
Среди толпы неистовой, суровой
Вопил и я — я требовал костра
Ревнителям какой-то веры новой...

И вот, пришел на место казни я...
Передо мной, сложив смиренно руки,
Тебе молясь, поклонница твоя
За твой завет шла радостно на муки...

* Г. И. Семирадский «Светочи христианства» (1877).

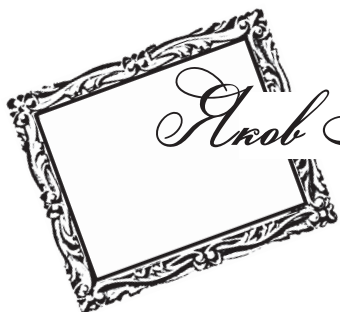
Я закричал: «О, прокляни меня!..»
Но — горе мне! — она благословляла...
И на костре, средь дыма и огня,
Песнь о любви и мире прозвучала...

Неведомы заветы мне твои;
Но властвуешь такими ты сердцами,
Но столько в них всеяешь ты любви,
Что я познал: ты — бог между богами!..

Отныне чужд мне будет гордый храм,
Что строили мои отцы и деды:
Ведь наш позор, ведь эти казни — там
Отпразднуют как славные победы!..

Чужой мне бог! В твой храм я не войду:
Тебя понять, увы, я недостоин..
Но я свой меч к ногам твоим кладу...
Против тебя — отныне я не воин!..

1879

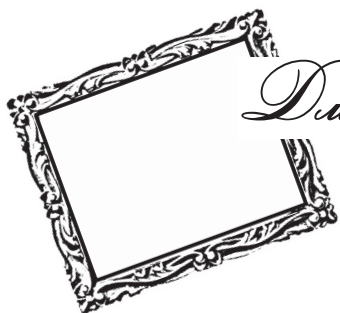
Аков Петрович Полонский
(1819-1898)

К портрету

Она давно прошла, и нет уже тех глаз,
И той улыбки нет, что молча выражали
Странданье — тень любви, и мысли — тень печали,
Но красоту ее Боровиковский спас*.
Так часть души ее от нас не улетела,
И будет этот взгляд и эта прелесть тела
К ней равнодушное потомство привлекать,
Уча его любить, страдать, прощать, молчать.

Январь 1885

* Речь идет о картине В. Л. Боровиковского «Портрет Марии Ивановны Лопухиной» (1797).

Дмитрий Мережковский
(1866-1941)

Леонардо да Винчи

О, Винчи, ты во всем — единый:
Ты победил старинный плен.
Какою мудростью змеиной
Твой страшный лик запечатлен!

Уже, как мы, разнообразный,
Сомненьем дерзким ты велик,
Ты в глубочайшие соблазны
Всего, что двойственно, проник.

И у тебя во мгле иконы
С улыбкой Сфинкса смотрят вдаль
Полуязыческие жены, —
И не безгрешна их печаль.

Пророк, иль демон, иль кудесник,
Загадку вечную храня,
О, Леонардо, ты — предвестник
Еще неведомого дня.

Смотрите вы, больные дети,
Больных и сумрачных веков,
Во мраке будущих столетий
Он, непонятен и суров, —

Ко всем земным страстям бесстрастный,
Таким останется навек —
Богов презревший, самовластный,
Богopodobный человек.

1885

Не-Джиоконде

И я пленялся ложью сладкою,
Где смешаны добро и зло;
И я Джиокондовой загадкою
Был соблазнен, — но то прошло;

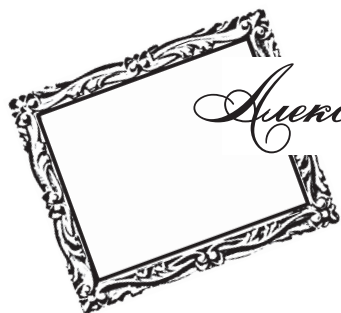
Я всех обманов не-таинственность,
Тщету измен разоблачил;
Я не раздвоенность — единственность
И простоту благословил.

Люблю улыбку нелукавую
На целомудренных устах
И откровенность величавую
В полумладенческих очах.

Люблю бестрепетное мужество
В пожатие девственной руки
И незапятнанное дружество
Без угрызенья и тоски.

Я рад тому, что ложью зыбкою
Не будет ваше «нет» и «да».
И мне Джиокондовой улыбкою
Не улыбнетесь никогда.

1913

Александр Блок (1880-1921)

Гамаюн, птица вещая

(Картина В. Васнецова)

На глядах бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

23 февраля 1899

Сирин и Алконост

Птицы радости и печали

Густых кудрей откинув волны,
Закинув голову назад,
Бросает Сирин счастья полный,
Блаженств нездешних полный взгляд.
И, затаив в груди дыханье,
Перыстый стан лучам открыв,
Вдыхает всё благоуханье,
Весны неведомой прилив...
И нега мощного усилья
Слезой туманит блеск очей...
Вот, вот, сейчас распушит крылья
И улетит в снопах лучей!

Другая — вся печалью мощной
Истощена, изнурена...
Тоской вседневной и всенощной
Вся грудь высокая полна...
Напев звучит глубоким стоном,
В груди рыданье залегло,
И над ее ветвистым тронм
Нависло черное крыло...
Вдали — багровые зарницы,
Небес померкла бирюза...
И с окровавленной ресницы
Катится тяжкая слеза...

23—25 февраля 1899

«Погоня за счастьем»

(Рош-Гросс)

Отвека люди служат Богу,
Тому, кого незримый гнет
К его небесному чертогу
Тягчит земной души полет.
Тому, кто сеет злое семя
Промежду семени добра,
Чей путь — объемлющее время,
Обитель — дальняя гора.
Идут века, — но поколения
Стремятся к горному хребту
И ловят с криком опьяненья
Его одежды на лету.
Вершины редко достигают
И гибнут, гибнут — каждый миг,
А кто достигнет, — умирает,
Но смерть его — победный клик!

7 октября 1899

Демон

Прижмись ко мне крепче и ближе,
Не жил я — блуждал средь чужих...
О, сон мой! Я новое вижу
В бреду поцелуев твоих!

В томленьи твоём иступленном
Тоска небывалой весны
Горит мне лучом отдаленном
И тянется песней зурны.

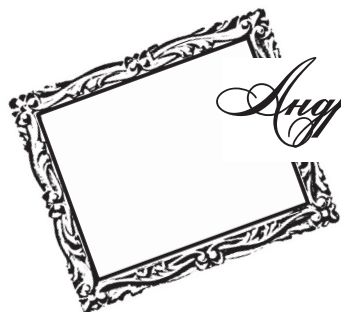
На дымно-лиловые горы
Принес я на луч и на звук
Усталые губы и взоры
И плети изломанных рук.

И в горном закатном пожаре,
В разливах синеющих крыл,
С тобою, с мечтой о Тамаре,
Я, горный, навеки без сил...

И снится — в далеком ауле,
У склона бессмертной горы,
Тоскливо к нам в небо плеснули
Ненужные складки чадры...

Там стелется в пляске и плачет,
Пыль вьется и стонет зурна...
Пусть скачет жених — не доскачет!
Чеченская пуля верна.

1910

Андрей Белый (1880-1934)

Искунитель

Врубелю

О, пусть тревожно разум бродит
И замирает сердце — пусть,
Когда в очах моих восходит
Философическая грусть.

Сажусь за стол... И полдень жуткий,
И пожелтевшей фолиант
Заложен бледной незабудкой;
И корешок, и надпись: Кант.

Заткет узорной паутиной
Цветную бабочку паук —
Там, где над взвешанной гардиной
Обвис сиренью спелый сук.

Свет лучезарен. Воздух сладок...
Роня профиль в яркий день,
Ты по стене из темных складок
Переползаешь, злая тень.

С угла свисает профиль строгий
Неотразимую судьбой.
Недвижно вычерчены ноги
На тонком кружеве обой.

Неуловимый, вечно зыбкий,
Не мучай и подай ответ!
Но сардонической улыбки
Не выдал черный силуэт.

Он тронулся и тень рассыпал.
Он со стены зашелестел;
И со стены бесшумно выпал,
И просквозил, и просерел.

В атласах мрачных легким локтем
Склонясь на мой рабочий стол,
Неотвратимо желтым ногтем
Вдоль желтых строк мой взор повел.

Из серебристых паутинок
Сотканный грустью лик кивал,
Как будто рой сквозных пылинок
В полдневном золоте дрожал.

В кудрей волнистых, золотистых
Атласистый и мягкий лен
Из незабудок росянистых
Гирлянды заплетает он.

Из легких трав восходят туры
Едва приметные рога.
Холодные глаза — лазури, —
Льют матовые жемчуга;

Сковали матовую шею
Браслеты солнечных огней...
Взвивается, подобный змею,
Весь бархатный, в шелку теней.

Несущий мне и вихрь видений,
И бездны изначальной синь,
Мой звездный брат, мой верный гений,
Зачем ты возникаешь? Сгинь!

Ты возникаешь духом нежным,
Клоня венчанную главу.
Тебя в краю ином, безбрежном,
Я зрел во сне и наяву.

Но кто ты, кто? Гудящим взмахом
Разбив лучей сквозных руно,
Вскипел, — и праздно прыснул прахом
В полуоткрытое окно.

С листа на лист в окошке прыснет,
Переливаясь, бриллиант...
В моих руках бессильно виснет
Тяжеловесный фолиант.

Любви не надо мне, не надо:
Любовь над жизнью вознесу...
В окне отрадная прохлада
Струит перловую росу.

Гляжу: — свиваясь вдоль дороги,
Косматый прах тенит народ,
А в небе, бледный и двурогий,
Едва замытый синью лед

Серпом и хрупким, и родимым
Глядится в даль иных краев,
Окуреваем хладным дымом
Чуть продышавших облаков.

О, пусть тревожно разум бродит
Над грудой поблеклых книг...
И Люцифера лик восходит,
Как месяца зеркальный лик.

1908

Москва

Демон

Из снежных тающих смерчей,
Средь серых каменных строений,
В туманный сумрак, в блеск свечей
Мой безымянный брат, мой гений

Сходил во сне и наяву,
Колеблемый ночными мглами;
Он грустно осенял главу
Мне тихоструйными крылами.

Возникнувши над бегом дней,
Извечные будил сомненья
Он зыбкою игрой теней,
Улыбкою разуверенья.

Бывало: подневольный злу
Незримые будил рыдания, —
Гонимые в глухую мглу
Невыразимые страдания.

Бродя, бывало, в полусне,
В тумане городском, меж зданий, —
Я видел с мукою ко мне
Его протянутые длани,

Мрачнеющие тени вежд,
Безвластные души порывы,
Атласные клоки одежд,
Их веющие в ночь извивы...

С годами в сумрак отошло,
Как вдохновенье, как безумье, —
Безрогое его чело
И строгое его раздумье.

Март 1908

Москва

Перед старой картиной

Кресла,
Чехлы,
Пьянино...
Всё незнакомо мне!..
Та же
Висит
Картина —
На глухой, теневой стене...

Ожила: —
И с прежним
Приветом,
Закурчавясь у ног, —
Пеной,

Кипеньем,
Светом
Хлынул бурный поток.

Из
Раздвинутых
Рамок
Грустно звали: «проснись!» —
Утес,
Забытый
Замок,
Лес, берега и высь.

Просыпался:
Века
Вставали...
Рыцарь, в стальной броне, —
Из неизвестных,
Безвестных
Далей
Я летел на косматом коне.

В облаке
Пыли
Бились
Плаща моего края...
Тускло
Мне
Открылись
С башни два огня.

Кричал,
Простирая
Объятья:
«Я вернулся из дальних стран!
Омойте

Мне, —
О братья! —
Язвы старых ран!

Примите
В приют
Укромный!..»
Но упало сердце мое,
Как с башни
Рыцарь
Темный
На меня направил копье.

Уставился
Остро,
Грозно
Злой клювовидный шлем...
Сказал,
Насмехаясь:
«Поздно!..
Путник — куда, зачем?
Мы — умерли,
Мы —
Поверья:
Нас кроют столетий рвы».
Пошел...
(Закачались
Перья
Вкруг его стальной головы.)

Глухо
Упали
Ворота...
Угасал — и угас чертог...
Изредка
Плакал

Кто-то
С каменной башни в рог, —

Да порой
Осыпали
Светом
Голубые взрывы зарниц, —
Острие
На копье
Воздетом, —
Бастион, черепицу, шпич; —

Да порой
Говорила
Уныло
С прежним — с прошлым: вода...
Всё это —
Было,
Было!
Будет —
Всегда,
Всегда!

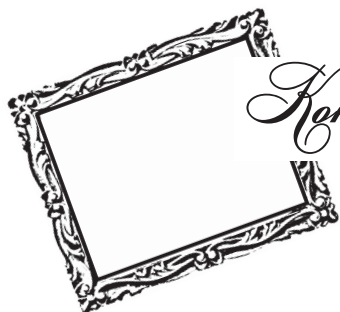
А
Из
Темных
Бездомных
Далей
На
Косматых,
Черных
Конях —
Рыцари
К замку скакали — в густых,
Густых
Тенях!..

Ночь играла над их головами —
Переливчивым
Блеском
Звезд...
Грохоча
Над сырыми
Рвами, —
Опустился подъемный мост.

Я вернулся
— Кресла,
Пьянино —
Всё незнакомо мне!
Обернулся:
— Висит
Картина
На глухой, теневой стене.
Из
Раздвинутых
Рамок —
Опять
Позвали:
«Вернись!».
Утес,
Забытый
Замок —

Лес,
Берега —
И высь!..

1910
Москва

Константин Бальмонт
(1867-1942)

Веласкес

Веласкес, Веласкес, единственный гений,
Сумевший таинственным сделать простое,
Как властно над сонмом твоих сновидений
Безумствует Солнце, всегда молодое!

С каким униженьем, и с болью, и в страхе,
Тобою — бессмертные, смотрят шуты,
Как странно белеют согбенные пряжи
В величьи рабочей своей красоты!

И этот Распятый, над всеми Христами
Вознесшийся телом утонченно-бледным,
И длинные копья, что встали рядами
Над бранным героем, смиренно-победным!

И эти инфанты с Филиппом Четвертым,
Так чувственно-ярким поэтом-Царем, —
Во всем этом блеске, для нас распростертом,
Мы пыль золотую, как пчелы, берем!

Мы черпаем силу для наших созданий
В живом роднике, не иссякшем доныне,
И в силе рожденных тобой очертаний
Приветствуем пышный оазис в пустыне.

Мы так и не знаем, какую же властью
Ты был — и оазис и вместе мираж, —
Судьбой ли, мечтой ли, умом или страстью,
Ты вечно — прошедший, грядущий и наш!

1901

Фра Анджелико

Если б эта детская душа
Нашим грешным миром овладела,
Мы совсем утратили бы тело,
Мы бы, точно тени, чуть дыша,
Встали у небесного предела.

Там, вверху, сидел бы добрый Бог,
Здесь, внизу, послушными рядами,
Призраки с пресветлыми чертами
Пели бы воздушную, как вздох,
Песню бестелесными устами.

Вечно примиренные с судьбой,
Чуждые навек заботам хмурым,
Были бы мы озером лазурным
В бездне безмятежно-голубой,
В царстве золотистом и безбурном.

Весна 1900, Севилья

Перед картиной Греко в музее Прадо, в Мадриде

На картине Греко вытянулись тени.
Длинные, восходят. Неба не достать.
«Где же нам найти воздушные ступени?
Как же нам пути небесные создать?»

Сумрачный художник, ангел возмущенный.
Неба захотел ты, в Небо ты вступил, —
И, с высот низвергнут, Богом побежденный,
Ужасом безумья дерзость искупил.

Да, но безумье твое было безумье священное,
Мир для тебя превратился в тюрьму,
Ты разлюбил все земное, неверное, пленное,
Взор устремлял ты лишь к высшему Сну своему.

Да, все монахи твои — это не тени согбенные,
Это не темные сонмы рабов,
Лица их странные, между других — удлиненные,
С жадностью тянутся к высшей разгадке миров.

1897

Рибейра

Ты не был знаком с ароматом
Кругом расцветавших цветов.
Жестокий и мрачный анатом,
Ты жаждал разъяття основ.

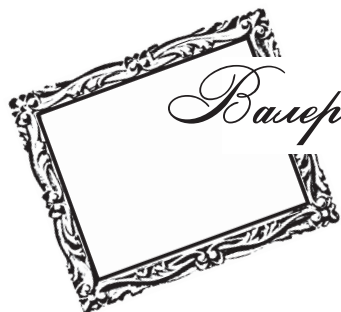
Поняв убедительность муки,
Ее затаил ты в крови,
Любя искаженные руки,
Как любят лобзанья в любви.

Ты выразил ужас неволи —
И бросил в беззвездный предел
Кошмары исполненной боли,
Тобою разорванных тел.

Сказав нам, что ужасы пыток
В созданных мечты хороши,
Ты ярко явил нам избыток
И бешенство мощной души.

И тьмою, как чарой, владея,
Ты мрак приобщил к красоте,
Ты — брат своего Прометея,
Который всегда в темноте.

Весна 1900, Севилья

Валерий Брюсов (1873-1924)

Врубелю

От жизни лживой и известной
Твоя мечта тебя влечет
В простор лазурности небесной
Иль в глубину сапфирных вод.

Нам недоступны, нам незримы,
Меж сонмов вопиющих сил,
К тебе нисходят серафимы
В сияньи многоцветных крыл.

Из теремов страны хрустальной,
Покорны сказочной судьбе,
Глядят лукаво и печально
Наяды, верные тебе.

И в час на огненном закате
Меж гор предвечных видел ты,
Как дух величий и проклятий
Упал в провалы с высоты.

И там, в торжественной пустыне,
Лишь ты постигнул до конца
Простертых крыльев блеск павлиний
И скорбь эдемского лица!

9 января 1906

Витраж-триптих

С р е д н я я ч а с т ь

Рыцарь по отмели едет один.

Л е в а я с т в о р к а

Дева томится в молельне вечерней.

П р а в а я с т в о р к а

Ждет, притаясь за скалой, сарацин.

Р а м а

Алые розы в сплетении терний.

Р ы ц а р ь

Рыцарь по отмели едет один;
Взор, из-под шлема, уныло-спокоен;
Блещет в щите, посредине, рубин;
Конь златосбруйный и мощен и строен.

Взор, из-под шлема, уныло-спокоен,
Смотрит в широкую синюю даль.
Что тебя мучит, задумчивый воин:
Слава и смерть иль любовь и печаль?

Блещет в щите, посредине, рубин, —
Золото справа и золото слева...
То талисман или память годин?
Нет, твой подарок, далекая дева!

Рыцарь по отмели едет один;
Конь златосбруйный, и мощен и строен,
Мерно ступает, взбивая песок...
Конь королевский! владеть им достоин
Только такой благородный ездок!

Что ж тебя мучит, задумчивый воин?..

Д е в а

Дева томится в молельне вечерней.
Образ мадонны и кроток и тих.
Грезы что миг все темней и неверней...
Где он, где твой нареченный жених!

Образ мадонны и кроток и тих,
Молча приемлет земные молитвы...
Где-то в горах и равнинах чужих
Длятся и длятся жестокие битвы!

Грезы, что миг, все темней и неверней...
Страшно, как в зеркало, глянуть в мечты;
Стрелы над шлемами свищут размерней,
Громче мечи дребезжат о щиты...

Дева томится в молельне вечерней:
Где он, где твой нареченный жених!
Может быть, сброшен коварным ударом,
Стынет, простертый на камнях нагих,
Ночью, под лунным таинственным паром,

Где-то в горах иль в равнинах чужих?

С а р а ц и н

Ждет, притаясь за скалой, сарацин.
Рыцарь опасной дороги не минет!
Звон разнесется по глуби долин.
Кто-то кого-то в борьбе опрокинет!

Рыцарь опасной дороги не минет!
Враг неподвижен за серой скалой,
Прыгнет и крикнет, опустит и вынет,
Красный от крови, кинжал роковой!

Звон разнесется по глуби долин.
Радостный звон, — он друзей не обманет!
Алый, как красный от крови, рубин
К белой одежде красиво пристанет!

Ждет, притаясь за скалой, сарацин.
Кто-то кого-то в бою опрокинет!
Верный, как барс, поиграет с врагом,
Сзади копье перелетное кинет
И на седло, потрясая клинком,

Прыгнет, и крикнет, и лезвие вынет!

Р а м а

Алые розы в сплетении терний.
Алые розы — то рыцаря кровь;
Тернии — грезы в молельне вечерней;
Розы и тернии — наша любовь.

1914–1915

«Бахус» Рубенса

Бахус жирный, Бахус пьяный
Сел на бочку отдохнуть.
За его плечом — багряный
Женский пеплум, чья-то грудь.

Бочка словно тихо едет,
Словно катится давно,
Но рукой привычной цедит
В чашу женщина вино.

Весел бог черноволосый,
Ждет вечерней темноты;
Кое-как льяные косы
У подруги завиты.

Скрыто небо черной тучей,
Мгла нисходит на поля...
После чаши — ласки жгучи,
И желанный одр — земля!

Но, забыв про грезы эти,
Опрокинув к горлу жбан,
Жадно влагу тянет третий...
Ах, старик, ты скоро — пьян.

Только девочке-малютке
Странно: что же медлит мать?
Только мальчик, ради шулки,
Рубашонку рад поднять.

Из пяти — блаженны двое;
Двум — блаженство знать потом;
Пятый ведал всё земное,
Но блажен и он — вином.

1912

Николай Тумишев (1886-1921)

Андрей Рублев

Я твердо, я так сладко знаю,
С искусством иноков знаком,
Что лик жены подобен раю,
Обетованному Творцом.

Нос — это древа ствол высокий;
Две тонкие дуги бровей
Над ним раскинулись, широки,
Изгибом пальмовых ветвей.

Два вещих сирина, два глаза,
Под ними сладостно поют,
Велеречивостью рассказа
Все тайны духа выдают.

Открытый лоб — как свод небесный,
И кудри — облака над ним;
Их, верно, с робостью прелестной
Касался нежный серафим.

И тут же, у подножья древа,
Уста — как некий райский цвет,
Из-за какого мать Ева
Благой нарушила завет.

Все это кистью достохвальной
Андрей Рублев мне начертал,
И в этой жизни труд печальный
Благословеньем Божиим стал.

1919

Портрет мужчины

Картина в Лувре работы неизвестного

Его глаза — подземные озера,
Покинутые, царские чертоги,
Отмечен знаком высшего позора,
Он никогда не говорит о Боге.

Его уста — пурпуровая рана
От лезвия, пропитанного ядом,
Печальные, сомкнувшиеся рано,
Они зовут к непознанным уладам.

И руки — бледный мрамор полнолуний,
В них ужасы неснятого проклятья,
Они ласкали девушек-колдуний
И ведали кровавые распятыя.

Ему в веках достался странный жребий —
Служить мечтой убийцы и поэта,
Быть может, как родился он, на небе
Кровавая растаяла комета.

В его душе столетние обиды,
В его душе печали без названья,
За все сады Мадонны и Киприды
Не променяет он воспоминанья.

Он злобен, но не злобой святотатца,
И нежен цвет его атласной кожи.
Он может улыбаться и стесняться,
Но плакать... плакать больше он не может.

1910

Фра Беато Анджелико

В стране, где гиппогриф веселый льва
Крылатого зовет играть в лазури,
Где выпускает ночь из рукава
Хрустальных нимф и венценосных фурий;

В стране, где тихи гробы мертвецов,
Но где жива их воля, власть и сила,
Средь многих знаменитых мастеров,
Ах, одного лишь сердце полюбило.

Пушай велик небесный Рафаэль,
Любимец бога скал Буонаротти,
Да Винчи, колдовской вкусивший хмель,
Челлини, давший бронзе тайну плоти.

Но Рафаэль не греет, а слепит,
В Буонаротти страшно совершенство,
И хмель да Винчи душу замутит,
Ту душу, что поверила в блаженство

На Фьезоле, средь тонких тополей,
Когда горят в траве зеленой маки,
И в глубине готических церквей,
Где мученики спят в прохладной раке.

На всем, что сделал мастер мой, печать
Любви земной и простоты смиренной.
О да, не все умел он рисовать,
Но то, что рисовал он, — совершенно.

Вот скалы, рощи, рыцарь на коне...
Куда он едет, в церковь иль к невесте?
Горит заря на городской стене,
Идут стада по улицам предместий;

Мария держит Сына Своего,
Кудрявого, с румянцем благородным.
Такие дети в ночь под Рождество,
Наверно, снятся женщинам бесплодным.

И так нестрашен связанным святым
Палач, в рубашку синюю одетый.
Им хорошо под нимбом золотым:
И здесь есть свет, и там — иные светы.

А краски, краски — яркие и чисты.
Они родились с ним и с ним погасли.
Преданье есть: он растворял цветы
В епископами освященном масле.

И есть еще преданье: серафим
Слетал к нему, смеющийся и ясный,
И кисти брал, и состязался с ним
В его искусстве дивном... но напрасно.

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей — мгновенна и убога.
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

Октябрь 1912

Гончарова и Ларионов

Пантум

Восток и нежный и блестящий
В себе открыла Гончарова,
Величье жизни настоящей
У Ларионова сурово.

В себе открыла Гончарова
Павлиньих красок бред и пенье,
У Ларионова сурово
Железного огня кружение.

Павлиньих красок бред и пенье
От Индии до Византии,
Железного огня кружение —
Вой покоряемой стихии.

От Индии до Византии
Кто дремлет, если не Россия?
Вой покоряемой стихии —
Не обновленная ль стихия?

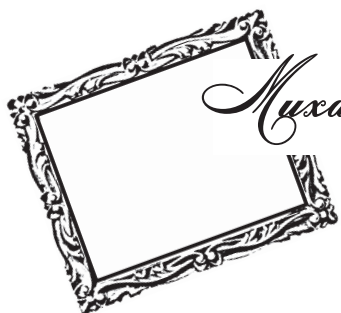
Кто дремлет, если не Россия?
Кто видит сон Христа и Будды?
Не обновленная ль стихия —
Сноп лучей и камней груды?

Кто видит сон Христа и Будды,
Тот стал на сказочные тропы.
Сноп лучей и камней груды —
О, как хохочут рудокопы!

Тот встал на сказочные тропы
В персидских, милых миньютюрах.
О, как хохочут рудокопы
Везде, в полях и шахтах хмурых.

В персидских, милых миньютюрах
Величье жизни настоящей.
Везде, в полях и шахтах хмурых
Восток и нежный, и блестящий.

1917

Михаил Кузмин (1872-1936)

Пейзаж Гогена

*К. А. Большакову**

Красен кровавый рот...
Темен тенистый брод...
Ядом червлены ягоды...
У позабытой пагоды
Руки в небо, урод!..

Ярок дальний припек...
Гладок карий конек...
Звонко стучит копытами,
Ступая тропами изрытыми,
Где водопой протек.

Ивою связан плот,
Низко златится плод...
Между лесами и селами
Веслами гресть веселыми
В область больных болот!

* К. А. Большаков (1895—1940) — поэт-футурист.

Видишь: трещит костер?
Видишь: топор остер?
Встреть же тугими косами,
Спелыми абрикосами,
О, сестра из сестер!

1916

Пейзаж Гогена

Второй

Тягостен вечер в июле,
Млеет морская медь...
Красное дно кастрюли,
Полно тебе блеснуть!
Спряталась паучиха.
Облако складки мнет.
Песок золотится тихо,
Словно застывший мед.
Винно-лиловые грозди
Спустит с небес лоза.
В выси мохнатые гвозди
Нам просверлят глаза.
Густо алеют губы,
Целуют, что овода.
Хриплы пастушьи трубы,
Блеют вразброд стада.
Скатилась звезда лилово...
В траве стрекозиный гром.
Все для любви готово,
Грузно качнулся паром.

1916

Ходовецкий

Наверно, нежный Ходовецкий
Гравировал мои мечты:
И этот сад полунемецкий,
И сельский дом, немного детский,
И барбарисные кусты.

Пролился дождь; воздушны мысли.
Из окон рокот ровных гамм.
Душа стремится (вдаль ли? ввысь ли?),
А капли на листьях повисли,
И по карнизу птичий гам.

Гроза стихает за холмами,
Ей отвечает в роще рог,
И дядя с круглыми очками
Уж наклоняет над цветами
В цветах невиданных шлафрок.

И радуга, и мост, и всадник, —
Все видится мне без конца:
Как блещет мокрый палисадник,
Как ловит на лугу лошатник
Отбившегося жеребца.

Кто приезжает? кто отбудет?
Но мальчик вышел на крыльцо.
Об ужине он позабудет,
А теплый ветер долго будет
Ласкать открытое лицо.

1916

* * *

Декабрь морозит в небе розовом,
Нетопленный чернеет дом,
И мы, как Меншиков в Берёзове,
Читаем Библию и ждем.

И ждем чего? Самим известно ли?
Какой спасительной руки?
Уж вспухнувшие пальцы треснули
И развалились башмаки.

Уже не говорят о Врангеле,
Тупые протекают дни.
На златокованом архангеле
Лишь млеют сладостно огни.

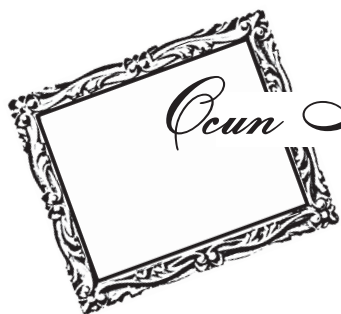
Пошли нам долгое терпение,
И легкий дух, и крепкий сон,
И милых книг святое чтение,
И неизменный небосклон.

Но если ангел скорбно склонится,
Заплавав: «Это навсегда», —
Пусть упадет, как беззаконница,
Меня водившая звезда.

Нет, только в ссылке, только в ссылке мы,
О, бедная моя любовь.
Лучами нежными, не пылкими,
родная согревает кровь,

Окрашивает губы розовым,
Не холоден минутный дом.
И мы, как Меншиков в Берёзове,
Читаем Библию и ждем.

1920

Осип Мандельштам (1891-1938)

* * *

На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Березы ветви поднимали
И незаметно вечерели.

Узор отточенный и мелкий,
Застыла тоненькая сетка,
Как на фарфоровой тарелке
Рисунок, вычерченный метко,

Когда его художник милый
Выводит на стеклянной тверди,
В сознании минутной силы,
В забвении печальной смерти.

1909

Импрессионизм

Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени,
И красок звучные ступени
На холст, как струпья, положил.

Он понял масла густоту —
Его запекшееся лето
Лиловым маслом разогрето,
Расширенное в духоту.

А тень-то, тень все лиловой —
Смычок иль хлыст, как спичка, тухнет, —
Ты скажешь: повара на кухне
Готовят жирных голубей.

Угадывается качель,
Недомалеваны вуали,
И в этом солнечном развале
Уже хозяйничает шмель.

1932

* * *

Как светотени мученик Рембрандт,
Я глубоко ушел в немеющее время,
Но резкость моего горящего ребра
Не охраняется ни сторожами теми,
Ни этим воином, что под грозою спят.

Простишь ли ты меня, великолепный брат,
И мастер, и отец черно-зеленой теми,
Но око соколиного пера
И жаркие ларцы у полночи в гареме
Смущают не к добру, смущают без добра
Межами сумрака взволнованное племя.

1937

* * *

Как дерево и медь — Фаворского полет,
В дощатом воздухе мы с временем соседи,
И вместе нас ведет слоистый флот
Распиленных дубов и яворовой меди.

А в кольцах сердится еще смола, сочась,
Но разве сердце — лишь испуганное мясо?
Я сердцем виноват — и сердцевины часть
До бесконечности расширенного часа.

Час, насыщающий бесчисленных друзей,
Час грозных площадей с счастливыми глазами...
Я обведу еще глазами площадь всей,
Всей этой площади с ее знамен лесами.

1937

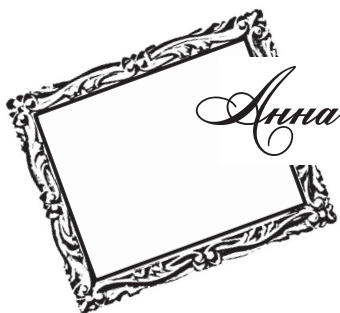
* * *

Небо вечера в стену влюбилось —
Всё изрублено светом рубцов —
Провалилось в нее, осветилось,
Превратилось в тринадцать голов.

Вот оно — мое небо ночное,
Пред которым, как мальчик, стою:
Холодеет спина, очи ноют,
Стенобитную твердь я ловлю, —

И под каждым ударом тарана
Осыпаются звезды без глав:
Той же росписи новые раны,
Неоконченной вечности мгла.

1937

Анна Ахматова (1889-1966)

Надпись на неоконченном портрете

О, не вздыхайте обо мне,
Печаль преступна и напрасна,
Я здесь, на сером полотне,
Возникла странно и неясно.

Взлетевших рук излом больной,
В глазах улыбка исступленья,
Я не могла бы стать иной
Пред горьким часом наслажденья.

Он так хотел, он так велел
Словами мертвыми и злыми.
Мой рот тревожно заалел,
И щеки стали снеговыми.

И нет греха в его вине,
Ушел, глядит в глаза другие,
Но ничего не снится мне
В моей предсмертной летаргии.

1912

Художнику

Мне все твоя мерещится работа,
Твои благословенные труды:
Лип, навсегда осенних, позолота
И синь сегодня созданной воды.

Подумай, и тончайшая дремота
Уже ведет меня в твои сады,
Где, каждого пугаясь поворота,
В беспамятстве ищу твои следы.

Войду ли я под свод преображенный,
Твоей рукою в небо превращенный,
Чтоб остудился мой постылый жар?..

Там стану я блаженною навеки
И, раскаленные смежая веки,
Там снова обрету я слезный дар.

1924

* * *

.....
Я знаю, с места не сдвинуться
От тяжести Виевых век.
О, если бы вдруг откинуться
В какой-то семнадцатый век.

С душистою веткой березовой
Под Троицу в церкви стоять,
С боярынею Морозовой
Сладимый медок попивать.

А после на дровнях в сумерки
В навозном снегу тонуть...
Какой сумасшедший Суриков
Мой последний напишет путь.

1937

Рисунок на книге стихов

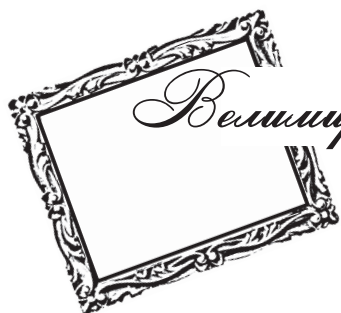
Он не траурный, он не мрачный,
Он почти как сквозной дымок,
Полуброшенной новобрачной
Черно-белый легкий веноч.
А под ним тот профиль горбатый,
И парижской челки атлас,
И зеленый, продолговатый,
Очень зорко видящий глаз.

1958

Конец демона

Словно Врубель наш вдохновенный,
Лунный луч тот профиль чертил.
И поведал ветер блаженный
То, что Лермонтов утаил.

1961

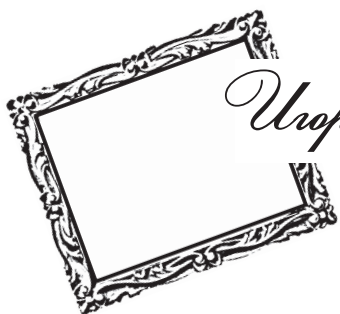

Велимир Хлебников (1885-1922)

Песнь смущенного

На полотне из камней
Я черную хвою увидел.
Мне казалось, руки ее нет костяней,
Стучится в мой жизненный выдел.
Так рано? А странно: костяком
Прийти к вам вечерком
И, руку простирая длинную,
Наполнить созвездьем гостиную.

Конец 1913

Угрю Северянин (1887-1941)

Врубелю

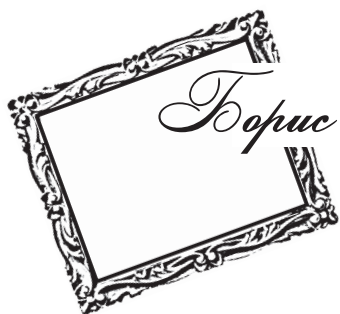
Так тихо-долго шла жизнь на убыль
В душе, исканьем обворованной...
Так странно-тихо растаял Врубель,
Так безнадежно очарованный...

Ему фиалки струили дымки
Лица, трагически безликого...
Душа впитала все невидимки,
Дрожа в преддверии великого...

Но дерзновенье слепило кисти,
А кисть дразнила дерзновенное...
Он тихо таял, — он золотистей
Пылал душою вдохновенною...

Цветов побольше на крышку гроба:
В гробу — венчанье!.. Отныне оба —
Мечта и кисть — в немой гармонии,
Как лейтмотив больной симфонии.

1910. Апрель

Борис Пастернак (1890-1960)

Зима приближается

Зима приближается. Сызнова
Какой-нибудь угол медвежий
По прихоти неба капризного
Исчезнет в грязи непроезжей.

Домишки в озерах очутятся.
Под ними закрутятся трубы.
В холодных объятьях распутицы
Сойдутся к огню жизнелюбы.

Обитатели севера строгого,
Накрытые ночью, как крышей,
На вас, захоластные логова,
Написано: «Сим победивши».

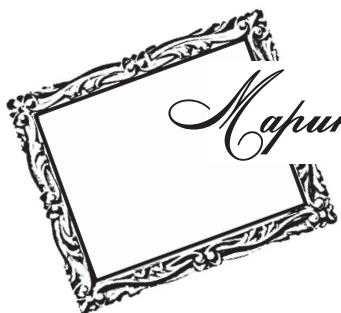
Люблю вас, далекие пристани
В провинции или деревне.
Чем книга чернее и ли́станней,
Тем прелесть ее задушевней.

Обозы тяжелые двигая,
Раскинувши нив алфавиты,
Россия волшебною книгою
Как бы на середке открыта.

И вдруг она пишется заново
Ближайшею первой метелью,
Вся в росчерках полоза санного
И белая, как рукоделье.

Октябрь серебристо-ореховый,
Блеск заморозков оловянный.
Осенние сумерки Чехова,
Чайковского и Левитана.

Октябрь 1943

Марина Цветаева (1892-1941)

Акварель*

Амбразуры окон потемнели,
Не вздыхает ветерок долинный,
Ясен вечер; сквозь вершину ели
Кинул месяц первый луч свой длинный.
Ангел взоры опустил святые,
Люди рады тени промелькнувшей,
И спокойны глазки золотые
Нежной девочки, к окну прильнувшей.

* Акrostих, посвященный Ане Калин, соученице А. Цветаевой, подруге сестер Цветаевых.

В сумерках

(На картину «Au Crépuscule» Paul Chabas*
в Люксембургском музее)

*Клане Макаренко***

Сумерки. Медленно в воду вошла
Девочка цвета луны.
Тихо. Не мучат уснувшей волны
Мерные всплески весла.
Вся — как наяда. Глаза зелены,
Стеблем меж вод распвела.
Сумеркам — верность, им, нежным, хвала:
Дети от солнца больны.
Дети — безумцы. Они влюблены
В воду, в рояль, в зеркала....
Мама с балкона домой позвала
Девочку цвета луны.

* Поль Шабас «В сумерках».

** По-видимому, гимназическая подруга Цветаевой.

Максимилиан Волошин (1877-1932)

Венеция

Резные фасады узорные зданья
На алом пожаре закатного стана
Печальны и строги, как фрески Орканья, —
Горят перламутром в отливах тумана...

Устало мерцают в отливах тумана
Далеких лагун огневые сверканья...
Вечернее солнце, как алая рана...
На всем бесконечная грусть увяданья.

О пышность паденья, о грусть увяданья!
Шелков Веронеза закатная Кана,
Парчи Тинторетто... и в тучах мерцанья
Осенних и медных тонов Тициана...

Как осенью листья с картин Тициана
Цветы облетают... Последнюю дань я
Несу облетевшим страницам романа,
В каналах следя отраженные зданья...

Венеции скорбной узорные зданья
Горят перламутром в отливах тумана.
На всем бесконечная грусть увяданья
Осенних и медных тонов Тициана.

1899, 1911

Портрет*

Я вся — тона жемчужной акварели,
Я бледный стебель ландыша лесного,
Я легкость стройная обвисшей мягкой ели,
Я изморозь зари, мерцанье дна морского.

Там, где фиалки и бледное золото
Скованы в зори ударами молота,
В старых церквях, где полет тишины
Полон сухим ароматом сосны, —

Я жидкий блеск икон в дрожащих струйках дыма,
Я шелест старины, скользящей мимо,
Я струйки белые угаснувшей метели,
Я бледные тона жемчужной акварели.

1903. Москва

* На автографе — пояснение Волошина: «К портрету Мар<гариты> Вас<ильевны>», то есть художницы М. В. Сабашниковой (1882—1973), с которой Волошин познакомился весной 1903 г.; впоследствии стала его женой.

* * *

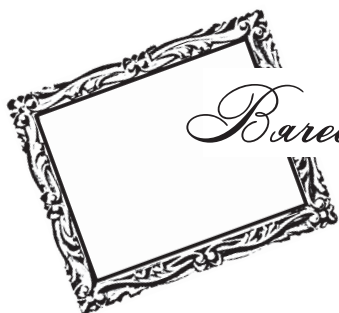
Ты живешь в молчаньи темных комнат
Средь шелков и тусклой позолоты,
Где твой взгляд несут в себе и помнят
Зеркала, картины и киоты.

Смотрят в душу строгие портреты...
Речи книг звучат темно и разно...
Любишь ты вериги и запреты,
Грех молитв и таинства соблазна.

И тебе мучительно знакомы
Сладкий дым бензоя, запах нарда,
Тонкость рук у юношей Содомы,
Змийность уст у женщин Леонардо*.

12 февраля 1910

* В автографе озаглавлено: «Черубине де Габриак»; обращено к этой вымышленной поэтессе, бывшей плодом воображения Волошина и Е. И. Дмитриевой.

Вячеслав Иванов (1866-1949)

Из поэмы «Ars mystica»

Мир чаёт — гений зрит; мир спит — он кличет клич;
Таланту дан порыв — ему дано достичь.
Что смутно вдаль влекло, блеснув скрывалось снова, —
Низводит Рафаэль на землю. Terra nova!
Природа светлая, мощь мужа, прелесть жен —
Весь лик красы земной встает преображен,
Всё — духа полное, как по стопам Мадонны*.
Эфир святых высот духами населенный,
Ничто не проклято, но все просветлено;
Не ропщет вещество, не мстит побеждено,
Но в ликовании преемлет дух любовный.
Так крест несет земле переворот бескровный.
Художник веровал, что будет этот день,
И, прежде, чем узреть могильной ночи сень,
Он начертал сей мир и мир святой надежды.
Он начертал Христа. Снеговые одежды
Клубил могучий вихрь; развеялись власы;
Исполнилось лицо сияющей красы;
К скалистой высоте не прикасались ноги;
Пророка два седых, проникновенно строги,
К нему стремились, царя в Его лучах.

* На картине «Сикстинская Мадонна» (примеч. Вяч. Иванова).

Деля со сладостью благоговейной страх,
Припав к камням горы, ученики смотрели
И жизнью новою дышали и горели.
А долу, где светил обычно небосвод,
Неверный мучился и развращенный род.
Толпа смятенная больного обступала;
Отчаянная мать припадок унимала;
Стояли смущенны, утратив дар небес,
В бессильной жалости носители чудес*.
И зритель, взор подняв от сумрачной юдоли
К Фавору, восклицал: «О, Господи! Доколе?»...

«Magnificat»*, Боттичелли

Как бледная рука, приемля рок мечей,
И жребий жертвенный, и вышней воли цепи,
Чертит: «Се аз, раба», — и горних велелепий
Не зрит Венчанная, склонив печаль очей, —

Так ты живописал бессмертных боль лучей,
И долу взор стремил, и средь безводной степи
Пленили сени чар и призрачный ручей
Твой дух мятущийся, о Сандро Филипепи!

И Смерть ты лобызал, и рвал цветущий Тлен!
С улыбкой страстною Весна сходила в доли:
Желаний вечность — взор, уста — истомный плен...

* Речь идет о картине Рафаэля «Преображение».

** «Magnificat» — начальное слово молитвы богородицы в Евангелии: «Величит душа моя Господа» (Лука I, 46—55); название картины Боттичелли.

Но снились явственной забвенные глаголы,
Оливы горние, и Свет, в ночи явлен,
И поцелуй небес, и тень Савонаролы...

Между 1882 и 1902

«Вечеря», Леонардо

*Александре Васильевне Гольштейн**

Гость Севера! Когда твоя дорога
Ведет к вратам единственного града,
Где блещет храм, чья снежная громада,
Эфирней гор, встает у их порога,

Но Красота смиренствует, убога,
Средь нищих стен, как бледная лампада,
Туда иди из мраморного сада
И гостем будь за вечерю Бога!

Дерзай! Здесь мира скорбь и желчь потира!
Ты зришь ли луч под тайной бранных линий?
И вызов Зла смятенным чадам Мира?

Из тесных окон светит вечер синий:
Се Красота из синего эфира,
Тиха, нисходит в жертвенный триклиний.

Между 1892 и 1902

* Александра Васильевна Гольштейн (ок. 1849 — ок. 1937) — писательница и переводчица.

Два художника

*Марии Михайловне Замятниной**

Милы мне, чуткий друг, в мечтательном Пуссене
Веселья звонкие в пустынности лугов;
В прозрачных сумерках скитания богов;
Над легкой радостью — задумчивые сени;
Неведомой зарей затеплен край небес —
И луч, сочащийся под лиственные своды,
И ожидание пленительных чудес
В улыбке вечереющей природы.

Как дали тонкие, чарует Клод Лоррен
И зеленью морей влечет, как песнь сирен,
В плен ясных гаваней, где спят чужие воды,
Под стройные столпы, и мраморные своды,
И мачты, свившие на отдых паруса,
Меж тем как чистый серп прорезал небеса.

1891

Сирена

Ты помнишь: мачты сонные,
Как в пристанях Лоррена,
Вонзились из туманности
Речной голубизны
К эфирной осиянности,

* Мария Михайловна Замятина (1865—1919) — домоправительница, воспитательница детей в доме Иванова.

Где лунная Сирена
Качала сребролонные
Немеющие сны.

Мы знали ль, что́ нам чистый серп
В прозрачности Лоррена,
Гадали ль, что́ нам ясная
Пророчила звезда?
До утра сладострастная
Нас нежила Сирена,
Заутра ждал глухой ущерб
И пленная страда.

1906

Терцины к Сомову*

О Сомов-чародей! Зачем с таким злорадством
Спешишь ты развенчать волшебную мечту
И насмехаешься над собственным богатством?

И, своенравную подъема красоту
Из дедовских могил, с таким непостоянством
Торопишься явить распад и наготу

Того, что сам одел изысканным убранством?
Из зависти ль к теням, что в оные века
Знавали счастье под пудренным жеманством?

* Константин Андреевич Сомов (1869—1939) — художник, один из организаторов группы «Мир искусства», автор портрета Вяч. Иванова (1906) и фронтисписа к книге «Cor ardens».

И душу жадную твою томит тоска
По *островам Любви*, куда нам нет возврата,
С тех пор как старым мир распродан с молотка...

И граций больше нет, ни милого разврата,
 Ни встреч условленных, ни приключений тех,
 Какими детская их жизнь была богата,

Ни чопорных садов, ни резвости утех,
И мы, *под бременем познания и сомненья*,
Так стары смолоду, что жизнь — нам труд и спех...

Когда же гений твой из этого плененья
На волю вырвется, в луга и свежий лес,
И там мгновенные ты ловишь измененья

То бегло-облачных, то радужных небес,
Иль пышных вечеров живописуешь тени,
И тайно грусть твою питает некий бес

На легких празднествах твоей
роскошной лени,
 И шепчет на ухо тебе: «Вся жизнь — игра.
 И всё сменяется в извечной перемене

Красивой суеты. Всему — своя пора.
Всё — сон и тень от сна. И все улыбки, речи,
Узоры и цвета (то нынче, что вчера)

Чредой докучливой текут — и издалече
Манят обманчиво. Над всем — пустая твердь.
Играет в куклы жизнь, — игры дороже свечи, —

И улыбается под сотней масок — Смерть».

1906

Фейерверк*

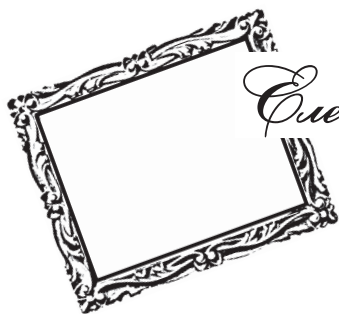
Константину Сомову

Замер синий сад в испуге...
Брызнув в небо, змеи-дуги
Огневые колятся,
Миг — и сумрак оросят:
Полночь пламенные плуги
Нивой звездной всколосят...
Саламандры ль чары деют?
Сени ль искристые рдеют?
В сенях райских гроздья зреют!..
Не Жар-птицы ль перья реют,
Опахалом алым веют,
Ливнем радужным висят?

Что же огненные лозы,
Как плакучие березы,
Как семья надгробных ив,
Косы длинные развив,
Тая, тлеют — сеют слезы —
И, как светляки в траве,
Тонут в сонной синеве?
Тускнут чары, тухнут грезы
В похоронной синеве...
И недвижные созвездья
Знаком тайного возмездья
Выступают в синеве.

Между 1905 и 1910

* Под этим названием известны три картины К. А. Сомова, написанные в 1904 и 1908 гг.

Елена Туро (1877-1913)

Василий Каменский

*Н. С. Гончаровой**

Чарн-чаллы-ай.
Из желтых скуластых времен
Радугой Возрождения
Перекинулась улыбка ушкуйника
И костлявой шеи местный загар.
Горячие пески
Зыбучи и вязки,
А камни приучили к твердости.
Линии очерчены сохой.
Чарн-чаллы-ай,
Султан лихой.
В гаремах тихие ковры
Червонными шелками
Чуть обвито тело,
Как пропасть — смоль волос.
Глаза — колодцы. Едина бровь
И губы — кровь.

* Наталья Сергеевна Гончарова (1881—1962) — русский живописец, график и театральный художник.

Рук змеиных хруст,
Рисунок строгий в изгибе уст,
Чарн-чаллы-ай.
Дай.
Возьми.
Саадэт? Черибан? Рамзиэ?
Будь неслышным
Кальяном
Тай.
Дай.
Спроворишь — бери.
Чарн-чаллы-ай.

1914

* * *

В белом зале, обиженном папиросами
Комиссионеров, разбившихся по столам:
На стене распятая фреска,
Обнаженная безучастным глазам.
Она похожа на сад далекий
Белых ангелов — нет одна —
Как лишенная престола царевна,
Она будет молчать и она бледна.
И высчитывают пользу и проценты.
Проценты и пользу и проценты
Без конца.
Всё оценили и продали сладострастно.
И забытой осталась — только красота.

Но она еще на стене трепещет;
Она еще дышит каждый миг,
А у ног делят землю комиссионеры
И заводят пьяно-механик.

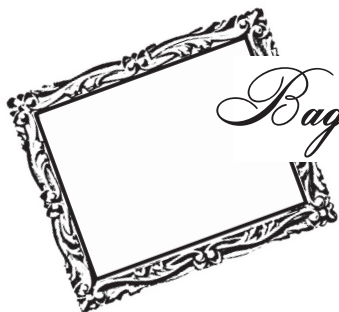
.....
А еще был фонарь в переулке —
Нежданно-ясный,
Неуместно-чистый как Рождественская Звезда!
И никто, никто прохожий не заметил
Нестерпимо наивную улыбку фонаря.
Но тем, — кто приходит сюда, —
Сберечь жизни —
И представить их души в горницу Христа —
Надо вспомнить, что тает
Фреска в кофейной,
И фонарь в переулке светит,
Как звезда.

1910

Одностроки

Нарисованы желтые быки. Закоптелые, пропыленные.

1913

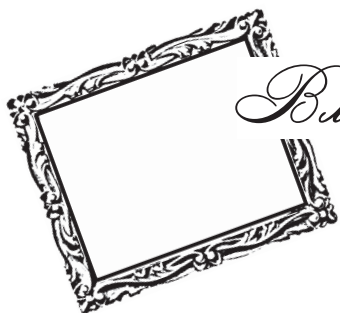

Вадиш Тарднер (1880-1956)

Художнику

Злорадство белых волн, и рама золотая —
Ремесленник сковал художника мечту,
А тут еще толпа... И в эту тесноту
Ты втиснул гнев души, о простота святая!

О, жажда мишуры! — Первосвященник славный,
Тиара сорвана, ты более не жрец —
Ты золота купил на проданный венец —
Неси свои холсты на рынок своенравный!

Владимир Маккавейский
(1893-1920)

Сонет-пейзаж

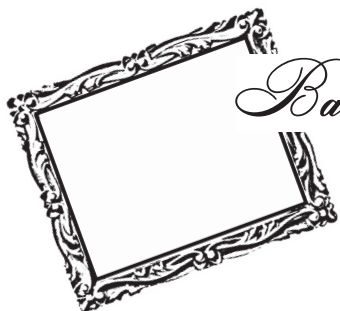
Где ливня дальнего за частоколом свай
лишь облак остовы у сумерек порога, —
загадочно кривой казаться не желай,
о ты, что в горизонт вливаешься, дорога.

Где простоте луны, себялюбивой строго,
и скудости дерев пристал собачий лай,
не все ли искать от Феба до Сварога
великих вечеров у ветви вялых вай?

И глазу пастбищем не все ли понуро
ты служишь, о пейзаж, и хрипом на дубу
цевницу нив манишь и гор зовешь трубу

туда, где, потушив последнюю избу,
мертво, как тишина, что октябрями бура,
уснула осени линиялая гравюра.

24—25 февраля 1916

Василий Кошаровский
(1881-1914)

* * *

Je montai l'escalier d'un pas lourd et pesant.

*Théophile Gautier**

Пылают лестницы и мраморы нагреты,
Но в церковь и дворец иди, где Тинторетты
С багровым золотом мешают желтый лак,
И сизым ладаном напитан полумрак.
Там в нише расцвела хрустальная долина
И с книгой, на скале, Мария Магдалина.
Лучи Спасителя и столь стеклянных блюд.
Несут белеющее тело, ждет верблюд:
Разрушила гроза последнюю преграду,
Язычники бегут от бури в колоннаду
И блеск магический небесного огня
Зияет в воздухе насыщенного дня.

1912

* «Взойду по лестнице медлительно и грузно». *Теофиль Готье (фр.)*.

* * *

...Squilla di lontano
Che paia il giorno pianger che'si muore...

*Dante**

Вспорхнула птичка. На ветвистой кроне
Трепещет солнце. Легкий кругозор,
И перелески невысоких гор,
Как их божественный писал Джорджоне.

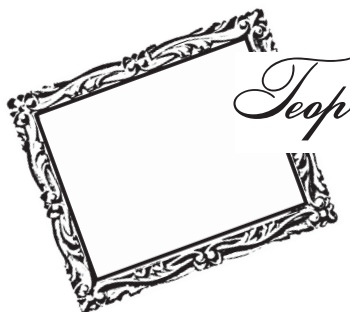
Из райских тучек сладостный кагор
Струится в золотистом небосклоне,
И лодочник встает в неясном звоне,
И шевелится медленно багор.

Дохнула ночь болотом, лихорадкой.
Перегорев, как уголь, вспышкой краткой,
Упало солнце в марево лагун.

Ночь синяя — и в самом восхищеньи
(Я с севера пришел, жестокий гун)
Мне тяжело внезапное смущенье.

1913

* «Дальний звон внимая, / Подобный плачу над умершим днем...». *Данте*
(итал.).

Георгий Иванов (1894-1958)

* * *

Над морем северным холодный запад гас,
Хоть снасти дальние еще пылали красным.
Уже звучал прибой и гальционы глас
Порывом осени холодным и ужасным.

В огромное окно с чудесной высоты
Я море наблюдал. В роскошном увяданьи,
В гармонии валов жило и пело ты,
Безумца Тернера тревожное создание.

В тумане грозовом дышалось тяжело...
Вдруг слава лунная, пробившись, озарила
Фигуру рыбака, и парус, и весло,
И яростью стихий раздутое ветрило!

* * *

Я вспоминаю влажные долины
Шотландии, деленные холмы,
Луну и все, что вспоминаем мы,
Услышав имя нежное Алины.

Осенний парк. Средь зыбкой полутьмы
Шуршат края широкой пелерины,
Мелькает облик девушки старинной,
Прелестный и пленяющий умы.

Широкая соломенная шляпа,
Две розы, шаль, расшитая пестро,
И Гектора протянутая лапа.

О, легкие созданья Генсборо,
Цвета луны и вянущей малины
И поцелуй мечтательной Алины!

Заставка*

Венецианское зеркало старинное,
Вкруг фарфоровыми розами увитое...
Что за мальчик с улыбкой невинною
Расправляет крылышки глянцеовитые

* Первоначально в составе цикла «Книжные украшения», впервые опубликовано под загл. «Виньетка».

Перед ним? Не трудно проказливого
Узнать Купидона милого, —
Это он ранил юношу опасливого,
Как ни плакал тот, как ни просил его.

Юноша лежит, стрелою раненный,
Девушка напротив — улыбается.
Оба — любовью отуманены...
Розы над ними сгибаются.

1913

* * *

Беспокойно сегодня мое одиночество —
У портрета стою — и томит тишина...
Мой прапрадед Василий — не вспомню я отчества —
Как живой, прямо в душу глядит с полотна.

Темно-синий камзол отставного военного,
Арапчонок у ног и турецкий кальян.
В закорузлой руке — серебристого пенного
Круглый ковш. Только, видно, помещик не пьян.

Хмурит брови седые над взорами карими,
Опустились морщины у темного рта.
Эта грудь, уцелев под столькими ударами
Неприятельских шашек, — тоской налита.

Что ж? На старости лет с сыновьями не справиться,
Иль плечам тяжелы прожитые года,
Иль до смерти мила крепостная красавица,
Что завистник-сосед не продаст никогда?

Нет, иное томит. Как сквозь полог затученный
Прорезается белое пламя луны, —
Тихий призрак встает в подземельи замученный
Неповинной страдальцы — первой жены.

Не забыть этой муки в разгуле неистовом,
Не залить угрызения влагой хмельной...
Запершись в кабинете — покончил бы выстрелом
С невеселою жизнью, — да в небе темно.

И теперь, заклеименный семейным преданием,
Как живой, как живой, он глядит с полотна,
Точно нету прощенья его злодеяниям
И загробная жизнь, как земная, — черна.

1914

* * *

Она застыла в томной позе,
Непринужденна и легка.
Нежна улыбка. К чайной розе
Простерта тонкая рука.

Глядит: вдали фонтан дробится,
Звуча, как лепет райских арф.
По ветру облаком клубится
Ее зеленоватый шарф.

А дальше, зеркалом серея,
Овальный отражает пруд,
Как мальчик с хлыстиком, в ливрее,
И белый пони — знака ждут.

Уже нетерпеливый пони
Копытом роет у межи,
И вздрагивают на попоне
Инициалы госпожи.

Но та, как будто все забыла,
Непринужденна и легка,
Облокотившись о перила,
Рассматривает облака.
1916

* * *

Когда луны неверным светом
Обрызган Павловский мундир,
Люблю перед твоим портретом
Стоять, суровый бригадир.

Нахмурил ты седые брови
И рукоятку шпаги сжал.
Да, взгляд такой на поле крови
Одну отвагу отражал.

И грудь под вражеским ударом
Была упорна и сильна,
На ней красуются недаром
Пяти компаний ордена.

Простой, суровый и упрямый,
Ты мудро прожил жизнь свою.
И я пред потускневшей рамой
Как очарованный стою,

И сердцу прошлое желанней.
А месяц ниже жемчуга
На ордена пяти компаний
И голубые обшлага.

1916

* * *

Растрепанные грозами — тяжелые дубы,
И ветра беспокойного — осенние мольбы,
Над Неманом клокочущим — обрыва желтизна —
И дымная и плоская — октябрьская луна.

Природа обветшала пустынно и мертва...
Ступаю неуверенно, кружится голова...
Деревья распростерты и тучи при луне —
Лишь тени, отраженные на дряхлом полотне.

Пред тусклою, огромною картиною стою
И мастера старинного как будто узнаю, —
Но властно прорывается в видения и сны
Глухое клокотание разгневанной волны!

* * *

Как я люблю фламандские панно,
Где овощи, и рыбы, и вино,
И дичь богатая на блюде плоском —
Янтарно-желтым отливает лоском.

И писанный старинной кистью бой —
Люблю. Солдат с блистающей трубой,
Клубы пороховые, мертвых груды
И вздыбленные кони отовсюду!

Но тех красот желанней и милей
Мне купы прибрежных тополей,
Снастей узор и розовая пена
Мечтательных закатов Клод Лоррена.

1915

* * *

О, празднество на берегу, в виду искусственного моря,
Где разукрашены пестро причудливые корабли.
Несется лепет мандолин, и волны плещутся, им вторя,
Ракета легкая летит и рассыпается вдали.

Вздыхает рослый арлекин. Задира получает вызов,
Спешат влюбленные к ладье — скользить
в таинственную даль...
О, подражатели Ватто, переодетые в маркизов,
Дворяне русские, — люблю ваш доморощенный
Версаль.

Пусть голубеют веера, вздыхают робкие свирели,
Пусть колышаются листья под розоватою луной,
И воскресает этот мир, как на поблекшей акварели, —
Запечатлел его поэт и живописец крепостной.

* * *

На лейпцигской раскрашенной гравюре
Седой пастух у дремлющего стада,
Ряд облаков — следы недавней бури —
И ветхая церковная ограда.

Направо — триумфальные ворота,
Где зелень разрушения повисла;
Какая-то Луиза иль Шарлота
Через них несет, склонившись, коромысла.

А дальше — пахота. Волы и плуги.
Под котелком потрескивает хворост.
Взрезая дерн зеленый и упругий,
Проходит пахарь ряд глубоких борозд.

И путник, шествуя дорогой голой,
На фоне дали серо-синеватой,
Чернеет шляпою широкополой,
Размахивает палкой суковатой.

1914

Ваза с фруктами

Тяжелый виноград, и яблоки, и сливы —
Их очертания отчетливо нежны —
Все оттушеваны старательно отливы,
Все жилки тонкие под кожицей видны.

Над грушами лежит разрезанная дыня,
Гранаты смуглые сгрудились перед ней,
Огромный ананас кичливо посредине
Венчает вазу всю короною своей.

Ту вазу, вьющимся украшенную хмелем,
Ваяла эллина живая простота:
Лишь у подножия к пастушеским свирелям
Прижаты мальчиков спокойные уста.

1914

* * *

Есть в литографиях старинных мастеров
Неизъяснимое, но явное дыханье,
Напев суровых волн и шорохи дубов,
И разноцветных птиц на ветках колыханье.

Ты в лупу светлую внимательно смотри
На шпаги и плащи у старомодных франтов,
На пристань, где луна роняет янтари
И стрелки серебрят готических курантов.

Создания легкие искусства и ума,
Труд англичанина, и немца, и француза!
С желтеющих листов глядит на нас сама
Беспечной старины улыбчивая муза.

1916

* * *

Потеряв даже в прошлое веру,
Став ни это, мой друг, и не то, —
Уплываем теперь на Цитеру
В синеватом сияньи Ватто...

Грусть любит лунным пейзажем,
Смерть, как парус, шумит за кормой...

...Никому ни о чем не расскажем,
Никогда не вернемся домой.

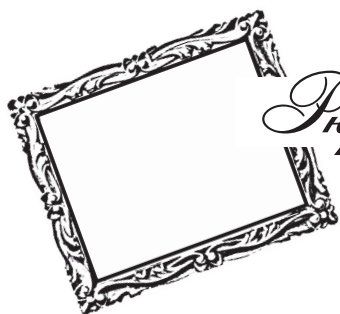
* * *

Почти не видно человека среди сиянья и шелков —
Галантнейший художник века, галантнейшего из веков.

Гармония? Очарованье? Разуверенье? Все не то.
Никто не подыскал названья прозрачной прелести
Ватто.

Как роза вянущая в вазе (зачем Господь ее сорвал?),
Как русский Демон на Кавказе, он в Валансьене
тосковал...

Впервые 1951

Рюрик Увнев (1891-1981)

* * *

*К. С. Петрову-Водкину, автору картины
«Купание красного коня»*

Кроваво-красный конь, к волнам морским стремящийся,
С истомным юношей на выпуклой спине,
Ты как немой огонь, вокруг костра крутящийся.
О многом знаешь ты, о многом шепчешь мне.
Зрачки расширились... Стою в святом волнении
И слышу запах волн, поющих о весне,
И слышу шепот душ, измученных в горении,
И, юноша, твой плач на огненном коне.
Там, где лежит туман, где степь непроходимая
Зелено-ярких вод, поют о новом дне,
И нас туда влечет мольба неизгладимая,
И там мы будем жить, а здесь мы, как во сне.

1912 Петербург

Портрет

На кисть художника я променял бы лиру,
Чтоб Вас запечатлеть хотя б единый раз
И передать, как дар векам, потомству, миру —
Цвет Вашего лица, блеск темно-синих глаз.

Избороздив моря, изгибы рек и сушу,
Вобрав в зрачки свои, как влагу, тень и свет,
Простому полотну я отдал бы всю душу
И, о себе забыв, писал бы Ваш портрет.

Пред ним склонились бы — и кипарис и ели,
Им любовались бы созвездья до утра,
И на его черты завистливо глядели
Непревзойденные в искусстве мастера.

Но зависть мучила б еще сильнее смотрящих
К тем, кто когда-нибудь хотя б коснулся Вас.
К тем, кто при жизни видел свет горящих,
Неповторимых темно-синих глаз.

1940

Италия была у ног твоих

*Мальвине Марьяновой**

Всё, что прошло, тобою не забыто,
Осталась боль, хотя ушли года.
Италия была у ног твоих, когда
Тебя писал Винченцио Джемито.

* Мальвина Марьянова (1896—1992) — поэт.

Твоим глазам, влюбленным и счастливым,
Хотел отдать он, будто новый Крез,
Лазурь неиссякаемых небес
И Неаполитанского залива.

Людской поток стремился к Виа-Тассо,
Чтоб видеть свет, чтоб видеть облик твой.
О Джиоконде, ставшей вновь живой,
Весть пронеслась повсюду громогласно.

Казалось, краски Леонардо Винчи
Вдруг ожили, чтоб вдохновить мечтой
Не только тех, кто дышит красотой,
Но даже мир, к искусству безразличный.

Прошли года. Художник опочил.
Ты сохранила в памяти Джемито.
Румянец бледный на твоих ланитах
Чуть теплится, как огонек свечи.

Но твой портрет останется в веках,
Как памятник красы необычайной,
Она бессмертна. Это не случайно,
Что жизнь тебя носила на руках.

Всё, что прошло, тобою не забыто,
Осталась боль, хотя ушли года,
Италия была у ног твоих, когда
Тебя писал Винченцио Джемито.

1954

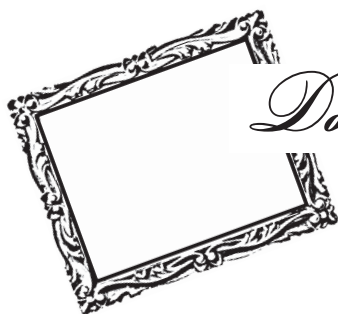

Мальвина Марьянова (1896-1992)

Живая и мертвая

Я сидела в твоей комнате и глядела, как ты задумчиво
шевелил дрова в печи.
На стене увидела портрет — надменное лицо женщины.
Я сидела за твоим столом и глотала слезы.
Входили люди, спрашивали: — Скоро ли вернется ваша жена,
грустно вам одному? —
Ты подозвал меня и тихо, тихо, чтоб никто не услышал,
шепнул: — Пойдем, я покажу тебе, как уйти. —
Я ушла.
Живая осталась на полотне.

1922

Дон Аминадо (1888-1957)

Открытки на стене

Карл Маркс и Фридрих Энгельс,
Левитановский «Покой»,
И Мадонна Каульбаха
Под вуалью, со слезой.
А потом «Лесная сказка»,
Антокольского «Христос»,
И Бетховенская маска
Без вуали и без слез.
Рядом Горький и Шаляпин:
Горький, сидя, и в усах,
А Шаляпин весь в поддевках,
Без усов, но в сапогах.
Над Шаляпиным, налево,
Босиком Толстой висит.
А под ним Балестриери
Под названьем: «Моросит».
Дальше — больше!.. Генрих Ибсен,
Клара Цеткин, и в упор —
Пара глаз Комиссаржевской,
А под ней — «Какой простор!».

Под «Простором» Джиоконда,
Фердинанда штука «Грех»,
Спиридонова Маруся
И картина «Красный смех»,

А потом идут: Андреев
С грустным Чеховым вдвоем,
А меж них, конечно, «Чайка»,
Станиславский и Артем.
Но затем кривая вкусов
Расширяет горизонт.
И висят: под «Чайкой» — Брюсов,
А под Брюсовым — Бальмонт.
Под Бальмонтом, затуманен
Славой будущих веков,
Томный Игорь Северянин,
А под ним... Кузьма Крюков!
Под Кузьмой — Альберт Бельгийский,
Реймс... И, в раме акажу,
Полубог один российский,
А какой, я не скажу.

Владимир Набоков (1899-1977)

Художник

Он отвернулся от холста
и в сад глядит, любясь свято
полетом алого листка
и тенью клена лиловатой;

любясь всем, как сын и друг,
без недоверья, без корысти,
и капля радужная вдруг
спадает с вытянутой кисти.

1919

Мария Петровна (1908-1979)

Акварели Волошина

О как молодо водам под кистью твоей,
Как прохладно луне под спокойной рукой!..
Осиянный серебряной сенью кудрей,
Возникал в акварелях бессмертный покой.
Я всем телом хотела б впиться туда,
Я забыла б свой облик за блик на песке.
Легкий след акварели, сухая вода,
Я жила бы на этом бумажном листке.
И, влюбленно следя за движениями век,
Озаренная ласковым холодом глаз,
Поняла б наконец, что любой человек
Этот призрачный мир где-то видел хоть раз.
Но когда? Я не знаю, и вспомнить не мне.
Это было в заоблачной жизни души,
А теперь — еле брезжит, чуть мнится во сне...
Ты, бесстрашно прозревший, свой подвиг сверши.
Воплоти, что в мечтаньях Господь созерцал:
Бурногорье, похожее на Карадаг,
Где вода словно слиток бездонных зеркал,
Где луна лишь слегка золотит полумрак.
Ты заблудшую душу отчизне верни,
Дай мне воздухом ясным проникнуть везде.
Я забуду земные недолгие дни,
Я узнаю бессмертье не легком листе.

*11 августа 1932
Звенигород*

Надпись на портрете

(Мадригал)

Я вглядываюсь в Ваш портрет
Настолько пристально и долго,
Что я, быть может, сбита с толку
И попросту впадаю в бред,

Но я клянусь: Ваш правый глаз
Грустней, внимательнее, строже,
А левый — веселей, моложе
И больше выражает Вас,

Но оба тем и хороши,
Что Вы на мир глядите в оба,
И в их несхожести особой —
Таинственная жизнь души.

Они мне счастья не сулят,
А лишь волнение без названья,
Но нет сильней очарованья,
Чем Ваш разноречивый взгляд.

1956

Перед картиной Саврасова

(Весна в детстве)

Вешний грач по свежей пашне
Ходит с важностью всегдашней,
Ходит чинно взад-вперед.
Нету птицы богомольней,
Звон услышав колокольный,
Не спеша поклоны бьет.

Строгий звон великопостный
Понимает грач серьезный,
Первым встретил ледоход,
Первым видел половодье,
Пост великий на исходе,
Все меняется в природе,
И всему свой черед...

В самый светлый день весенний,
В день Христова воскресенья,
С церкви зимнего Николы
Разольется звон веселый
И с пяти церквей в ответ
То ли звон, то ли свет.
Старший колокол — для фона:
Звук тяжелый и густой
В день веселый, день святой
Оттеняет перезвоны
Молодых колоколов.
Солнце синий воздух плавит,
Жарким блеском праздник славит
На крестах куполов...

Этот день впереди,
А пока погляди,
Как под звон великопостный
Ходит пашней грач серьезный,
Ходит чинно взад-вперед,
Не спеша поклоны бьет.

Павел Антокольский (1896-1978)

Экспрессионисты

Толпа метавшихся метафор
Вошла в музеи и кафе —
Плясать и петь, как рослый кафр,
И двигать скалы, как Орфей.

Ее сортировали спешно.
В продажу худший сорт пошел.
А с дорогим, понятно, смешан
Был спирт и девка голышом.

И вот, пресытись алкоголем,
Библиотеки исчерпав,
Спит ужас, глиняный как Голем
В их размозженных черепах.

И стужа под пальто их шарит,
И ливень — тайный их агент.
По дымной карте полушарий
Они ползут в огне легенд.

Им помнится, как непогода
Шла, растянувшись на сто лет,
Легла с четырнадцатого года
Походной карте на столе...

Как пораженческое небо
И пацифистская трава
Молили молнийную небыль
Признать их древние права.

Им двадцать лет с тех пор осталось,
Но им, наивным, ясно все —
И негрского оркестра старость,
И смерть на лицах Пикассо.

И смех, и смысл вещей, и гений,
И тот раскрашенный лубок, —
Тот глыбами земных гниений
Галлюцинирующий бог.

Летят года над городами.
Вопросы дня стоят ребром.
Врачи, священники и дамы
Суют им Библию и бром.

Остался гул в склерозных венах,
Гул времени в глухих ушах.
Сквозь вихорь измерений энных
Протезов раздается шаг.

Футляр от скрипки, детский гробик —
Все поросло одной травой...
Зародыш крепко спит в утробе
С большой, как тыква, головой.

1923

Портрет инфанты

Художник был горяч, приветлив, чист, умен.
Он знал, что розовый застенчивый ребенок
Давно уж сух и желт, как выжатый лимон;
Что в пульсе этих вен — сны многих погребенных;
Что не брабантские бесценны кружева,
А верно, ни в каких Болоньях иль Сорбоннах
Не сосчитать смертей, которыми жива
Десятилетняя.

Тлел перед ним осколок
Издерганной семьи. Ублюдок божества.
Тихоня. Лакомка. Страсть карликов бесполой
И бич духовников. Он видел в ней итог
Истории страны. Пред ним метался полог
Безжизненной души. Был пуст ее чертог.

Дуэньи шли гурьбой, как овцы. И смотрелись
В портрет, как в зеркало. Он услышал поток
Витиеватых фраз. Тонуло слово «прелесть»
Под длинным титулом в двенадцать ступеней.
У короля-отца отваливалась челюсть.
Оскалив черный рот и став еще бледней,
Он проскрипел: «Внизу накормят вас, Веласкец».
И тот, откланявшись, пошел мечтать о ней.

Дни и года его летели в адской пляске.
Всё было. Золото. Забвение. Запой
Бессонного труда. Не подлежит огласке
Душа художника. Она была *собой*.
Ей мало юности. Но быстро постареть ей.
Ей мало зоркости. И всё же стать слепой.

Потом прошли века. Один. Другой. И третий.
И смотрит мимо глаз, как он ей приказал,
Инфанта-девочка на пасмурном портрете.
Пред ней пустынный Лувр. Седой музейный зал.
Паркетный лоск. И тишь, как в дни Эскуриала.
И ясно девочке по всем людским глазам,
Что ничего с тех пор она не потеряла —
Ни карликов, ни царств, ни кукол, ни святых;
Что сделан целый мир из тех же матерьялов,
От века данных ей. Мир отсветов златых,
В зазубринах резьбы, в подобье звона где-то
На бронзовых часах. И снова — звон затих.

И в тот же тяжкий шелк безжалостно одета,
Безмозгла, как божок, бесспорна, как трава
Во рвах кладбищенских, старей отца и деда, —
Смеется девочка. Сильна тем, что мертва.

1928

Нико Пиросманашвили

В духане, меж блюд и хохочущих морд,
На черной клеенке, на скатерти мокрой
Художник белилами, суриком, охрой
Наметил огромный, как жизнь, натюрморт.

Духанщик ему кахетинским платил
За яркую вывеску. Старое сердце
Стучало от счастья, когда для кутил
Писал он пожар помидоров и перца.

Верблюды и кони, медведи и львы
Смотрели в глаза ему дико и кротко.
Козел улыбался в седую бородку
И прыгал на коврик зеленой травы.

Цыплята, как пули, нацелившись в мир,
Сияли прообразом райского детства.
От жизни художнику некуда деться!
Он прямо из рук эту прорву кормил.

В больших шароварах серьезный кинто,
Дитя в гофрированном платъице, девы
Лилейные и полногрудые! Где вы?
Кто дал вам бессмертие, выдумал кто?

Расселины, выставившись напоказ,
Сверкали бесстрашием рысей и кошек.
Как бешено залит луной, как роскошен,
Как жутко раскрашен старинный Кавказ!

И пенились винные роги. Вода
Плескалась в больших тонкогорлых кувшинах.
Рассвет наступил в голосах петушиных,
Во здравие утра сказал тамада.

1935

Тамара Абакелия

Я спросил у художницы милой,
У нарядной грузинки спросил:
Что взрастило тебя и вскормило,
Сколько рук у тебя, сколько сил?

Где, в каких драгоценных породах
Сожжена была охра зари,
Этот барсовый глаз, самородок,
Что как лампа горит изнутри?

Где добыла ты рыжую глину
Цвета времени, цвета морей?
Где добыла сухую сангину
Цвета спекшийся крови моей?

Как ты видишь природу, как пишешь?
Как стараешься лица прочесть?
Как ты стала художницей — слышишь —
Ты такая, какая ты есть?

И она мне, смеясь, показала
Сто картонов, исчерканных сплошь,
Привела в театральную залу,
Где мешаются правда и ложь.

Разослала помощников-каджей
В ледяные расселины скал,
Чтоб трудились и к вечеру каждый
Краску, нужную ей, разыскал.

И на память в минуту разлуки,
Оторвавшись от шумных гостей,
Протянула мне смуглые руки
В рыжей глине до самых локтей.

1939 или 1940

Иероним Босх

Я завещаю правнукам записки,
Где высказана будет без опаски
Вся правда об Иерониме Босхе.
Художник этот в давние года
Не бедствовал, был весел, благодушен,
Хотя и знал, что может быть повешен
На площади, перед любой из башен,
В знак приближенья Страшного суда.

Однажды Босх привел меня в харчевню.
Едва мерцала толстая свеча в ней.
Горластые гуляли палачи в ней,
Бесстыжим похваляясь ремеслом.
Босх подмигнул мне: «Мы явились, дескать,
Не чаркой стукнуть, не служанку тискать,
А на доске грунтованной на плоскость
Всех расселить в засол или на слом».

Он сел в углу, прищурился и начал:
Носы приплюснул, уши увеличил,
Перекалечил каждого и скрючил,
Их низость обозначил навсегда.
А пир в харчевне был меж тем в разгаре.
Мерзавцы, хохоча и балагурия,
Не знали, что сулит им срам и горе
Сей живописи Страшного суда.

Не догадалась дьяволова паства,
Что честное, веселое искусство
Карает воровство, казнит убийство.
Так это дело было начато.

Мы вышли из харчевни рано утром.
Над городом, озлобленным и хитрым,
Шли только тучи, согнанные ветром,
И погибались медленно в ничто.

Проснулись торгошаи, монахи, судьи.
На улице калякали соседи.
А чертенята спереди и сзади
Вели себя меж них, как господа.
Так, нагло раскорячась и не прячась,
На смену людям вылезала нечисть
И возвещала горькую им участь,
Сулила близость Страшного суда.

Художник знал, что Страшный суд напишет,
Пред общим разрушеньем не опешит,
Он чувствовал, что время перепашет
Все кладбища и пепелища все.
Он вглядывался в шабаш беспримерный
На черных рынках пошлости всемирной.
Над Рейном, и над Темзой, и над Марной
Он видел смерть во всей ее красе.

Я замечал в сочельник и на пасху,
Как у картин Иеронима Босха
Толпились люди, подходили близко
И в страхе разбегались кто куда,
Сбегались вновь, искали с ближним сходство,
Кричали: «Прочь! Бесстыдство! Святотатство!» —
Во избежанье Страшного суда.

Александр Тумович (1909-1966)

Пикассо

Когда мне было восемнадцать лет
И я увидел мир его полотен —
С тех пор в искусстве я не беззаботен
И душу мне пронзает жесткий свет.

И я гляжу, как мальчик, вновь и вновь
На этих красок и раздумий пятна —
И половина их мне не понятна,
Как непонятна первая любовь.

Но и тогда, обрушив на меня
Своих могучих замыслов лавину,
Он разве знал, что я наполовину
Их не пойму до нынешнего дня.

Так вот, когда одну из половин —
Я это знаю — создал добрый гений,
Каков же будет смысл моих суждений
О той, второй? Что я решу один?

Нет, я не варвар! Я не посягну
На то, что мне пока еще неясно, —
И если половина мне прекрасна,
Пусть буду я и у второй в плену.

1961

Девочка на шаре

Не тогда ли в музее — навеки и сразу, —
В зимний полдень, морозный и синий,
Нас пронзило отцовское мужество красок,
Материнская сдержанность линий.

Не тогда ль нас твое полотно полонило —
Благодарных за каждую малость:
Мы видали, как вечная женственность мира
Из мужского ребра создавалась.

Но не думали мы про библейские ребра,
Просто нас — до плиты до могильной —
Научил ты, что сила становится доброй
И что нежность становится сильной.

1961

Матадор

Нет времени, чтоб жить обидой
И обсуждать житье-бытье.

Вся жизнь его была корридой
Весь мир — свидетелем ее.

Честолюбивое изгнание
Не прерывало вечный бой
Под солнцем трех его Испаний
И той — единственной одной.

И сквозь слепящее столетие
Он на быка глядит в упор —
Никем и никогда на свете
Не побежденный матадор.

1961

«Нищий ужин»

Читатель мой! Ты снова обнаружен,
Как истинный ценитель. Мы должны
Пойти вдвоем, взглянуть на «Нищий ужин»,
На руки мужа и глаза жены.

И ты поймешь — сын трудового класса, —
Что старую клеенку на столе
Сжимают руки самого Пикассо,
Натруженные в страшном ремесле.

1963

Аленушка

Позабить она сегодня вправе
Все, что ей солгало бытие:
Грустную неправду фотографий,
Ханжеское зеркальце свое.

Лунный вечер оказал ей милость, —
В колдовской воде отражена,
Девушка внезапно убедилась,
Что была русалкою она.

Так слагали древние народы
Правду сказок, канувших во тьму,
Где живая живопись природы
Учит нас Искусству своему.

1963

Николай Слейников (1898-1937)

В КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕЕ (мысли об искусстве)

1. Портрет военного

Через плечо висит на перевязи шпага, а на талии
Крючками укреплен широкий пояс из тисненой
кожи.
Украшенном резным изображением баталии.

2. Портрет Иакова I (работы Рубенса)

Король Британии сидит на облаке,
ногою левой попирая мир.
Над ним орел, парящий в воздухе,
сжимает молнии в когтях.
Два гения — один с огромной чашей,
Похожею на самовар,
Другой — с жезлом серебряным в руках —
Склоняются к ногам непобедимого владыки.
Внизу вдали идут в цепях закованные пленники.

3. Нимфы

(картина Абрагама ванн Кейленборха)

В обширном гроте, в глубине его, сидят на камнях
две полунагие нимфы.
В корзине возле них лежит колчан со стрелами и
лук.
Держа в руках ореховую ветку, третья нимфа
Взлетает вверх на каменную глыбу,
Покрытую малиновою драпировкой.
Тут же, на переднем плане, — две собаки.
Одна из них схватила кость, другая — лает.
Через широкое отверстие, проделанное в гроте,
открывается пейзаж.
Вдали синеют горы, ближе — озеро сверкает и
ручей.
В ручье купаются еще четыре нимфы, из которых
две сидят на спинах у других.

4. Пьяница

(картина Красбека)

В убогой горнице перед пылающим камином
Сидит на стуле человек.
Его кровать, покрытая когда-то балдахином,
Стоит в углу, забытая навек.
Сидящий трубку курит и мечтает,
Прилежно глядя на огонь.
Слуга вино ему из глиняной посуды наливает,
Забрав стакан в широкую ладонь.
Мужик схватил другой стакан и смотрит,
Через стекло любуясь вином...
Слуга молчит, желая приободрить хозяина.

6. Художника запомнил

В раскинутой под деревом палатке
Сидят за столиком две дамы и солдат.
Вокруг разбросаны тюки и седла в беспорядке.
В углу бочонки с порохом стоят.

7.

Среди фигурок можно различить военачальника
в расшитой епанче,
Его коня, его немногочисленную свиту,
Его врагов — двух всадников, съезжающих
с холма в цветущую долину.
У одного из них мы видим на плече
Висящую на ленте мандолину.

8. Опять военное

На всем скаку из пистолета
Стреляет в пешего солдат.
На нем винтовочка надета
И бомбы-дьяволы висят.
А рядом труп кавалериста...
В ушах звенит призыв горниста.

9. Описание еще одной картины

- А. Мадонна держит каменный цветок гвоздики
В прекрасной полусогнутой руке.
Младенец, сидя на земле с букетом повилики,
Разглядывает пятнышки на мотыльке.
Мадонна в алой мантии и синей ризе,
И грудь ее полуобнажена.
У ног младенца поместились на карнизе
Разрезанный лимон и рюмочка вина.
- Б. В одной руке младенец держит ножик,
В другой — разрезанный лимон.
Козленок с парюю коротких ножек
Стоит невдалеке, петрушкою пленен.
Одетый в желтую одежду
И с черной меховой шапкою на голове,
Стоит Иосиф, как невежда,
Читая книжечку, раскрытую в траве.
- В. В желтой одежде Иосиф
С шапкою черной в руке,
Цепь золотую отбросив,
Молча стоит вдалеке,
Радуюсь свежей обновке —
В шитых цветах епанча
(Сзади висят драпировки,
Бархат, сукно и парча,
Книга раскрыта большая,
Крупный разрезан лимон),
Левой ногой попирая
Ящик, рога и баллон.

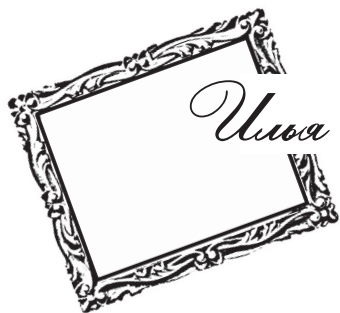
10. Ни и ну!

В пурпуровой мантии в черной норе,
В пещере на камне устроился Лот.
А рядом — одна из его дочерей
Сидит, оголивши живот.

Другая — вино виноградное льет
Из чаши стеклянной в сосуд золотой,
И голую ногу к нему на колени
Она, прижимаясь, кладет.

Вдали погибающий виден Содом,
Он пламенем красным объят.
И в красных рубахах, летя над костром,
Архангелы в трубы трубят.

1926—1937

Илья Сельвинский (1899-1968)

В картинной галерее

В огромной раме жирный Рубенс
Шумит плесканием наяд —
Их непомерный голос трубен,
Речная пена их наряд.

За ним печальный Боттичелли
Ведет в обширный медальон
Не то из вод, не то из келий
Полувенер, полумадонн.

И наконец, врагам на диво
Презрев французский гобелен,
С утонченностью примитива
Воспел туземец Поль Гоген.

А ты идешь от рамы к раме,
Не нарушая эту тишь,
И лишь тафтовыми краями
Тугого платья прошуршишь.

Остановилась у голландца...
Но тут, войдя в багетный круг,
Во всё стекло
на черни глянца
Твой облик отразился вдруг.

И ты затмила всех русалок,
И всех венер затмила ты!
Как сразу стал убог и жалок
С дыханьем рядом — мир мечты.

1921

Николай Заболоцкий (1903-1958)

Портрет

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.
Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?
Ее глаза — как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза — как два обмана,
Покрытых мглою неудач.
Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.
Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.

1953

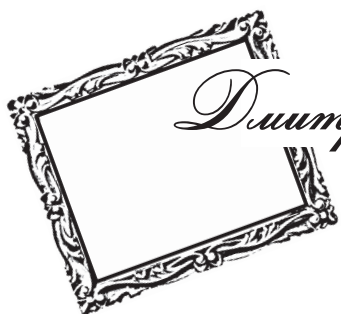
Николай Асеев (1889-1963)

Фантаσμαгория

Н. С. Гончаровой

Летаргией бульварного вальса
усыпленные лица подернув,
в электрическом небе качался
повернувшийся солнечный жернов;
покивали, грустя, манекены
головами на тайные стражи;
опрокинулись тучами стены,
звезды стали, стеная, в витражи;
над тоскующей каменной плотью,
простремглавив земное круженье,
магистралью на бесповоротье
облаками гремело забвенье;
под бичами крепчающей стужи
коченел бледный знак Фаренгейта,
и безумную песенку ту же
выводила полночная флейта.

1913

Дмитрий Кедрин (1907-1945)

Гравюра

Червонцев блеск на дне мешка,
Тюки, готовые к торговле,
И хвост резного петушка
Краснеет на узорной кровле.
Цыган разводит под горном
Огонь, а в тереме над Камой —
Она в окошке слюдяном
У пальцев за свинцовой рамой.

1927

Красота

Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских крестьянок,
У рязанских молодок, согбенных трудом,
На току молотивших снопы спозаранок.

У вихрастых мальчишек, что ловят грачей
И несут в рукаве полушубка отцова,
Я видал эти синие звезды очей,
Что глядят с вдохновенных картин Васнецова.

С большака перешли на отрезок холста
Бурлаков этих репинских ноги босые...
Я теперь понимаю, что вся красота —
Только луч того солнца, чье имя — Россия!

5 сентября 1942

Арсений Марковский (1907-1989)

Пауль Клее

Жил да был художник Пауль Клее
Где-то за горами, за лугами.
Он сидел себе один в аллее
С разноцветными карандашами,

Рисовал квадраты и крючочки,
Африку, ребенка на перроне,
Дьяволенка в голубой сорочке,
Звезды и зверей на небосклоне.

Не хотел он, чтоб его рисунки
Были честным паспортом природы,
Где послушно строятся по струнке
Люди, кони, города и воды.

Он хотел, чтоб линии и пятна,
Как кузнечики в июльском звоне,
Говорили слитно и понятно.
А однажды утром на картоне

Проступили крылышки и темя:
Ангел смерти стал обозначаться.
Понял Клее, что настало время
С Музой и знакомыми прощаться.

Попрощался и скончался Клее.
Ничего не может быть печальней!
Если б Клее был немного злее,
Ангел смерти был бы натуральней.

И тогда с художником все вместе
Мы бы тоже сгинули со света,
Порастряс бы ангел наши кости!
Но скажите мне: на что нам это?

На погосте хуже, чем в музее,
Где порой вы бродите, живые,
И висят рядком картины Клее —
Голубые, желтые, блажные...

1957

* * *

Пускай меня простит Винсент Ван Гог
За то, что я помочь ему не мог.

За то, что я травы ему под ноги
Не постелил на выжженной дороге,

За то, что я не развязал шнурков
Его крестьянских пыльных башмаков,

За то, что в зной не дал ему напиться,
Не помешал в больнице застрелиться.

Стою себе, а надо мной навис
Закрученный, как пламя, кипарис.

Лимонный крон и темно-голубое, —
Без них не стал бы я самым собою;

Унизил бы я собственную речь,
Когда б чужую ношу сбросил с плеч.

А эта грубость ангела, с какою
Он свой мазок роднит с моей строкою,

Ведет и вас через его зрачок
Туда, где дышит звездами Ван Гог.

1958

Феофан Грек

Когда я видел воплощенный гул,
И меловые крылья оживали,
Открылось мне: я жизнь перешагнул,
А подвиг мой еще на перевале.

Мне должно завещание могил,
Зияющих, как ножевая рана,
Свести к библейской резкости белил
И подмастерьем стать у Феофана.

Я по когтям узнал его: он лев,
Он кость от кости собственной пустыни,
И жажду я, и вижу сны, истлев
На раскаленных углях благостыни.

Я шесть веков дышу его огнем
И ревностью шести веков изранен.
— Придешь ли, милосердный самарянин,
Повить меня твоим прохладным льном?

[1975—1976]

Виктор Василенко (1905-1991)

«Троица» Андрея Рублева

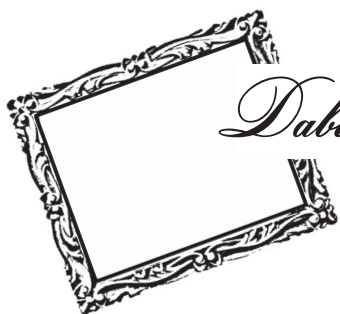
Три ангела, три странника у дуба
Мамврийского. Какая тишина
От них исходит! Как, озарена,
Сияет глубь иконы! Сердцу любви

Они давно. Печалью мягкой светят
Глаза у одного, и нежный лик
Его задумчив, он главой поник;
В другом — величие; строг и светел третий!

Пред ними чаша. Посохи свои
Они поставили. Пред вещей тайной
Дух замирает. Тихи, не случайны
Сейчас их речи, полные любви.

Они здесь близко. В мир сошли печали,
Чтоб осенить покровом и спасти, —
Три странника из озаренной дали,
Вкушающие хлеб и соль в пути.

1947

Давид Салимов (1920-1990)

* * *

Березы, осины да елки —
Простой подмосковный пейзаж.
Художник в татарской мурмолке
Весенний открыл вернисаж.

Художник, немного раскосый,
С татарской раскладкою скул,
Дымит и дымит папиросой
И слушает внутренний гул.

Из гула рождаются краски,
Из звука рождается цвет.
Природа плетет без развязки
Один бесконечный сюжет.

Но надо включать его в раму,
И это искусства залог,
Когда бесконечную драму
Врубают в один эпилог.

Брейгель

(Картина)

Мария была курчава.
Толстые губы припухли.
Она дитя качала,
Помешивая угли.

Потрескавшейся, смуглой
Рукой в ночное время
Помешивала угли.
Так было в Вифлееме.

Шли пастухи от стада,
Между собой говорили:
— Зайти, узнать бы надо,
Что там в доме Марии?

Вошли. В дыре для дыма
Одна звезда горела.
Мария была нелюдима.
Сидела, ребенка грела.

И старший воскликнул: — Мальчик! —
И благословил ее сына.
И, помолившись, младший
Дал ей хлеба и сыра.

И поднял третий старец
Родившееся чадо.
И пел, что новый агнец
Явился среди стада.

Да минет его голод,
Не минет его достаток.
Пусть век его будет долог,
А час скончания краток.

И желтыми угольками
Глядели на них бараны,
Как двигали кадыками
И бороды задирали.

И, сотворив заклинанье,
Сказали: — Откроем вены
Баранам, свершим закланье,
Да будут благословенны!

Сказала хрипло: — Баранов
Зовут Шошуа и Мадох.
И Богу я не отдам их,
А также ягнят и маток.

— Как знаешь, — они отвечали, —
Гляди, не накликай печали!.. —
Шли, головами качали
И пожимали плечами.

«Грачи прилетели»

Стояли они у картины:
Саврасов. «Грачи прилетели».
Там было простое, родное.
Никак уходить не хотели.

Случайно разговорились,
Поскольку случилась причина.
— Саврасов. «Грачи прилетели» —
Хорошая эта картина.

Мужчина был плохо одетый.
Видать, одинокий. Из пьющих.
Она — из не больно красивых
И личного счастья не ждущих.

Ее проводил он до дома.
На улице было морозно.
Она бы его пригласила,
Но в комнате хаос и поздно.

Он сам напросился к ней в гости
Во вторник на чашечку чая.
— У нас с вами общие вкусы
В картинах, как я замечаю.

Два дня она драила, терла
Свой угол для скромного пира.
Пошла, на последние деньги
Сиреневый тортик купила.

Под вечер осталось одеться,
А также открытку повесить —
«Грачи прилетели». Оделась.
Семь, восемь. И девять. И десять.

Семь, восемь, и девять, и десять.
Поглядывала из-за шторы.
Всплакнула. И полюбовалась
Коричневой розой на торте.

Себя она не пожалела.
А про неудавшийся ужин
Подумала: «Бедненький тортик,
Ведь вот никому ты не нужен.

Наверно, забыл. Или занят...
Известное дело — мужчина...».
А всё же «Грачи прилетели»
Хорошая эта картина.

1986

Маргарита Ашгер (1915-1992)

О красоте

По всей земле, во все столетья,
великодушна и проста,
всем языкам на белом свете
всегда понятна красота.
Хранят изустные творенья
и рукотворные холсты
неугасимое горенье
желанной людям красоты.
Людьми творимая навеки,
она понятным языком
ведет рассказ о человеке,
с тревогой думает о нем
и неуклонно в жизни ищет
его прекрасные черты.

Чем человек сильнее и чище,
тем больше в мире красоты.

И в сорок пятом, в сорок пятом
она светила нам в пути
и помогла моим солдатам
ее из пламени спасти.

Для всех людей, для всех столетий
они свершили подвиг свой,
и этот подвиг стал на свете
примером красоты земной.
И эта красота бездонна,
и безгранично ей расти.

Прощай, Сикстинская Мадонна!
Счастливого тебе пути!

1955

Анатолий Мигулин (1930-2000)

Художник

Только голые камни,
Поросшие мохом.
Только клочья тумана
На стланике мокрым.

Только грязные сопки
За хмарью суровой.
Только низкое серое
Здание столовой.

А в столовой,
Над грудями мисок порожних,
Колдовал у картины
Голодный художник.

На картине желтели
Луга и покосы.
Над рекой у затона
Стояли березы.

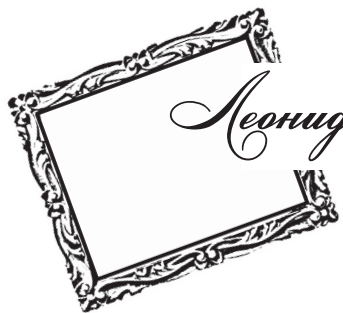
Баламутя кнутами
Зеленую тину,
Пастухи к водопою
Сгоняли скотину...

Я смотрел на картину...
Ресницы смежались.
И деревья, и люди
Ко мне приближались.

И березы худыми
Руками качали,
И коровы мычали,
И люди кричали.

Заскрипели уключины
Над перевозом,
И запахло травой,
Землею, навозом.

1963

Леонид Мартынов (1905-1980)

Художник

Художник
Писал свою дочь,
Но она,
Как лунная ночь,
Уплыла с полотна.

Хотел
Написать он
Своих сыновей,
Но вышли сады,
А в садах —
Соловей!

И дружно ему закричали друзья:
— Нам всем непонятна манера твоя!

И, так как они не признали его,
Решил написать он себя самого.
И вышла картина на свет из тьмы,
И все закричали ему:
— Это мы!

1954

Виденья Босха

(триптих)

1

Мне чудится, что жив художник Босх.
Брожу я с Иеронимусом Босхом
Отнюдь не в мире живописном плоском, —
Будь это «Мир искусства» или МОСХ, —
Но в бесноватом, узловатом, хлестком
И жестком, несмотря на внешний лоск,
Реальном мире, что от слез промозг.
Мы по газетным тычемся киоскам,
И радиомембраны говорят,
Где мор, где глад, где города горят.
Там счет потерян трупам распростертым,
И любомудрие летит в костер там,
Где песнопевцы виснут, вопия,
На лирах распяты...

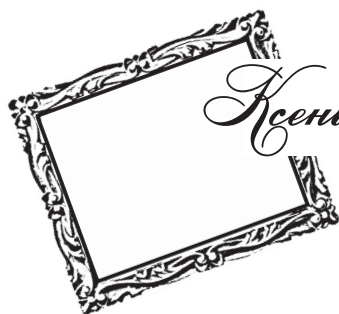
2

— Их видел я! —

Кричит мне Босх. — Но то была моя
Фантазия. Сердца сосет змея!
Мыслители по колбам и ретортам
Рассажены. Но за каким же чертом
Стал явью этот, лет пятьсот назад
Мне, Босху, примерещившийся ад?
Решили строить по моим наброскам
Весь мир? Так что же в сей юдоли слез,
Где розгами к блаженству путь зарос,
Готовится и девам и подросткам?
О, кажется, такой апофеоз
Готовится, что не гожусь я, Босх, вам
И в мальчики!

Но дай задать вопрос
Тебе, о Босх, в ответ на твой вопрос к нам:
— Быть может, неизбежное ты, Босх,
Предугадал? И в этом мире жестком
И апокалипсически громоздком,
Быть может, ты, художник, только воск
В руках у жизни?
— Нет, художник — мозг,
Мозг человечества! — кричит мне Босх. —
Его вотще ты сравниваешь с воском,
Он не сравним и с электронным мозгом!
И пусть мои прозрения озарят
Ваш мир аэротрасс и автострад,
Чтоб отцарил палаческий топор там,
И чтоб не стало мрачным натюрмортом
Живое все, и чтобы верил я,
Что ад земной — лишь выдумка моя!

1965

Ксения Некрасова (1912-1958)

Рублев. XV век

Поэт ходил ногами по земле,
а головою прикасался к небу.
Была душа поэта словно полдень,
и всё лицо заполнили глаза.

Рисунок

Лежали пашни под снегами...
Казалось: детская рука
нарисовала избы углем
на гребне белого холма,
полоску узкую зари
от клюквы соком провела,
снега мерцаньем оживила
и тени синькой положила.

В мастерской художника

Каждый год
рождаешься вновь —
от весны золотой,
от травы земляной,
от больших голубых небес.
И нет насыщения жизнью,
хоть сто раз
на земле живи, —
утоления нет рукам,
наглядения нет глазам.

В Замоскворечье

живет живописец:
сосновый в комнате пол,
сосновый в комнате стол,
сделанный на века,
и стоят в расписанном кувшине
ветки берез на столе.
А на кресле висит лоскут —
по зеленому ситцу
рыбы плывут.
И на полке, красные и желтые,
вещи стоят,
радуя живописца глаз.

Приходят юноши сюда,
взволнованные жизнью,
седые женщины
с девичьими глазами
и убеленные снегами
художники,
видавшие все страны, все моря...

Вот Азия стоит на полотне:
и поперек небес —
коричневый безлиственный сучок
и белые цветы на узловатых ветках.
Но всюду синева,
и желтизна,
и воздуха стеклянные отливы.

Картину унесли.
Но веянье весны
еще касалось лиц.

В Замоскворечье живет живописец.
И плывет и плывет звезда
С небес к стеклу мастерской.

Урина Снегова (1922-1975)

Сарьяну

Разбушевались краски,
Просто с ума сошли.
Тянет жаром от красной,
Точно уголь, земли.
Синь, густая и маркая,
Каплет меж рыжих скал,
Желтая тропка жаркая —
Ослик устал и стал...
Помидоры и персики,
Перцев огненные крючки —
Краски смеются дерзкие:
«Протрите, кричат, очки!».
Краски бунтуют: «Зрячие
Радостью жить должны!».
Краски текут горячие
На стену со стены.
Отягощают, как счастье,
И выпрямляют, как гимн...
В сером халате мастер
Входит к холстам своим.

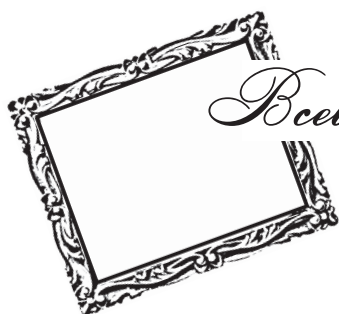
Со стен к нему тянутся листья,
Рвутся из рам ручки,
Он держит в руках не кисти,
А солнечные лучи.

1960

* * *

Я люблю художников Армении
Праздничные жаркие полотна —
Красный камень, желтокожий персик
И Севан, как подожженный спирт.
Я люблю их. И уйдя, я долго
Всё еще несу в себе, как в чаше,
Яркость их. И радуюсь ей долго.
Но потом, в Москве, припоминая
Тишину долины Араратской,
Я, сама не знаю отчего,
Вижу не боренье властных красок,
Не тщеславный званый стол природы,
Собранный, чтоб поразить гостей.
Вижу я дорогу к Аштараку,
Рябь серо-коричневого камня,
Древнего, горючего, скупого,
Землю, что растрескалась, как губы,
Жаждающие малого глотка.
И от этой блеклости пустынной,
Или по какой другой причине,
Мне, рожденной меж осин и сосен,
Душно перехватывает горло.

1963

Всеволод Рождественский *(1895-1977)*

Рисунок Пикассо

Певучим, медленным овалом
Пленительно обведена,
Встает виденьем небывалым
Белее лилии — она.

Голубки нежной трепетаньем
Ее лицо окаймлено,
И вся она — любви сиянье,
Зарей вошедшее в окно.

Должно быть, так из глуби синей
Веков, клубящихся вдали,
Вставал когда-то лик богини
В мечтах измученной земли.

Неугасимой мысли слово
Она несет через эфир —
Надежда века золотого
С именованьем кратким: МИР,

И, над волнениями вселенной
Сдержав злой воли колесо,
Ее, как росчерк вдохновенный,
Бессмертью отдал Пикассо.
1961

Некрасов

Зеленая лампа чадит до рассвета,
Шуршит корректура, а дым от сигар
Над редкой бородкой, над плешью поэта
Струит сладковатый неспешный угар.

Что жизнь — не глоток ли остывшего чая,
Простуженный день петербургской весны,
Сигары, и карты, и ласка простая
Над той же страницей склоненной жены?

Без сна и без отдыха, сумрачный пленник
Цензуры, редакций, медвежьих охот,
Он видит сейчас, разогнув «Современник»,
Что двинулся где-то в полях ледоход.

Перо задержалось на рифме к «свободе»,
И слышит он, руки на стол уронив,
Что вот оно, близко, растет половодье
На вольном просторе разбужженных нив...

Иссохшим в подушках под бременем муки
Ты, муза, России его передашь.
Крамской нарисует прозрачные руки
И плотно прижатый к губам карандаш*.

А слава пошлет похоронные ленты,
Венки катафалка, неожиданный покой,
Да песню, которую хором студенты
Подхватят над Волгой в глуши костромской.

И с этою песней пойдут поколения
По мерзлым этапам, под звон кандалов
В якутскую вьюгу, в снега поселений,
В остроги российских глухих городов.

И вырастет гневная песня в проклятье
Надменному трону, родной нищете,
И песню услышат далекие братья
В великой и страстной ее простоте.

1928

* Речь идет о картине И. Н. Крамского «Некрасов периода “Последних песен”».

Николай Глазков (1919-1979)

* * *

Полотно. Ермак. Татары.
Это будет Суриков,
Ну, а тут идут в тартары
Племена мазуриков.
Одеянья оборванцев
Ярче, чем мозаика.
Жизнь их будет обрываться,
Словно стих прозаика.
И прольется кровь густая
Самобытным суриком.
Наши дни, видать, устали
Дань платить мазурикам.

1938

Боярыня Морозова

Дни твои, наверно, прогорели
И тобой, наверно, неосознанны:
Помнишь в Третьяковской галерее —
Суриков — «Боярыня Морозова»?..

Правильна какая из религий?
И раскол уже воспринят родиной.
Нищий там, и у него вериги,
Он старообрядец и юродивый.

Он аскет. Ему не нужно бабы.
Он некоронованный царь улицы.
Сани прыгают через ухабы, —
Он разут, раздет, но не простудится.

У него горит святая вера.
На костре святой той веры греется
И с остервененьем изувера
Лучше всех двумя перстами крестится.

Что ему церковные реформы,
Если даже цепь вериг не режется?..
Поезда отходят от платформы —
Это ему даже не мерещится!..

На платформе мы. Над нами ночи черноть,
Прежде чем рассвет забрезжит розовый.
У тебя такая обреченность,
Как у той боярыни Морозовой.

Милая, хорошая, не надо!
Для чего нужны такие крайности?
Я юродивый Поэтограда,
Я заплачу для оригинальности...

У меня костер нетленной веры,
И на нем сгорают все грехи.
Я поэт ненаступившей эры,
Лучше всех пишу свои стихи.

1945

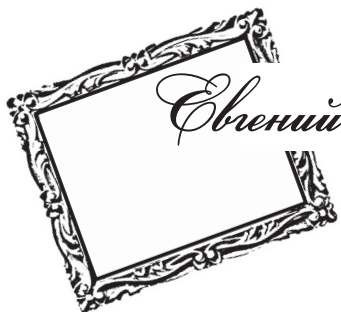
Кидекша

Льет на землю скупые лучи
Завихренное тучами небо,
И художник Сережа Тучнин
Пишет церковь Бориса и Глеба.
В день такой же, студеной и хмурый,
Без оттенков благой синевы,
В этой церкви молился князь Юрий —
Удалой основатель Москвы.

У старинного этого храма
Живописец трудился упрямо —
И продрог он, чудака человек!
— Поработал, Тучнин, и довольно!
Зря ты мерз и писал колокольню:
Ведь она — восемнадцатый век!

Отвечает Тучнин: — Не беда!
С колокольней еще живописней! —
И мы с ним соглашаемся: — Да,
Колокольня не кажется лишней.
Архитектор ее был толков,
Не чурался глубокого смысла,
Ибо строил спустя шесть веков,
А единый ансамбль сохранился!

1946

Свѣтлый Винокуров (1925-1993)

Мир разложил на части Пикассо

Мир разложил на части Пикассо.
Он плоть содрал с вещей. Так бьют посуду!
На дыбу мир! Скорей! На колесо!
Повсюду щепки. Черепки повсюду!

Устал. Пошел гулять на полчаса.
— Эх, что б еще! — Веселой полон злобой.
Глядит: кафе. Зашел. Глядит: слеза,
Слеза стекает...

Разложи! Попробуй!

1961

Вади Шейнер (1915-2002)

Картина

В. А. Л.

В комиссионном магазине
Висит картина на стене:
Горят костры под небом синим,
Котлы клокочут на огне,

Костры струят прямое пламя,
Сверкая искрами во мгле,
А вдалеке, на заднем плане,
Лежит повстанец на земле.

Пускай он молодой и ловкий,
Но кончены его пути:
Ему пеньковые веревки
Не разорвать и не уйти.

Так он минуты ждет последней,
Тоскою смертною томим,
И с поднятой ногой передней
Огромный слон застыл над ним.

И молчаливые сипаи
Зачем-то выстроились в ряд,
И, тихо копать осыпая,
Костры смолистые горят.

И я не смею отвернуться:
Что, если отвернусь —
и вдруг
Глухие стены покачнутся
И все изменится вокруг:

Костров пошевелинется пламя,
Замрут сипаи не дыша,
И грузный слон на заднем плане
Опустит ногу не спеша.

1939

У картины

Последний кабак не заставы,
И в инее конь у крыльца.
В снега величайшей державы
Дорога легла без конца.

В недолгом трактирном уюте
Задумайся у камелька,
Какие пути и распутья
Ждут путника и ямщика.

Художник останется с нами,
А кто-то шагнет в неуют,
А кто-то расстанется с нами —
И версты в глазах поплывут.

Он едет по снежной равнине;
Морозно, бело и темно,—
И все, чего нет на картине,
Ему испытать суждено.

1971

Милость художника

На старинной остзейской гравюре
Жизнь минувшая отражена:
Копьеносец стоит в карауле,
И принцесса глядит из окна.

И слуга молодой и веселый
В торбу корм подсыпает коню,
И сидят на мешках мукомолы,
И король примеряет броню.

Это все происходит на фоне,
Где скелеты ведут хоровод,
Где художник заранее понял,
Что никто от беды не уйдет.

Там, на заднем убийственном плане,
Тащит черт короля-мертвеца,
И, крутясь, вырывается пламя
Из готических окон дворца,

И по древу ползет, как по стеблю
Исполинский червец гробовой,
И с небес, расшибаясь о землю,
Боги сыпятся — им не впервой.

Там смешение быта и бреда,
Там в обнимку — чума и война;
Пивоварам, ландскнехтам, поэтам —
Всем капут, и каюк, и хана.

...А мальчишка глядит на подснежник,
Позабыв про пустую суму,
И с лицом исхудалым и нежным
Поселянка склонилась к нему.

Средь кончин и печалей несметных
Средь горящих дворцов и лачуг
Лишь они безусловно бессмертны
И не втиснуты в дьявольский круг.

1976

В духе раннего Нестерова

Странник сушит онучи
У развилки дорог.
Он ничем не навьючен
И как перст одинок.

Погорельцем бродячим
Он живет, незлобив,
О минувшем не плача,
О грядущем забыв.

В неуюте и стуже
Он не помнит обид.
«Все могло быть и хуже», —
Он тебе говорит.

И, глубинкой, глубинкой
Обходя города,
Со Вселенной в обнимку
Держит путь в никуда.

1977

Александр Межиров (1923-2009)

Гуашь

По лестнице, которую однажды
Нарисовала ты, взойдет не каждый
На галерею длинную. Взойду
Как раз перед зимой, на холоду,
На галерею, по твоим ступеням,
Которые однажды на листе
Ты написала вечером осенним
Как раз перед зимой ступени те
Гуашью смутной и крутым зигзагом.
По лестнице почти что винтовой,
По легкой, поднимусь тяжелым шагом
На галерею, в дом открытый твой.
Меня с ума твоя зима сводила
И смуглая гуашь, ступеней взмах
На галерею, и слепая сила
В потемках зимних и волупотьях.

Впервые 1984

Леонид Тубанов (1946-1983)

Ван Гог

Опять ему дожди выслушивать
И ждать Иисуса на коленях.
А вы его так верно сушите,
Как бред, как жар и как холера.
Его, как пса чужого, били вы,
Не зная, что ему позволено —
Замазать мир белилом Библии
И сотворить его по-своему.
Он утопал, из дома выселясь,
Мысль нагорчили, ополчили.
Судьба в подтяжках, словно виселица,
Чтобы штаны не соскочили.
Ах, ей ни капельки не стыдно —
Ведь в ночь, когда убийство холила,
Морщинистое сердце стыло —
И мямилло в крови — ох, холодно!
Эх, осень-сенюшка-осенюшка,
В какое горюшко осели мы?
Где нам любить?

Где нам висеть?

Винсент?

Когда зарю накрыла изморозь,
Когда на юг уплыли лебеди,
Надежда приходила издали
С веселыми словами лекаря.
Казалось — что и боль подсована
И поднимается, как в градуснике,
А сердце — как большой подсолнух,
Где выскребли все семя радости.
Он был холодный и голодный.
Но в белом Лувре, в черной зале,
Он на вопрос: «Как вы свободны?»
— «На вечность целую я занят», —
Ответил, чтоб не промахнуться,
С такой улыбкой на лице,
...Как после выстрела, в конце.
Великие не продаются!

1964

Малевич

Я — красный круг. Я — красный круг.
Вокруг меня тревожней снега
Неурожай простывших рук
Да суховой слепого смеха.
К мольбе мольберты неладны.
Затылок ночи оглушив,
Сбегаю на перекладных
Своей растерянной души.
Сирень, ты возжи мне давай,
Я вижу, вижу в белых салочках,
Как бродит чья-то киноварь
Спокойной к людям Красной Шапочкой.

Природа, что ушла в себя,
Как старый палисад, набрякла,
Она позирует, сопя,
А кисти плавают, как кряква.
Сеанс проходит ни за грош.
По мне слышней, чем саду в сенце,
Как заколачивает ложь
Покорную усадьбу сердца.
Мой стыд широколиц, как луг,
Под маковым платком основы.
Он требует белила рук
На гениальный холст озноба.
Сегодня мне тепло, как мальчику.
На акварель слезу проливший,
Я славил Русь худым карманщиком,
И пал до мастерских Парижа.

1964

Осень

(акварель)

В простоволосые дворца
Приходишь ты, слепая осень,
И зубоскалят топоры,
Что все поэты на износе,
Что спят полотна без крыльца,
Квартиросъемщиками — тени,
И на субботу нет лица,
Когда читают понедельник.
О, Русь, монашенка, услышь,
Прошамкал Благовест на радость,
И вяжут лебеди узлы,
Забыв про августины святость.

А за пощечиной плетня
Гудят колокола Беды.
Все вишни пишут под меня
И ты!

1964

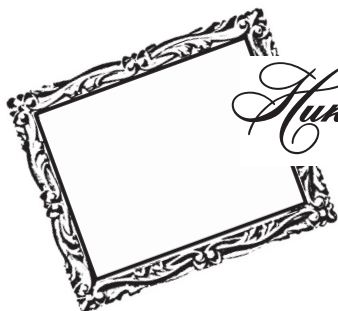
Осень

(масло)

Владимиру Алейникову

Здравствуй, осень, — нотный гроб,
Желтый дом моей печали.
Умер я — иди свечами.
Здравствуй, осень, — новый грот.
Если гвозди есть у баб,
Пусть забьют, авось осият.
Перестать ронять губам
То, что в вербах износили.
Этот вечер мне не брат,
Если даже в дом не принял.
Этот вечер мне не брать
За узду седого ливня.
Переставшие пленять
Перестраивают горе...
Дайте синего коня
На оранжевое поле!
Дайте небо головы
В изразцовые коленца,
Дайте капельку повыть
Молодой осине сердца!
Умер я, сентябрь мой,
Ты возьми меня в обложку.
Под восторженной землей
Пусть горит мое окошко.

1964

Николай Рубцов (1936-1971)

Левитану

(По мотивам картины «Вечерний звон»)

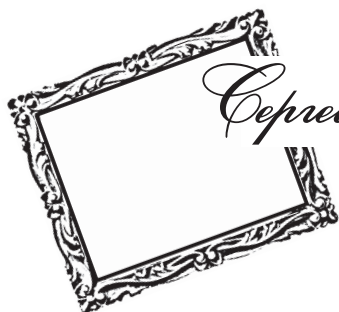
В глаза бревенчатым лачугам
Глядит алеющая мгла,
Над колокольчиковым лугом
Собор звонит в колокола!
Звон заокольный и окольный,
У окон, около колонн, —
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон.
И колокольцем каждым в душу
До новых радостей и сил
Твои луга

звонят

не глуше

Колоколов твоей Руси...

1960

Сергей Дрофенко (1933-1970)

* * *

Живописец тщедушный с бородкой,
что сулит тебе век твой короткий,
твой болезненный мозг?
Вот и встретились наши дороги.
И опять ты стоишь на пороге,
новоявленный Босх.

И жена твоя верная рядом
словно сладким отравлена ядом,
адам обожжена.
Достает из клеенчатой сумки
своего властелина рисунки
хлопотунья жена.

Я к глазам подношу их поближе.
Это всё уже было в Париже.
Это делал Сера.
Есть в запасе и нечто другое.
Только это ведь графика Гойи.
Разобраться пора.

Где твои, живописец, находки?
Независимой гордой походки
слишком мало, мой друг,
для того, кто с улыбкой презренья
захотел бы вовлечь мое зренье
в некий замкнутый круг.

А душа твоя сохнет и чахнет.
И так страшно провинцией пахнет
от любого листа.
Но внушает мне девочка с жаром,
что отмечен ты истинным даром.
Ее совесть чиста...

Детские рисунки

На детские рисунки
гляжу я, не дыша.
В них нет еще рассудка —
трепещет в них душа.

В их вдохновенье сильном,
понятном мне без слов,
медведь бывает синим,
волк желтым,
красным слон.

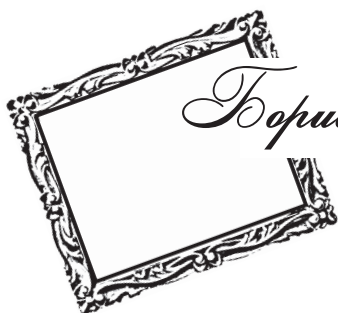
Бывают с лошадь мухи.
В глазах они рябят.
О творческие муки
Художников-ребят!

Всё это мне знакомо.
и сам во власти я
всеобщего закона
искусства без вранья.

Труд над рисунком краток.
И весь ребячий свет
первейшею из красок
считает красный цвет.

Им мало что понятно
в их годы на земле,
но красные те пятна
кричат о главном мне.

А то, что слон не серый
и чайка не бела, —
на это ты не сетуй.
Все это не беда!

Борис Чирюбабин (1923-1994)

Венок на могилу художника

Хоть жизнь человечья, и вправду, пустяк,
но, даже, и чудом не тронув,
Чюрленис и Врубель у всех на устах,
а где же художник Филонов?

Над черным провалом летел, как Дедал,
питался, как птица господня,
а как он работал, и что он видал,
никто не узнает сегодня.

В бездомную дудку дудил, как Дедал,
аж зубы стучали с мороза, —
и полдень померкнул, и свет одичал,
и стала шиповником роза.

О, сможет сказать ли, кому и про что
тех снов размалеванный парус?
Наполнилось время тоской и враждой,
и вечность на клочья распалась.

Но сердце мучительно, тупо, нищо,
на свете пустынно и плохо.
Кустодиев, Нестеров, кто там еще —
какая былая эпоха!

Ничей не наставник, ничей не вассал,
насытившись корочкой хлеба,
он русскую смуту по-русски писал
и веровал в русское небо.

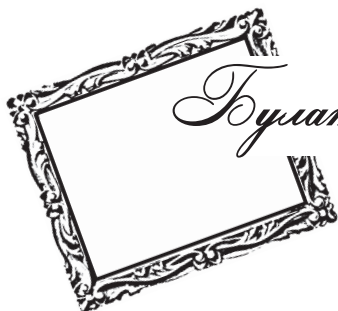
Он с голоду тонок, а судьи толсты,
и так тяжела его зрячесть,
что насмерть сыреют хмельные холсты,
от глаз сопричастников прячась.

А слава не сахар, а воля не мед,
и солью до глаз ополоскан,
кто мог бы попасть под один переплет
с Платоновым и Заболоцким.

Он умер в блокаду — и нету его:
он был и при жизни бесплотен.
Никто не расскажет о нем ничего,
и друг не увидит полотен...

Я вою в потемках, как пес на луну,
зову над зарытой могилой...
...Помилуй, о Боже, родную страну,
Россию спаси и помилуй.

Впервые 1989

Булат Окуджава (1924-1997)

Живописцы

*Ю. Васильеву**

Живописцы, окуните ваши кисти
в суету дворов арбатских и в зарю,
чтобы были ваши кисти словно листья.
Словно листья, словно листья к ноябрю.

Окуните ваши кисти в голубое,
по традиции забытой городской,
нарисуйте и прилежно и с любовью,
как с любовью мы проходим по Тверской.

Мостовая пусть качнется, как очнется!
Пусть начнется, что еще не началось!
Вы рисуйте, вы рисуйте, вам зачтется...
Что гадать нам: удалось — не удалось?

Вы, как судьи, нарисуйте наши судьбы,
наше лето, нашу зиму и весну...
Ничего, что мы — чужие. Вы рисуйте!
Я потом, что непонятно, объясню.

1959

* Юрий Иванович Васильев (1925—1990) — скульптор, график, живописец, художник книги и реставратор.

Песенка о художнике Пиросмани

*Николаю Грицюку**

Что происходит с нами,
когда мы смотрим сны?
Художник Пиросмани
выходит из стены,

из рамок примитивных,
из всякой суеты
и продает картины
за порцию еды.

Худы его колени
и насторожен взгляд,
но сытые олени
с картин его глядят,

красотка Маргарита
в траве густой лежит,
а грудь ее открыта —
там родинка дрожит.

И вся земля ликует,
пирует и поет,
и он ее рисует
и Маргариту ждет.

Он жизнь любил не скупю,
как видно по всему...
Но не хватило супа
на всей земле
ему.

1964

* Николай Демьянович Грицюк (1922—1976) — русский художник, работавший свой вариант абстрактно-сюрреалистического авангардизма.

Мой карандашный портрет

Шуршат, шуршат карандаши
за упокой живой души.
Шуршат не нашуршатся,
а вскрикнуть не решатся.
А у меня горит душа,
но что возьмешь с карандаша:
он правил не нарушит
и душу мне потушит.
...Последний штрих, и вот уже
я выполнен в карандаше,
мой фас увековечен...
Но бушевать мне нечем,
и жилка не стучит в висок,
хоть белый лоб мой так высок,
и я гляжу бесстрастно
куда-то всё в пространство.
Как будет назван тот портрет?
«Учитель»,
 «Каменщик»,
 «Поэт»,
«Немой свидетель века»?..
Но мне ли верить в это?
Я смертен. Я горю в огне.
Он вечен в рамке на стене
и премией отмечен...
...да плакать ему
 нечем.

1962

Как научиться рисовать

Если ты хочешь стать живописцем, то рисовать не спеши. Разные кисти из шерсти барсучьей перед собой разложи, белую краску возьми, потому что это — начало, потом желтую краску возьми, потому что всё созревает, потом серую краску возьми, чтобы осень в небо плеснула свинец, черную краску возьми, потому что есть у начала конец, краски лиловой возьми пощеднее, смейся и плачь, а потом синюю краску возьми, чтобы вечер птицей слетел на ладонь, красную краску возьми, чтобы пламя затрепетало, потом краски зеленой возьми, чтобы веток в красный подбросить
огонь.

Перемешай эти краски, как страсти, в сердце своем, а потом перемешай эти краски и сердце с небом, с землей, а потом... Главное — это сгорать и, сгорая, не сокрушаться о том. Может быть, кто и осудит сначала, но не забудет потом!

1964

Детский рисунок

Вот площадь в сентябрьском стиле.
Вот девочка в узком окне.
Две белых ладони застыли,
как память ее о весне.

На эту осеннюю площадь
чудесную лошадь веду.
Лиловая умная лошадь
шагает за мной в поводу.

В губах — золотой подорожник,
зеленая грива густа...
Какой сумасшедший художник
позволил сойти ей с холста?

Походкой своей неземною
она потешает народ,
но счастлив я знать, что за мною
лиловая лошадь идет,

что эта зеленая грива,
как поздняя ива, густа...
Уж если она некрасива,
что значит тогда красота?

От хохота рушится площадь,
хватается всяк за живот...
Но тихая, умная лошадь
по городу гордо идет,

под узким оконцем шагает,
и видит она над собой,
как с белой ладони слетает
счастливый петух голубой.

1967

Картина на слоновой кости

Из Хута Бериулава*

Может, когда Руставели слагал свои песни,
эту картину задумывал мастер безвестный...
Мысли мои в это древнее-древнее следуют:
белые люди в белой беседке беседуют.

* Хута Бериулава (1924—2004) — грузинский поэт.

Слышно мне даже, о чем разговор их ведется:
вот человек — это тайна, но тайна и солнце.
Кто его в небе зажег дерзновенной рукою?
Век человеческий краток... С чего бы такое?

Есть ли на свете грядущее... Кто его знает?
Разве не всё осыпается и исчезает?
Разве не всё преходяще и бrenно на свете?
Есть ли бессмертье?... А может быть,
нету бессмертья?

Им никуда не укрыться от этих вопросов.
Юноша грустен. Старец оперся на посох.
Белые руки третий воздел над собою:
может быть, небо ответит ему голубое?

Тянется эта беседа, течет — не кончается.
Белое дерево тихо над ними качается.
Белые листья к белым склоняются веткам,
белые птицы белым овеяны ветром.

...Значит, тот мастер безвестный все-таки вечен,
хоть и лавровым венком никогда не увенчан.
Долго он бился, своё создавая творенье,
вот и живет оно, будто бы стихотворенье.

В белой беседке белые люди беседуют.
Просто беседуют белые люди. Не сетуют.

Карандаш желает истину...

Карандаш желает истину
знать. И больше ничего.
Только вечную и чистую,
как призвание его.

И не блатом, не лекарствами —
создан словно на века.
Он как джентльмен при галстукe,
как умелец у станка.

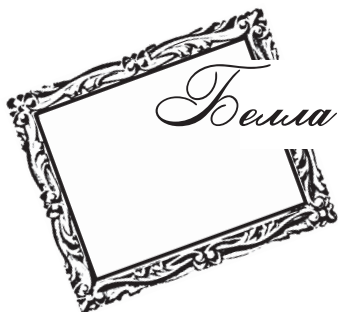
Он не жаждет строчки прибыльной,
задыхаясь на бегу, —
только б у фортуны гибельной
ни на грош не быть в долгу.

И пока больной, расхристанный,
вижу райские места,
взгляд его, стальной и пристальный,
не оторван от листа.

И, пока недолго длящийся
жизни путь к концу лежит,
грифелек его дымящийся
за добычею бежит.

Подступает мгла могильная,
но... уже совмещены
зов судьбы, ладонь бессильная,
запах пота и вины.

1969

Гелла Ахмадулина (род. 1937)

Старинный портрет

Эта женщина минула,
в холст глубоко вошла.
А была она милая,
молодая была.

Прожила б она красивая,
вся задор и полнота,
если б проголодь крысиная
не сточила полотна.

Как металася по комнате,
как кручинилась по нем.
Ее пальцы письма комкали
и держали над огнем.

А когда входил уверенно,
громко спрашивал вина —
как заносчиво и ветрено
улыбалася она.

В зале с черными колоннами
маскерады затевал
и манжетами холодными
ее руки задевал.

Покорялись руки бедные,
обнимали сгоряча,
и взвивались пальцы белые
у цыгана скрипача.

Он опускался на колени,
смычком далеким обольщал
и тонкое лицо калеки
к высоким звездам обращал.

...А под утро в спальне темной
тихо свечку зажигал,
перстенок, мизинцем теплый,
он в ладони зажимал.

И смотрел, смотрел печально,
как, счастливая сполна,
безрассудно и прощально
эта женщина спала.

Надевала платье черное
и смотрела из дверей,
как к крыльцу подводят чопорных,
приозябших лошадей.

Поцелуем долгим, маетным
приникал к ее руке,
становился тихим, маленьким
колокольчик вдалеке.

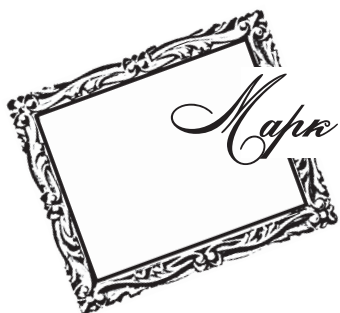
О высокие клавиши
разбивалась рука.
Как над нею на кладбище
травя глубока.

1957

Рисунок

Рисую женщину в лиловом.
Какое благо — рисовать
и не уметь? А ту тетрадь
с полузабытым полусловом
я выброшу! Рука вольна
томиться нетерпением новым.
Но эта женщина в лиловом
откуда? И зачем она
ступает по корням еловым
в прекрасном парке давних лет?
И там, где парк впадает в лес,
лесничий ею очарован.
Развязный! Как он смел взглянуть
прилежным взором благосклонным?
Та, в платье нежном и лиловом,
строга и продолжает путь.
Что мне до женщины в лиловом?
Зачем меня тоска берет,
что будет этот детский рот
ничтожным кем-то поцелован?
Зачем мне жизнь ее грустна?
В дому, ей чуждом и суровом,
родимая и вся в лиловом,
кем мне приходится она?
Неужто розовой, в лиловом,
столь не желавшей умирать, —
все ж умереть?
А где тетрадь,
чтоб грусть мою упрочить словом?

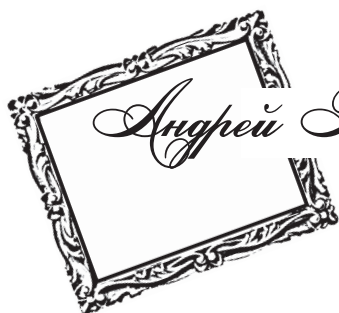
1968

Марк Лиснянский (род. 1913)

* * *

Я люблю картину Ярошенко
«Всюду жизнь». Люблю ее давно.
Посмотрите: вот глядит с простенка
Мальчик сквозь тюремное окно.
Вспомнив на минуту,
Не забудьте,
Как мальчонка, улыбаясь нам,
Смотрит сквозь заржавленные прутья
И бросает крошки голубям.
А вокруг ребенка арестанты
С добрыми морщинками у глаз.
Жизнелюбы, мастера, таланты,
Чьи шедевры не дошли до нас.
Жизнь им застилала ясны очи,
Убивала — не могла убить,
А они ее любили. Очень!
Завещали нам ее любить.

Андрей Вознесенский (1933-2010)

Мусатовская сирень

Вопрошал меня Саратов
по приезде в первый день:
«Как вам нравится Мусатов?».
Я сказал: «Люблю сирень!».

Жил в Саратове бессребреник,
живописец из мещан —
в безутешные сирени
своих женщин превращал.

Разве импрессионисты
Открывали пуантель?
В крестик вышитые кисти
или Афанасий Шмель.

И махровая усадьба,
словно белая сирень,
в палисаднике Мусатова
сохранилась по сей день.

Словно речь по телефону,
вопрошающий незрим.
С Виктором Эльпидифорычем
Через грозди говорим.

Озаренные озера.
Все простившая страна,
околдованная взором
голубого горбуна.

Где ни едешь — смотрит в форточку —
поломай, кому не лень! —
Виктора Эльпидифорыча
гобеленная сирень.

1984

Васильки Шагала

Лик ваш серебряный, как алебарда.
Жесты легки.
В вашей гостинице аляповатой
в банке спрессованы васильки.

Милый, вот что вы действительно любите!
С Витебска ими раним и любим.
Дикорастущие сорные тюбики
с дьявольски

выдавленным

голубым!

Сирий цветок из породы репейников,
но его синий не знает соперников.
Марка Шагала, загадка Шагала —
Рупь у Савеловского вокзала!

Это росло у Бориса и Глеба,
в хохоте нэпа и чебурек.
Во поле хлеба — чуточку неба.
Небом единым жив человек.

Их витражей голубые зарубины —
С чисто готической тягою вверх.
Поле любимо, но небо возлюблено.
Небом единым жив человек.

В небе коровы парят и ундины.
Зонтик раскройте, идя на проспект.
Родины разны, но небо едино.
Небом единым жив человек.

Как занесло васильковое семя
на Елисейские, на поля?
Как заплетали венок Вы на темя
Гранд опера, Гранд опера!

В век ширпотреба нет его, неба.
Доля художников хуже калек.
Давать им сребреники нелепо —
Небом единым жив человек.

Ваши холсты из фашистского бреда
от изуверов свершали побег.
Свернуто в трубку запретное небо,
но только небом жив человек.

Не протрубили трубы Господни
над катастрофою мировой —
в трубочку свернутые полотна
воют архангельскою трубой!

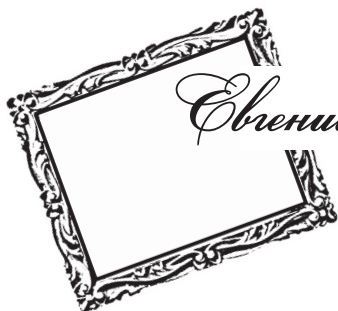
Кто целовал твое поле, Россия,
пока не выступят васильки?
Твои сорняки всемирно красивы,
Хоть экспортируй их, сорняки.

С поезда выйдешь — как окликают!
По полю дрожь.
Поле прищпорено васильками,
как ни уходишь — всё не уйдешь...

Выйдешь ли вечером — будто захварываешь,
Во поле угличевские зрачки.
Ах, Марк Захарович, Марк Захарович,
всё васильки, всё васильки...

Не Игова, не Иисусе,
ах, Марк Захарович, нарисуйте
непобедимо синий завет —
Небом Единым Жив Человек.

1973

Евгений Свтушенко (род. 1932)

Монолог из драмы «Ван-Гог»

Ю. Васильеву

Мы те,
кто в дальнее уверовал, —
безденежные мастера.
Мы с вами из ребра Гомерова,
мы из Рембрандтова ребра.
Не надо нам
ни света чопорного,
ни Магомета,
ни Христа,
а надо только хлеба черного,
бумаги,
глины
и холста!
Смещайтесь, краски,
знаки нотные!
По форме и земля стара —
мы придадим ей форму новую,
безденежные мастера!

Пусть слышим то свистки,
то лаянье,
пусть дни превратности таят,
мы с вами отомстим талантливо
тем, кто не верит в наш талант!
Вперед,
ломая
и угадывая!
Вставайте, братья, —
в путь пора.
Какие с вами мы богатые,
безденежные мастера!

1957

Про Тыко Вылку

Запрятав хитрую ухмылку,
я расскажу про Тыко Вылку.
Быть может, малость я навру,
но не хочу я с тем считаться,
что стал он темой диссертаций.
Мне это все — не по нутру.

Ведь, между прочим, эта тема
имела — черт их взял бы! — тело
порядка сотни килограмм.
Песцов и рыбу продавала,
олений в карты продувала,
унты, бывало, пропивала
и, мажа холст, не придавала
значенья тонким колерам.

Все восторгались с жалким писком
им — первым ненцем-живописцем,
а он себя не раздувал,
и безо всяческих загадок
он рисовал закат — закатом
и море — морем рисовал.

Был каждый глаз у Тыко Вылки,
как будто щелка у копилки.
Но он копил, как скряга хмур,
не медь потертую влияний,
а блики северных сияний,
а блески рыбьих одеяний
и переливы нерпих шкур.

«Когда вы это все учтете?» —
искусствоведческие тети
внушали ищущим юнцам.
«Из вас художников не выйдет.
Вот он — рисует всё, как видит...
К нему на выучку бы вам!»

Ему начальник раймасштаба,
толстяк, грудастый, словно баба,
который был известный гад,
сказал: «Оплатим все по форме...
Отобрази меня на фоне
оленоводческих бригад.

Ты отрази и поголовье,
и лица, полные здоровья,
и трудовой задор, и пыл,
но чтобы все в натуре вышло!».
«Начальник, я пишу, как вижу...»
И Вылка к делу приступил.

Он, в краски вкладывая нежность,
изобразил оленей, ненцев,
и — будь что будет, все равно! —
как завершение, на картине
с размаху шлепнул посередине
большое грязное пятно!

То был для Вылки очень странный
прием — по сущности абстрактный, —
а в то же время сочный, страстный,
реалистический мазок.
Смеялись ненцы и олени,
и лишь начальник в изумленье,
сочтя все это за глумленье,
никак узнать себя не мог.

И я восславлю Тыко Вылку!
Пушай он ложку или вилку
держать как надо не умел —
зато он кисть держал как надо,
зато себя держал как надо!
Вот редкость — гордость он имел.

1963

Марк Шагал

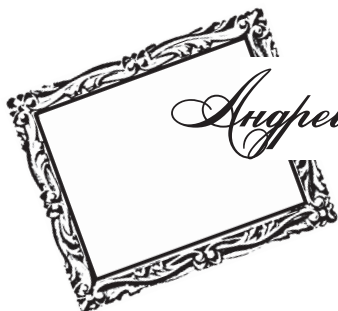
Он стар и похож на свое одиночество.
Ему рассуждать о погоде не хочется.
Он сразу с вопроса:
«— А Вы не из Витебска?..» —
Пиджак старомодный на лацканах вытерся...
«— Нет, я не из Витебска...» —
Долгая пауза.
А после — слова
 монотонно и пасмурно:
«— Тружусь и хвораю...
В Венеции выставка...
Так Вы не из Витебска?..»
«— Нет, не из Витебска...»

Он в сторону смотрит.
Не слышит, не слышит.
Какой-то нездешней далекостью дышит,
пытаясь до детства дотронуться бережно...
И нету ни Канн,
 ни Лазурного берега,
ни нынешней славы...

Светло и растерянно
он тянется к Витебску, словно растение...
Тот Витебск его —
 пропыленный и жаркий —
приколот к земле каланчою пожарной.
Там свадьбы и смерти, моления и ярмарки.
Там зреют особенно крупные яблоки,
и сонный извозчик по площади катит...

«— А Вы не из Витебска?...»
Он замолкает.
И вдруг произносит,
 как самое-самое,
названия улиц:
Смоленская,
Замковая.
Как Волгою, хвастает Видьбой-рекою
и машет
по-детски прозрачной рукою...
«— Так Вы не из Витебска...»
Надо прощаться.
Прощаться.
Скорее домой возвращаться...
Деревья стоят вдоль дороги навытяжку.
Темнеет...

1982

Андрей Дементьев (род. 1928)

Солнце Сарьяна

А за окном была весна...
Сарьян смотрел в окно и плакал.
И жилка билась у виска.
И горы отливали лаком.

Год или сутки суеты.
Как мало жить ему осталось!
В его руках была усталость.
Печаль просилась на холсты.

А солнце наполняло дом.
Оно лилось в окно лавиной,
как будто шло к нему с повинной
за то, что будет жить ПОТОМ.

Потом, когда его не будет.
Но будет этот небосклон,
и горы в матовой полуде,
и свет, идущий из окон.

Все было в солнце:
тот портрет,
где Эренбург смотрел так странно,
как будто жаль ему Сарьяна,
который немощен и сед.

Все было в солнце:
каждый штрих,
веселье красок,
тайна тени.
И лишь в глазах, уже сухих,
гас и смирялся свет весенний.

«О, только б жить!
На мир смотреть...
И снова видеть солнце в доме.
Ловить его в свои ладони
и вновь холсты им обогреть...»

«Прекрасна жизнь!» —
Он говорил.
Он говорил,
как расставался.
Как будто нам себя дарил.
И спрятать боль свою старался.

Монолог Врубеля

Даже если ты уйдешь,
Если ты меня покинешь, —
Не поверю в эту ложь,
Как весною в белый иней.

Даже если ты уйдешь,
Если ты меня покинешь, —
О тебе напомним дождь,
Летний дождь и сумрак синий.

Потому что под дождем
Мы, счастливые, ходили.
И гремел над нами гром,
Лужи ноги холодили.

Даже если ты уйдешь,
Если ты меня покинешь, —
Прокляну тебя... И все ж
Ты останешься богиней.

Ты останешься во мне,
Как икона в божьем храме.
Словно фреска на стене,
Будто розы алой пламя.

И пока я не умру,
Буду я тебе молиться.
По ночам и поутру,
Чтоб хоть раз тебе присниться.

Чтоб проснулась ты в слезах.
И, как прежде, улыбнулась...
Но не будет знать мой прах,
Что любимая вернулась.

Владимир Высоцкий (1938-1980)

* * *

*Михаилу Шемякину под впечатлением
от серии «Чрево»**

И кто вы суть? Безликие кликуши?
Куда грядете — в Мекку ли в Мессины?
 Модели ли влачите к Монпарнасу?
Кровавы ваши спины, словно туши,
А туши — как ободранные спины
 И ребра в ребра — и нету спасу.

Ударил ток, скотину оглуша,
Обмякла плоть на плоскости картины
 И тяжело пала мяснику на плечи.
На ум, на кисть творцу попала туша
И дюжие согбенные детины,
 Вершащие дела не человечески.

* Михаил Михайлович Шемякин (род. 1943) — русский художник, представитель русского «неофициального» авангарда.

Кончал палач — дела его ужасны,
А дальше те, кто гаже, ниже, плоше
Таскали жертвы после гильотины:
Безглазны, безголовы и безгласны
И, кажется, бессутны тушеноши, —
Как бы катками вмяты в суть картины.

Так кто вы суть, загубленные души?
Куда спешите, полуобразины?
Вас не разять — едины обе массы.
Суть Сутина — «Спасите наши туши!»
Вы ляжете, заколотые в спины,
И урка слижет с лиц у вас гримасу.

Слезу слизнет, и слизь, и лимфу с кровью —
Соленую людскую и коровью,
И станут пепла чище, пыли суше
Кентавры или человекотуши.

Я — ротозей, но вот не сплю ночами —
(В глаза бы вам взглянуть из-за картины!) —
Неймется мне, шуту и лоботрясу,
Сдается мне — хлестали вас бичами?!.
Вы крест несли и ободрали спины?!.
И — ребра в ребра вам — и нету спасу.

1977

Александр Алейник (род. 1952)

Босх

Босх не изобрел прожектора.
Его тень бежала и свечи.
У него пустой желудок
Трещоткой верещит.
Сам — кит, сам — Иона,
Из-под плоской взирал короны
На мир, рожденный из слепой кишки.
Приложив ухо к земному лону,
Можно услышать его шаги.

Босх — мореплаватель моря саранчи —
Видел, как из задницы душа торчит
У тех, кто правит, торгует, воюет.
Босх знал, что видят во сне палачи.

Он ходил на рынок покупать требуху,
Он варил на завтрак в чепухе чепуху,
Руку любил оставлять в паху
Дамы, лежащей с ним на боку.

Босх понимал, что любую войну
Бог насылает вести сатану,
Босх не желал в дерьме тонуть,
Потому и не жаловал свою страну.

Он уходил по ночам во мрак,
Где возмездье, безумье и страх
Рвут и прокалывают тела —
Нож, копье, дубина, стрела

Мучат то, что вмещает плоть, —
Босх полагал, что зубами полоть
Будут чудовища в некий час
Тех, кто ужасно похож на нас.

Босх во чреве земном не спит,
Рядом время на жабе сидит,
Смахивающее на ночной допрос,
Но не придвинут там папирос.

Вон глядит грядущее в дырявую скорлупу,
Желтым клыком прокусив губу.
В погремушке времени, как в черепе мозг,
Смотрит из темени в темень Босх.

1979

Модильяни

Слышишь ли, рыжеволосая ню,
твои губы Венецией вечером пахнут,
жизнь монеткою медной в волну оброну
за родной виноград твоей груди и паха.

Я люблю тебя, дымноволосая ню,
дай дыханье твое как миндаль розоватый,
дай жасмины ладоней, я шею склоню,
я дугой изогнусь, как пророк бесноватый.
Я люблю тебя, солнцеволосая ню, —
оба неба под веками синего цвета,
я червленою кровью в сосудах звеню,
удаляясь в твое флорентийское лето.

Я люблю тебя, ню, в белизне лебедей
прогибай свое голое долгое тело,
не любовь в позвоночник вошла, а слепень,
вот и слепну.

Ночь становится белой.
День становится черным.
Жизнь комкаю, как простыню.
Голос гладок и сух, как пальцы от мела.
Отмели мои губы, моя кровь потемнела
без тебя, душноволосая ню.

Я, как сдавленный мех, слух тоскою черню —
я люблю тебя, пьяноволосая ню.

6 июня 1979

Женщина
(Четыре портрета)

Ты в помыслах моих такая:

Под деревом зеленолистым, нагая, одним прикрытая
листочком античных статуй, как рыба белая стройна,
ты, словно дерево ветвями, держишь в чудесных,
длинных, узких пальцах плод яблони, как небольшое
солнце, округлый золотой моток, как будто предлагая
свить из него нить бытия. О счастье — создавать,
творить! Сначала крохотно оно, как маковое хрупкое
зерно, но тоже круглое, как яблоко. А яблоко, как мир,
округлено. И из мельчайшего зерна нить начинает
вить себя и создавать собой моток, шар, в яблоко
величиной, растет и вырастает в мир, как этот, у тебя
в руке, из нитей созданный клубок, огромный, словно
шар земной.

Так — на холсте Дюрера — ты
Стоишь, земная, грешная, простая
И в помыслах моих такая.

Ты в помыслах моих такая:

Небесная голубизна — светла, ясна. В прозрачности
глубоких красок неизъяснимой чистоты, с глазами
голубых мечтаний остановилась ты, подняв дитя,

чтобы оно могло взглянуть на уходящий к роще
путь в лучащемся тумане. А на лице твоём Покой и
Благодать — две спутницы твои и каждой женщины,
которая готова страдать и ждать, когда дитя — ей,
первой ей, произнесет свое вот-вот родившиеся слово.
Как не гордиться ей, одной из матерей, начальным
зернышком огромной жизни, которому она дала
родиться. Как каждая на свете мать, что миру дарит
детство, пренебрегая мукою своею, так солнце дарит
миру на рассвете свой первый луч, младенца нового
земного дня. И тот, кто может возвестить не руке
песчинку, незаметную в песке, способен ощутить весь
вес планеты. Так и мать, свое дитя подъявля, — всю
Землю держит. И только потому ее святой позволено
назвать.

Так, в красках Рафаэля возникая,
равно держа и землю и зерно,
ты в помыслах моих такая.

Ты в помыслах моих такая:

Из приоткрытых губ ко мне скользит твоя усмешка
золотая, как будто из раздвинувшихся туч протягивает
теплый луч пробившиеся солнце, отогревая сердце
мне, игрушечной, подобное Земле, и на его согретом
солнце оживают, вырастая, забытые в благих заботах
зерна. И непокорно из губ твоих скользит улыбка
золотая, как ласточка из тихого гнезда, укрывшегося
крышей. Она летит, раскинув крылья, на расправу
с мошкаркой, распугивая мелких мыслей рой.

Так — словно Монна Лиза — ты
Над слабостями нашими смеешься,
И в помыслах моих такая ты.

Ты в помыслах моих такая:

За сизою тончайшей кисеей тумана, утром рано,
перед собой я новую увидел Афродиту. Недвижна и
бела, она недавно мраморной была, но вот богиню
сняли с пьедестала, и в комнате прозрачно-голубой
она живою женщиною стала. О вечной неподвижности
забыв, стал мрамор телом нежно-белым, пахнущим
весенней утренней сиренью. Задумчивое, светлое
лицо, цветок полураскрытых губ дыханием
наполненную грудь, откинутае крылья рук и тела
сине-ледниковый снег — мне хочется сравнить
с озерной белой птицей под названием Лебедь,
надевшей на себя береговой туман, — нездешней,
неземной и вечно нам необходимой красоты.

Так — на картине Ренуара — ты,
земной и неземною возникая,
являешь нам прекрасные черты.

И ты
действительно такая,
и наяву такая ж, как во сне.
Одна и та же в разном.
Что ни день — другая.
Вся — красота, вся — разум.
Высокая, неземная,
грешница, святая.

И ты —
только такая —
необходима мне.

Перевод С. Кирсанова

Александр Кушнер (род. 1936)

* * *

Как Святой Себастьян у Беллини в саду
Со стрелою гуляет в груди и бедре
И не чувствует боли, и кустик в цвету
О нездешней любви шелестит и добре,
Так и ты удержать бы за гробом хотел
Пусть не сами мученья, но символы мук.
А попробуй страдальца избавить от стрел —
Удивится, а то и обидится вдруг.

Эта пыль, эти поручни шатких перил...
Слово «муки», признаюсь, смущает меня:
Никогда я превыспренних фраз не любил,
Лучше грязные голуби, их воркотня,
Лучше жалкий, обыденный, будничный план
И размашистый шум городских тополей.
Но ни язв не отдам, ни уколов, ни ран —
Развлеку ими встречного в царстве теней.

1982

* * *

Зачем Ван Гог вихреобразный
Томит меня тоской неясной?
Как желт его автопортрет!
Перевязав больное ухо,
В зеленой куртке, как старуха,
Зачем глядит он мне вослед?

Зачем в кафе его полночном
Стоит лакей с лицом порочным?
Блестит бильярд без игроков?
Зачем тяжелый стул поставлен
Так, что навек покой отравлен,
Ждешь слез и стука башмаков?

Зачем он с ветром в крону дует?
Зачем он доктора рисует
С нелепой веточкой в руке?
Куда в косом его пейзаже
Без седока и без поклажи
Спешит коляска налегке?

* * *

Какая разница,
Чем мы развлечены:
Стихов нескладицей?
Невнятицей волны?

Снежком, нелепицей?
Или, совсем как встарь,
Стеклянной пепельницей,
Желтой, как янтарь?

Мерцаньем помнится
И тянется к лучам...
Имел я, помнится,
Внимание к вещам.

И критик шелковый
Обозначал мой крен:
Ларец с защелками
И Жан Батист Шарден.

Все это схлынуло.
Стакан, графин с водой
Жизнь отодвинула
Как бы рукой одной.

Смахнула слезы с глаз,
Облокотясь на стол.
И разговор у нас
Совсем иной пошел.

1969

Рисунок

Ни царств, ушедших в сумрак,
Ни одного царя —
Ассирия! — рисунок
Один запомнил я.

Там злые ассирийцы
При копьях и щитах
Плывут вдоль всей страницы
На бычьих пузырях.

Так чудно плыть без лодки!
И брызги не видны,
И плоские бородки
Касаются волны.

Так весело со всеми
Качаться на волне.
«Эй, воин в остром шлеме,
Не страшно на войне?

Эй, воин в остром шлеме,
Останешься на дне!»
Но воин в остром шлеме
Не отвечает мне.

Совсем о них забуду.
Бог весть в каком году
Я в хламе рыться буду —
Учебник тот найду

В картонном переплете.
И плеск услышу в нем.
«Вы всё еще плывете?» —
«Мы всё еще плывем!»

1962

Ваза

На античной вазе выступает
Человечков дивный хоровод.
Непонятно, кто кому внимает,
Непонятно, кто за кем идет.

Глубока старинная насечка,
Каждый пляшет и чему-то рад.
Среди них найду я человечка
С головой, повернутой назад.

Он высоко ноги поднимает,
Он вперед стремительно летит,
Но как будто что-то вспоминает

И назад, как в прошлое, глядит.
Что он видит? Горе неуместно.
То ли машет милая рукой,
То ли друг взывает — неизвестно!
Потому и грустный он такой.

Старый мастер, резчик по металлу,
Жизнь мою в рисунок разверни, —
Я пойду кружиться до отвалу
И плясать не хуже, чем они.

И в чужие вслушиваться речи,
И под бубен прыгать невпопад,
Как печальный этот человечек
С головой, повернутой назад.

1962

Поклонение волхвов

В одной из улочек Москвы,
Засыпанной метелью,
Мы наклонялись, как волхвы,
Над детской колыбелью.

И что-то, словно ореол,
Поблескивало тускло,
Покуда ставились на стол
Бутылки и закуска.

Мы озирали полумглу
И наклонялись снова.
Казалось, шурились в углу
Теленок и корова.

Как будто Гуго ван дер Гус
Нарисовал всё это:
Волхвов, хозяйку с ниткой бус,
В дверях полоску света.

И вообще такой покой
На миг установился:
Не страшен Ирод никакой,
Когда бы он явился.

Весь ужас мира, испокон
Стоящий в отдаленье,
Как бы и впрямь заморожен,
Подался на мгновенье.

Под стать библейской старине
В ту ночь была Волхонка.
Снежок приветствовал в окне
Рождение ребенка.

Оно собрало нас сюда
Проулками, садами,
Сопровождаясь, как всегда,
Простыми чудесами.

1969

Сирень

Фиолетовой, белой, лиловой,
Ледяной, голубой, бестолковой
Перед взором предстанет сирень.
Летний полдень разбит на осколки,
Острых листьев блестят треуголки,
И, как облако, стелется тень.

Сколько свежести в ветви тяжелой,
Как стараются важные пчелы,
Допотопная блещет краса!
Но взглядишь в эти вспышки и блески:
Здесь уже побывал Кончаловский,
Трогал кисти и шурил глаза.

Тем сильнее у забора с канавкой
Восхищение наше, с поправкой
На тяжелый музейный букет,
Нависающий в желтой плетенке
Над столом, и две грозди в сторонке,
И от локтя на скатерти след.

1969

Мужчина с розой

Мужчина с розой на портрете,
Ее он держит меж двух пальцев
За стебель гибкий и точеный,
Перевернув к себе затылком,
Молодцевато и брезгливо,
Как все мужчины.

Что он мужчина, нет сомнений.
Напрасно б венский аналитик
Старался розу допросить
С пристрастьем: нет ли фетишизма,
Инверсионных отклонений, —
Их нет, им неоткуда быть.

К тому же, роза бессловесна,
Полузамучена верчением
В руке, не помнит, где мучитель,
Где стол, где кресло, где букет.

В кафтане, с пышными усами,
Мужчина с розой полумертвой
Глядит, не зная, что с ней делать,
Вдохнуть тончайший аромат
Ему и в голову, конечно,
Прийти не может (то ли дело —
Сорвать и даме поднести!).
Так и должны себя вести,

Так и должны чуть-чуть небрежно
Мужчины к жизни относиться,
К ее придушенной красе,
Как этот славный офицер
(Тут нету места укоризне), —
Чуть-чуть неловко, неумело,
Затем что нечто, кроме жизни,
Есть: долг и доблесть, например.

1978

Фреска

Святой Иохаим, конечно, сладко спит,
В то время как к нему слетает ангел с вестью.
Весь день в моем окне рыдает дождь навзрыд,
Да как и не стенать, имея дело с жестью?

А козочки даны, овечки и цветы
Затем, чтоб мы с тобой не усомнились в чуде:
Ведь если видит скот, уже не станешь ты
Оспаривать всё то, чего не видят люди.

Еще бы! Надо жить в рассветные века,
Где если дождь идет, то теплый и нестрашный.
Как громко дождь стучит, угрюмей кулака,
Пронзительней ножа, визгливый, рукопашный!

В такие дни молчит настольный календарь,
И хочет быть листок скорее перекинут.
Где радуги привет, как в детстве было, встарь?
Сплошной железный дождь, как занавес, задвинут.

То жалуюсь тебе, то требую с тебя
Какой-то давний долг, за вечностью забытый.
А радуга не здесь, пленяя и слепя,
Дрожит, а там, где спит пастух, плащом накрытый...

1988

* * *

Молодой Рембрандт с кошачьими усами
Хорошо относится к себе и к жизни тоже.
Ничего плохого в этом нет, судите сами:
Разве кто-то хуже был, когда он был моложе?

Разве завтра на небо опять не выйдет солнце?
Разве жизнь закончится на нас, судите сами.
Жаль, что подозрительность с годами разовьется.
Хороша доверчивость с горячими глазами!

Этот цвет коричневый, вот именно, табачный,
И еще не ясно, кто тут мышка, кто тут кошка.
Разве осмотрительность не надоела, мрачность?
«Поиграй, судьба, со мной, — просил, —
еще немножко».

Так чужое, скрытое бывает не под силу
Недоброжелательство, что хочется простится
С жизнью, уступить ему и вместе с ним в могилу
Проводить себя скорей, да стыдно живописца.

Шляпу так носить, как он, никто не будет, точно.
Бархатную, с мягкими, рифлеными полями.
Можно ль осуждать его, тем более заочно?
Зная, как потом сгустится мрак, судите сами.

1994

* * *

Художник женщину в мужской напишет шляпе,
В полузастегнутом прямом мужском пальто
На дебаркадере стоящую, на трапе,
На сходнях с сумочкой в руке. А вам-то что?

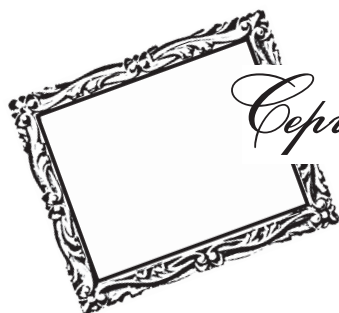
Она бы, думаю, понравилась Рембрандту,
Он тоже странности и вольности любил,
Чалму турецкую, неравнодушен к банту,
К халату, помнится, к стальному шлему был.

Продрогла, может быть, и шляпу одолжила,
Пальто у спутника, неузнанной взойти
На борт задумала, хватаясь за перила,
Прощайте, близкие, и родина — прости!

Ее, наверное, пленяет перспектива
Иных возможностей, сновидческим под стать.
И что-то в этом есть еще от детектива:
Иначе кто бы стал теперь роман читать?

Неважно всё это, не ясно — и не надо!
Она на мальчика чуть-чуть похожа так.
И что-то в этом есть еще от маскарада.
Томи, загадочность, притягивай, пустяк!

2005

Сергей Петров (1911-1988)

Ида Рубинштейн Серова

Как рабыня старого Востока,
ластясь, покоряя и коря,
муку и усладу сотворя,
двигалась ты кротко и жестоко,
вся в глазах усталого царя.

Опустилась наземь пляска шарфа
в безвоздушной медленной стране.
Замер царь за рамою, зане
тело опустело, словно арфа
об одной-единственной струне.

Кончилось с пространством состязанье
на простом холсте пустой стены.
Нет, художник, на тебе вины,
но свистит лозою наказания
жесткая мелодия спины.

14 января 1965

Босх

Мозг выполз, как в извивах воск,
епископ посох уронил.
Небось ты бог? Небось ты Босх?
Небось святой Иероним?

И ухо, полное греха,
горит как плоть во весь накал,
и, сладко корчась, потроха
людей рождают, точно кал.
На арфе распят голый слух,
отвисла похоть белым задом,
пять глаз как пять пупов укрылись за дом,
сбежав с рябых грудей слепых старух.
И два отвесных тела рядом,
два оголенных райских древа —
долдон Адам и баба Ева,
она круговоротом чрева,
а он напыщенным шишом
бытийствуют — и нет ни лева,
ни права в их саду косом.
А страсть тверда, как кость, как остов,
как гостья гордая погостов.
и тело кружится как остров
в житейском море суеты.
Увидишь о своем часу и ты,
как славно скачут черти в кале
и забивают кол в Господень хлеб,
и как в три яруса по вертикали
вселенский вертится вертеп.

А я твой глаз и взором бос
и у тебя в когтях храним.

Небось ты боль? Небось ты Босх?
Небось святой Иероним?

Грешит седая борода
над раскоряченной любовью,
в огне по горло города
прикованы к средневековью.
У колб, реакторов, реторт
хвостом накручивает черт,
и атомы летят на части,
и вавилонские напасти,
и всеегипетские казни,
и блудодейнейшие блазни
ползут как слизи в драный нос,
и черный замок точно печи
обугленные поднял плечи,
в огне и тьме он — как Патмос.

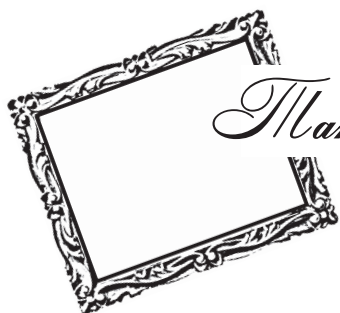
А Босха дьявольская пасха
от адской радости строга,
когда бесенок за подпaska,
а страсть подъята на рога.
Колдуньиной иглою воск,
скажи, не насмерть ли раним?
Небось ты бой? Небось ты Босх?
Небось, святой Иероним?

Забрался бес к тебе в ребро,
и раком ползает добро.
И не оно ль того хотело,
что где-то, клейко забелев,
в обтяжку лайковое тело
надето на прохладных дев.
Отшельник ежится в пещере,
а блуд впился в сосцы беды,

и страхи Божьи, зубы щеря,
раздули щеки и зады.
Отшельник ежится в пещере,
когда над ним занесены
и блещут тщи, как Лота дочери,
и сны, как блудные сыны.
Ах, маленький святой Антоний!
Завыл как волк святой посул,
и душ вытягивает тони
с апостолами Вельзевул.
Бесовский рой вещей в пещере
озорничает ввечеру,
вонзая зло и злобу в щели,
вгрызаясь в каждую дыру,
загнав под ногти и под кожу
всесотрясающую дрожь
и привалясь к тебе как к ложу
багровою оравой рож.

Всеадье! и разгульный пост! —
скользнула ласочкой ятовъ.
Небось ты бес? Небось ты Босх?
Небось небесная любовь?

17 декабря 1970

Матьяна Бек (1949-2005)

* * *

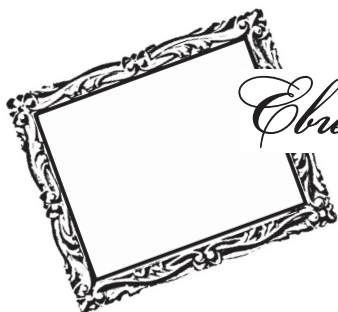
Можно ль отразить ударом кисти
Тайный сговор совести с бедой?
...Взгляд исполнен творческой корысти —
хищный, молодой.

Бедный живописец! Неужели
Ты уверен, что любая суть
Запросто пойдет на роль модели,
распахнувши грудь?

Я вот не хочу маячить в поле
Зрения, лишенном доброты.
— Что вы там на воле откололи,
звезды и кусты?

Вырываюсь, как из карантина,
Чтобы не вернуться никогда...
О моя любимая картина —
воздух и вода!

1987

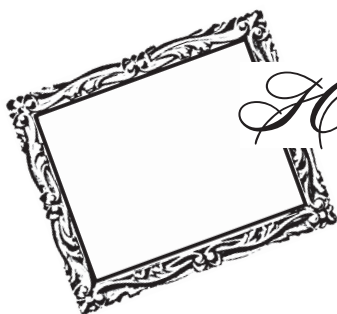

Свенний Рейн (род. 1935)

Авангард

Это всё накануне было,
почему-то в глазах рябило,
и Бурлюк с разрисованной рожей
Кавальери казался пригожей.
Вот и первая мировая.
Отпечатана меловая
символическая афиша,
бандероль пришла из Парижа,
в ней туманные фотоснимки,
на одном Пикассо в обнимку
с футуристом Кусковым Васей.
На других — натюрморты с вазой.
И поехало и помчалось —
кубо, эго и снова кубо.
Начиналось и не кончалось
от Архангельска и до юга,
от Одессы и до Тифлиса,
ну, а главное, в Петрограде —
все как будто бы заждалися:
«Начинайте же, Бога ради!».

Из фанеры и из газеты
тут же склеивались макеты,
теоретики и поэты
пересчитывали приметы:
«Значит, наш этот век, что прибыл...
Послезавтра, вчера, сегодня!».
А один говорил «дыршилбыр»
в ожидании гнева Господня.
Из картонки и из клеенки,
по две лесенки в три колонки,
по фасадам и по перилам
Казимиром и Велимиром.
И когда они всё сломали,
и везде не летал «Летатлин»,
догадались они едва ли
с гиком, хохотом и талантом,
в Лефе, в Камерном на премьере,
среди наркомов, речей, ухмылок,
разбудили какого зверя,
жадно дышащего в затылок.

Сонна Мориш (род. 1937)

Перед лицом сокровищ

Мадонна в беломраморном чепце
Сидит с младенцем. Пахнет померанцем,
Флоренцией и бронзой в зеленце.

Святой Франциск в рогожном капюшоне
Безумно, здраво и потусторонне
Глядит, скорбя, на самого себя —
На фреску Джотто, где его хоронят.

Из-под земли, на черной грядке вырос
Такой сверкающий, такой зеленый ирис,
Что если дверь открыть и не закрыть,
В зеленом солнце зеленеет клирос.

И в этой крепкой зелени легко —
Легко понять того и этого Франциска,
И грусть Мадонны, чьи глаза бездонны,
Где вечность, где витает молоко
И расцветают ирисы так близко.

1974

* * *

Сейчас я нарисую
Скитанье молодое,
Где море голубое,
И солнце золотое,
И косы до коленей,
И слезы откровенней,
И замыслы коварней,
И спутник благодарней,
И пишется мгновенней
Тетрадь стихотворений.

В ночи звенят стаканы,
Гитара — за стеною.
И молятся платаны
Под красною луною,
А также кипарисы
Пылают светляками,
Обшаривая стены
Дрожащими руками.

И это всё — в расцветке
Приморского отеля,
Как зарева оттенки,
Как чистые постели,
Как пять шагов до моря
И шаг до благодати,
Как пошлой акварели
Довесок на шпагате,
Где мельница домелет
И птицей обернется,
И с криком отряхнется —
И больше не вернется!

Сутин

Душа среди кровотокающих стен,
лет восемнадцати, с улыбкой на устах,
обречена блаженных дней взамен
на нищий труд и одинокий страх.
В ней — прелесть грусти. В ней мерцает ген,
блуждающий в заоблачных мирах.
И пахнет степью от ее колен.
И что-то в ней — от хижины в горах.

Она мечтает заглянуть за полотно,
где красок масляных пульсирует пятно,
свои отрачивая мускулы и жилы.
Но цыкнул мастер, сущий сатана!
И лишь изнанка ей холста видна,
скрывающая волю высшей силы.

1987

Концертина

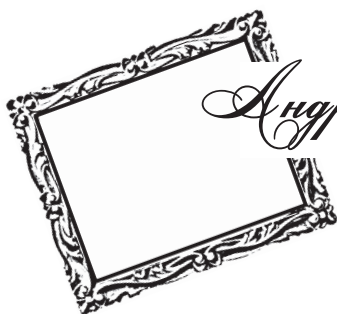
Я нарисую тебе на память картину —
окурком, свекольным соком, кофейной гущей.
На той картине, держа гармошечку, концертину,
ты будешь играть и петь о волне бегущей.

Двумя руками сжимая-растягивая зигзаги,
где язычки металла — источник музык,
ты улыбнись мне!.. В одном от картины шаге
я затаилась, и лиственный глаз мой узок.

Там будут вокруг тебя синева и зелень,
ткань золотая пляжей, закат над морем.
И так хорошо мы с тобою судьбу разделим,
что красить разлуку не станешь ты черным горем,

а в этой картине, написанной чем попало,
ты будешь сидеть на воздухе с концертиной
и видеть, что тень моя на тебя упала,
как тень любви, стоящей перед картиной.

1998

Андрей Белянин (род. 1967)

Набросок тушью

По белой бумаге, глянец лощеной,
Вожу, как японца, кисточкой черной.
И вот проявляются черною тушью
Людские движенья, костюмы и — души.
Исправить нельзя: есть закон непреложный,
Что тушью набросок стереть невозможно,
Исправить нельзя и украсить в охоту:
Как сделал, так сделал — не переработать.
И движутся люди, под кисточкой тая,
Такие, как есть, а не так, как мечтают.
И черная тушь растекается смело
В сражении вечном меж черным и белым.

1990

Врубель. Царевна-Лебедь

Царевна-Лебедь...
Опускаю руки
И чувствую безумное желанье,
Как пред иконой, преклонить
Колени...

Мои мечты, души бурлящей муки
И сердца сбой, неровное дыхание
Сквозь образы бесовских
Наваждений,
Как облака, облитые закатом,
В волшебной раме
Камышей прибрежных
Как серебро,
Как молоко,
Как снег...
И хлам забот уносится куда-то:
Я вижу крыльев трепетную нежность
И этот взгляд
Из-под смущенных век.
Царевна-Лебедь, не молчи, молю!
Кто втиснул в кисти дивное искусство,
Заставив хаос
Красок бессловесных
Твердить:
— Люблю...
Люблю...
Люблю?!
До святости возвысив это чувство,
Что рухнуло лавиною отвесной,
Заставив обожженный горем разум
Из ничего на холст явить нам
Чудо!
В которое и сам не вправе верить:
То из былин или славянских сказок,
Из тьмы веков,
А может, ниоткуда?
И вдохновенье можно ли измерить?
...Мне кажется, ты дышишь.
И дыхание
Плывет печальной ласкою на плечи
Далекого и близкого сюжета,

Как первое любовное признание,
Что душу так томит
И сердце лечит.
Ты только не молчи...
Но нет ответа.
Царевна-Лебедь!

1990

«Врубель»

Подлунный мир, похожий на мираж...
Душа, как створки окон, — нараспашку.
Мне обжигает пальцы карандаш,
Закованный в кленовую рубашку.
Как бесконечно тянутся часы!
И как неясен тусклый смысл созвездий,
Как долог путь от млечной полосы
До лестницы в заплеванном подъезде...
И оттиски далеких черных дней
Стучат в висках холодной звонкой болью.
И в сердце кровь шалеющих коней,
Насыщенная порохом и солью...
Я больше не могу в таком огне
И пустоты, и недопониманья.
Но где-то там, в душе, на самом дне
Весь первобытный ужас мирозданья!
И вот тогда бессильны образа,
И каждый миг, словно столетье, длится.
И Демона хрустальная слеза,
Как жизнь моя, скользит, боясь разбиться.
Который век? Которое число?
Кто выдумал, что красота бессмертна?
Холодный воздух утра... Рассвело.
Короткий путь от вечности к мольберту...

1991

Гойя

— Как жизнь, маэстро?
Не вставайте, что вы, —
Я здесь случайно, так:
Пришел — ушел...
А что, офорты ваши не готовы?
Мне лишь взглянуть, позвольте,
Хорошо?
А эти можно? Не судите строго...
Какая жизнь... Как бесконечен путь...
Но ваш талант, поверьте, не от Бога.
Вы глубоко сумели заглянуть
В людские души, в таинство стремлений,
В предчувствие конца и вечный мрак:
Они — не люди и не звери — тени,
Слепые тени ищут выход, так?
Как странно, право, черное на белом?
И в этом всё. Все грани и цвета,
И жизнь, и смерть... Безвыходно
И — смело!
И нет спасенья с плоскости листа...
Вы правы: жизнь проста и многосложна,
Добро и Зло едины и — равны.
Как различить: что истинно, что — ложно?
Молитвы, да пророческие сны
Отсрочат подведение итога.
Да, это трудно — быть самим собой...
Но, коль молитва не дошла до Бога,
То вдруг ее услышал тот — другой?
У вас ведь нет готового ответа,
Признайтесь: нет!
...Офортная игла,
Наметив контуры автопортрета,
Споткнувшись, на мгновенье замерла...

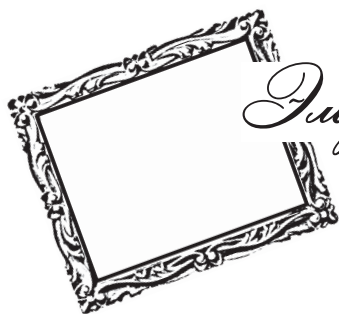
— Ведь вам в лицо хохочут все невежды!
Вам с целым миром оборвали нить!
...Но новый лист последнею надеждой
Ждет оттиска, как права — говорить.

1991

* * *

Белый холст и кисти белые.
Белый потолок и простыня.
Первые мазки, еще несмелые,
Но уже проложена по белому
Белым снегом белая лыжня.
Падают дожди оторопелые,
А в столичном граде ночи белые
Развели висячие мосты...
В белом небе словно обгорелые
Над Гостиной церковью кресты.
Белой леди всходит смерть по лестнице,
Покрываясь мягкой пеленой...
Хочется заплакать и повеситься
На рогах серебряного месяца,
Криво усмехаясь над судьбой.
Вверх взлететь белесою субстанцией,
По тоннелю до последней станции,
Снежной грани между да и нет,
Чтобы через много-много лет
Девушка с улыбкою Констанции
Целовала мой цветной портрет...

1996

Евгений Разанов (род. 1927)

Монолог «художника»

Прожитая жизнь — сложенье чисел:
сумма дней, недель, мгновений, лет...
Я вдруг осознал — я живописец,
вечно создающий твой портрет.

Для импровизаций и художеств
мне не нужен, в общем, черновик.
Может, кто другой не сразу может,
я ж эскизы делать не привык.

Я малюю на живой модели,
притушил слезой бездонный взгляд.
Легкий штрих — глазищи потемнели,
потому что вытерпели ад.

Я прорисовал твои морщины,
в волосы добавил белизны...
Натуральный цвет люблю в картинах,
я противник басмы или хны.

Перекрасил — в горькую! — улыбку,
два мазка, — и ты нехороша.
Я без красок этого добился,
без кистей и без карандаша.

Ближих раним походя, без смысла
гасим в них глубинный теплый свет...
Сам собою как-то получился
этот твой теперешний портрет.

Впервые 1988

Натюрморты

Люблю изучать натюрморты —
Хрустальных бокалов игру,
Порядок, недвижимый и мертвый,
Черемухи, яблок и груш.

Смотрю, как в окошко за ставней,
В картинку за синим стеклом.
Весь стол до отказа заставлен,
Но нет никого за столом.

Как будто нас в летнюю пору
Позвал отдохнуть от трудов
Питух, весельчак и обжора,
Хозяин цветов и плодов.

Воспримем всё это за шутку:
Хозяин умен и красив,
Он просто ушел на минутку,
На пиршество нас пригласив.

На фрукты, кувшины и вазы,
Музейное солнце, свети.
Предметы, не видные глазу,
Я с грустью пытаюсь найти.

Концы и начала историй,
Что бережно прячут года,
О том человеке, который
Уже не придет никогда.

1970

Художник Куянцев*

В убогом быту коммунальной квартиры,
В своей однокомнатной секции-клетке
Художник Куянцев рисует картины, —
Они на стене — словно птицы на ветке.

Художник Куянцев, он был капитаном,
И море — его постоянная тема.
Две вещи он может писать неустанно:
Простор океана и женское тело.

Лицо его сухо. Рассказы бесстрастны:
Тонул, подрывался, бывал под арестом.
Он твердо усвоил различие в красках
Меж нордом и зюйдом, меж остом и вестом.

* Павел Павлович Куянцев (1912—1997) — русский художник-маринист.

Упрятаны в папки его акварели,
Полны необъятного солнца и ветра,
И я закрываю глаза — неужели
Бывает вода столь различного цвета?

Но в праздничность красок вплетается горе,
Поскольку представить художнику трудно
Цветущие склоны без форта и море
Без хищной окраски военного судна.

И снова этюдник берет он, тоскуя.
И смотрит задумчиво или сердито
В окно на дома и полосу морскую,
Откуда однажды пришла Афродита.

1979

Рембрандт

В доме холодно, пусто и сыро.
Дождь и вечер стучат о порог.
Возвращение Блудного Сына
Пишет Рембрандт. Кончается срок.

Сын стоит на коленях, калека,
Изможденных не чувствуя ног,
Голова — как у бритого зека, —
Ты откуда вернулся, сынок?

Затерялись дороги во мраке.
За спиною не видно ни зги.
Что оставил ты сзади — бараки?
Непролазные дебри тайги?

Кто глаза твои сделал пустыми, —
Развратители или война?
Или зной Иудейской пустыни
Всё лицо твое сжег дочерна?

Не слышны приглушенные звуки.
На холсте и в округе темно, —
Лишь отца освещенные руки
Да лица световое пятно.

Не вернуться. Живем по-другому.
Не округла, как прежде, Земля.
Разрушение отчего дома —
Как сожжение корабля.

Запустение, тьма, паутина,
Шорох капель и чаячий крик,
И предсмертную пишет картину
Одинокий и скорбный старик.

1982

Питер Брейгель

О чем он думал, Питер Брейгель,
Какими образами бредил,
Когда изобразил Христа
На фоне северной равнины,
Сгибающим худую спину
Под перекладиной креста?

Фламандские вокруг пейзажи, —
Взгляните на одежды стражи,
На эти мельницы вдали!
Еще один виток дороги,
И он, взойдя на холм пологий,
Увидит в море корабли.

Еще не Бог он. На мольберте
Он человек еще, и смертен,
И явно выглядит чужим
В долине этой, в этом веке,
Где стужа сковывает реки
И над домами вьется дым.

Светало. Около отлива
Кричала чайка хлопотливо.
Тяжелый дождь стучал в окно.
О чем он думал, Младший Питер,
Когда лицо устало вытер,
Закончив это полотно?

О чем он думал, старый мастер?
В ночном порту скрипели снасти,
Холодный ветер гнал волну.
Об одиночестве пророка,
Явившегося позже срока,
Попавшего не в ту страну?

Толпа в предчувствии потехи.
Мерцают золотом доспехи,
Ладони тянет нищета.
Окрестность — в ожиданье снега,
И туча провисает с неба,
И над Голгофой — пустота.

1983

Живопись

С годами живопись становится понятней,
Мы к ней всё чаще обращаемся опять.
Московских пригородов солнечные пятна,
Головки грезовской светящаяся прядь,
Вакханки Рубенса, и Тауэр в тумане
Припоминаются всё ярче и ясней.
Изображенья, раз увиденные, манят,
Вдруг проступившие из юношеских дней.
С годами живопись становится нужнее, —
Всё остальное ускользает и течет.
Стареет сцена и театры вместе с нею,
Кино и музыка иные, что ни год.
Одна лишь живопись внушает нам надежду,
Что неизменными останутся всегда
И эти складки у пророка на одежде,
И эта серая в промоинах вода.
И мироздания распавшиеся звенья
Соединяются в музейной тишине,
Где продлеваются летящие мгновенья,
Запечатленные на сером полотне.

1987

Петровская галерея

Эпоха просвещения в России, —
На белом фоне крест небесно-синий,
Балтийским ветром полны паруса.
Ещё просторны гавани для флота,
На острове Васильевском — болота,
За Волгою не тронуты леса.

Начало просвещения в России.
Ученый немец, тощий и спесивый,
Спешит в Москву, наживою влеком.
Надел камзол боярин краснорожий.
Художник Аргунов — портрет вельможи, —
Медвежья шерсть торчит под париком.

Начало просвещения в России, —
Реформы, о которых не просили,
Наследника по-детски пухлый рот,
Безумие фантазии петровской,
Восточная неряшливая роскошь,
Боровиковский, Рокотов, Грот.

Встал на дыбы чугунный конь рысистый.
История Империи Российской
Пока еще брошюра, а не том,
Всё осмотреть готовые сначала,
Мы выйти не торопимся из зала, —
Мы знаем, что последует потом.

1988

Иван Грозный убивает сына Ивана

Я вижу старинный московский дворец
И кровь на подушках дивана.
Там сына родной убивает отец,
Иван убивает Ивана.
Убийца, себя истребляющий сам,
Его обвинять не рискую, —
Виною всему праотец Авраам,
Замысливший жертву такую,
Который, не в силах любовь побороть,
Готов на посмертную муку,
Не зная о том, что удержит Господь
Его занесенную руку.
Я слышал однажды: как нерв напряжен,
Безлюдной вечерней порою,
Безумец ударил картину ножом
И крикнул: «Достаточно крови!».
И там, где отметина эта видна,
Где лезвие холст разрезало,
Всё капает, капает кровь с полотна
На плинтус музейного зала.

1994

Леонардо да Винчи

Мадонна-девочка, и в этом весь секрет
В ее обличьи винчианском строгом.
Мадонна-девочка. Возможно или нет
Сынам Иосифа добиться сходства с Богом,
Ссылаясь на законное родство
По матери? Полет сестрицы старшей
Для гусеницы, бабочкой не ставшей,
Лишь оттеняет это волшебство.

И за седьмой заветною печатью
Хранит свой мир невидимый Господь,
Где на кресте не умирает плоть,
И непорочно тайное зачатъе.

1995

* * *

Художник, склонясь над гравюрой,
Старинные режет суда.
Под ними поверхностью бурой
Мятежная дышит вода.
Их реи мелькают, как спицы,
Сшибая звезду на лету.
Над ними безумная птица
Несется, крича, в темноту.

Художник на черной картине
Старинные строит суда.
Растет стапелей паутина,
Кипит трудовая страда.
Над Новоголландскою верфью,
Где гости гуляют и пьют,
Роняя цветы фейерверка,
Взлетает победный салют.

И сам я стою, как привязан,
От автора невядалеке,
Завидуя точному глазу,
Уверенной этой руке.
Мне слышится ветра музыка,
И чаек прерывистый плач,
А ночью приснится Языков
И море, лишенное мачт.

1995

Коктебель

Акварели Волошина, в темной висящие спальней,
Выгорают со временем — синее стало зеленым.
Я с трудом опознаю, вослед за поэтом опальным,
Этот мыс, что не зря называется Хамелеоном.

Там гуляет орда у морщинистых гор Карадага,
Где в окрестные скалы впечатался профиль поэта.
В сердоликовой бухте вскипает лиловая влага,
И чадит шашлыками недолгое крымское лето.

Облаков перелетных по склонам скользящие пятна,
И эвксинский рассол с аллергию сулящею тиною, —
Не ищи к ним дороги, — тебе не вернуться обратно
В этот старый ландшафт, выцветающий вслед
за картиной,

Где серебряный век растворяется в ситцевом веке.
Понаставив кафе на волошинском старом подворье,
Голосами дурными орут до утра дискотеки,
Ищет шприц наркота, и торгаш процветает на воре.

Так когда-то сюда приходили сарматы и скифы,
Неотступно гудя пожирающей всё саранчою.
Всё замочит вода, и останутся горы и мифы,
Да мерцающий круг над оплывшей лунной свечою.

И сияющих дней догорает зеленое пламя
На границе стихий, где базальт окаймляется пеной,
И степной суховей, остывая, несет дельтапланы,
Вдоль холмов киммерийских, пропахших полынью
и спермой.

1998

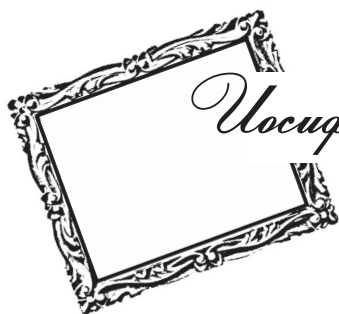
* * *

Художнику в природе нужды нет:
Его река — медлительная Лета,
В которой существует не предмет,
А лишь отображение предмета.

Дав отдохнуть усталому плечу
И холст беленый закрепив на раме,
Он кисть берет, — так тонкую свечу
Берет неспешно прихожанин в храме.

И парашютом раскрывая зонт,
Кидается в пространство без опаски,
Где, дымный размывая горизонт,
Земля и небо смешивают краски.

2000

Иосиф Бродский (1940-1996)

Иллюстрация

(Л. Кранах «Венера с яблоками»)

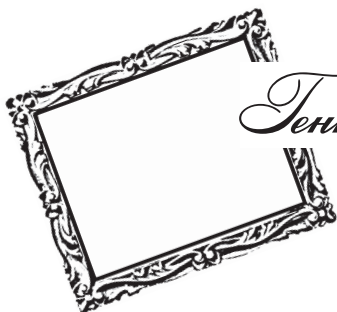
В накидке лисьей — сама
хитрей, чем лиса с холма
лесного, что вдалеке
склон полощет в реке,

сбежав из рощи, где бог
охотясь вонзает в бок
вепрю жало стрелы,
где бушуют стволы,

покинув знакомый мыс,
пришла под яблоню из
пятнадцать яблок — к ним
с мальчуганом своим.

Головку набок склоняя,
как бы мимо меня,
ребенок, сжимая плод,
тоже смотрит вперед.

апрель-май 1964

Теннадий Азги (1934-2006)

Сад ноябрьский – Малевичу

состояние
стучаще-спокойное
действие
словно выдергиванье
из досок гвоздей
(сад
будто где-то вступление ярого-Ока
сад)

1961

К кутежу живописцев

(Вместе с А. З.*)

одеты в раны есть: и цветниками — бога
где красные от ветра чумового
соединимые следы!
ах так кричать — похожим быть на пену
кровавую — то тут то там
(пуста Москва как поле декабря
и как обрывки свиста
гуашей — тонко — дрожь)

1964

* А. З. — художник Анатолий Тимофеевич Зверев (1931—1986).

Утрилло

(Надпись к фотографии)

И. Вулоху

а жизнь проходила
(как холст — высыхал) —
казалось: из пропасти света полуденного
должен пробиться
иной: не-цветной:
даже лучом не рисуемый! —
как в уличной песенке
жизнь проходила!.. —
и думалось: «да»... — и рука опускалась
в сиянии дня — как во тьме ежедневной:
и — головою клонящейся — было:
полнее сознания: «нет»

1967

Лик-ветр

(Надпись к портрету*)

граница есть твоя — как с жидкостью сверх-падали
а разорвешь ли и стряхнешь ли гниль?
ты — лишь полу-душа! не быть тебе свободной
ты — ветер: тебя очистит только смерть

1967

* Надпись к портрету автора работы В. Яковлева.

Жалкий пейзаж неизвестного художника

И. М.

былинки сухие
высокие: так без конца — а из Солнца
льется — как слово бесстрастное с губ
древнего старца: *а бледное: видно:*
с трудом вымывается... и не блистательным шумом
более выражен мир: спотыкается им говоримое
сломанным стеблем... другим... продолжаясь
до края земли... — но не выдержал видимо мастер:
будто вздохнул... — в этом мареве сером
вздогнули (чуть различишь)
две-три ромашки

1983

У. В.* за работой

и
отступающие глаза
(под
навес
бровей)
словно смотрящие в тайге в открытую дверь охотничьей
хижины
и дальше через поляну
медленно устанавливают
впадины в далеких горах — и давно — одиноко — ими
тоска
молчит

24 января 1992

* У. В. — берлинский художник Ульрих Вернер.

Давнее рисование

спичка шептаться могла и свеча
миром была принимая в себя — и казалось что крохи
в сумерках утешающе теплились хлеба
светом — в сердца исходящим
(...а почему бы и нет?..) — и рука тишиной отягчалась
все более «зримой»:
глаз
будто в родник... — припадая... — (следы начинались
зернистые
первые
скользя — как в гору!
— ...шорох — Его разговор... — через нас
здесь: с Миром)

25 февраля 1992

Перед картинами Андреи Шомбург

окна Духа на этих холстах
(приснившиеся
зренью души
в виде полей и полян)
стойко-спокойные в их неподвижности
внутренне
скользят и подрагивают
у нас на глазах становясь
(будто ровно и вечно)
живущими (как безымянная зелень): —
о да: драгоценностями! —
целомудрия чувств
и болящей
(тонко)
руки

30 ноября 1992, Берлин

Всё более иначе на землю

(К картинам друга)

У. В.*

В травы Земли постепенно входит
свечение воспоминаний художника —
благодарение как зыбкое движение
шепчет стояниями их — готовностью вот-вот всколыхнуться —

(дыхание мира — как ровный ветер) —

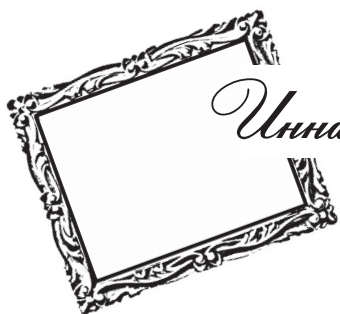
и возникают пространства всё более подобные высокому
спокойствию

будто *саровское* говорение «стяжи дух мирен»
ветками рябит и сумерками светится —

на полотнах всё более высоко-земных

2004

* Ульрих Вернер.

Инна Лиснянская (род. 1928)

Фаюмские портреты

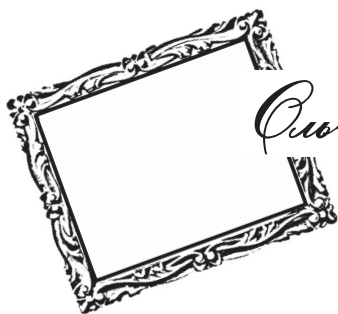
Прощально сентябрь золотится,
И мысли идут на закат.
Тоска — вдохновенью сестрица,
А опыт — неведенью брат.

От древних фаюмских портретов
И фоток в надгробном саду
Каких ожидаю ответов,
Каких я подробностей жду?

Лишь цепкая память на лица
Еще шевелится во мне,
А в целом картина дробится,
Как небо в осеннем огне.

Тягучая дымная дума
Прямой перекинула мост
От дальней гробницы Фаюма
На близкий от дома погост.

2003

Ольга Седакова (род. 1949)

Портрет художника на его картине

Вся красота, когда смеется небо,
и вздох земли, когда сбегает снег, —
все это ляжет вместе, как солома,
и отворится благодатный хлев.

Пускай на крыше ангелы танцуют
и камни драгоценные целуют
и убегают к верхнему углу
и с верхнего угла бегут, сверкая,
серебряные ветки рассыпая
и посохи меняя на бегу.

И пусть все это отойдет во мглу,
пусть отвернет смущенное лицо.

Внизу, как можжевельники при ветре,
друг друга будут дети обнимать,
а по бокам волы, волы — созвездья
трудающейся земли. Они ложатся,
как только что рожденные телята:
они невидимую чуют мать.

А пастухи, родители детей,
подходят медленно, по-деревенски.

Темным-темны их бедные одежды,
и эта тьма почти от нас идет
и потому почти приводит к нам,
как будто Лот, идущий из Содома...

Но возле пастухов, оборотясь,
Стоит художник. Sapienti sat.
Все исчезает, как висячий сад,
и он один стоит в степи пустой.

Его у горла сложенные руки
как будто держат припасенный дар —
но в этом сомневаются глаза.
Он более, чем мы, любим собой.
Он говорит, как свет глухонемой:
— Ты, мысль моя, ты, ясная Кифера,
ты, розы поднебесной привиденье,
ты, как припев, не впору моему
большому мраку: подойдя к нему
ты повторяешь эти очертанья —
так в зеркале лицо мое встает,
и то, что там, себе его берет,
и, на себя накинув плоский образ,
томится в нем, как птица под платком, —
и, сбросив, не нуждается ни в ком.

Кому ты хочешь поднести охапки
цветов и улыбнувшихся вещей
и привести замученных детей,
чтобы они смеялись, как вода,
когда качнут наполненное блюдо,
и все сложить у ног, и улыбнуться —

тот не Лаван, и с ним не делят стад.
Верни ему весь одичавший сад —
в цветной воде, в утешенных слезах
Содом, перерожденный на глазах, —
все будет ложь, и ничего как ложь.
Ты зеркало пустое принесешь.

Есть человек, и он как мир живой
и больше мира — и никто сюда
его не вызывал. Я стою, как вой.
Он — это то, что в зеркале всегда.
Он — это я, подуманный тобой.
И он стоит, как образ соляной,
И не идет за всеми.

Без меня
мой дар лежит на собственной могиле,
как вопленица на похоронах:
она как будто землю разрывает,
откидывает прозвища, приметы,
походку, обхождение, привычки,
она раскапывает свежий ход
в тяжелой глине...

и передает
тяжелый факел темноты
туда, где свет, как кровь, идет —
весна идет,
и ясная Кифера,
и с нею в парусах архипелаг,
и ранней сфере отвечает сфера,
и первой розой перевернут мрак —
и я иду, беднее, чем другие,
в одежде темной и темнее всех,
с больной улыбкой, как цветы больные,
как вздох земли, когда сбегает снег.

Юрий Кублановский (род. 1947)

* * *

*Crepuscule d'impressionniste**

Судьба уложилась не в день и не в два —
в столетие, много столетий.
Набита натруженная голова
осколками всех междометий.
Вмурованы только моллюски в куски
полудрагоценной породы,
но запросто стерты, как губкой с доски,
из памяти целые годы.

Подобно слепцу их нащупать хочу,
да ведь не по силам и не по плечу.

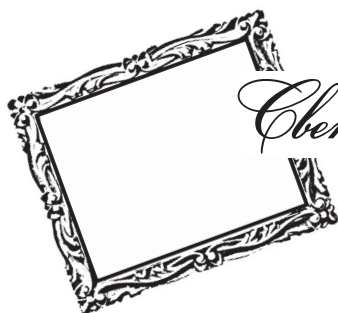
С какой быстротой прибывает вода —
имела оттенки металла
она в неуступчивые холода,
горчиною в паводок стала,

сшибаясь с заиленным рустом моста
и вязь черновую смывая с листа.

* Сумерки импрессионистов (фр.).

...По детству волжанин, по жизни изгой,
за альфу принявший омегу,
то землю спросонья цепляю ногой,
то вдруг изготовлюсь к разбегу.
И в сумерки с отсверком ранних огней
меня, будто старого зубра,
ты встретишь, с занятий спеша из дверей
учебного корпуса Лувра.

Апрель 2008

Светлана Жевава (род. 1951)

Стройка

Пейзаж в духе Брейгеля

Запах пыли кирпичной, цемента, песка и щебенки,
экскаватор, как рак, но с оторванной правой клешней,
Вельзевул без хвоста и сатир козлоногий в дубленке
раздают приказанья, пока разбитные бабенки
прячут низ живота с размещенною там малышкой.

Аксолотль, головастик, хвостатый тритон и мышонок
разместились по-разному каждый в своем животе,
их родня копошится внутри волосатых мошонок —
а родятся на свет — и не нужно им шить распашонок:
расползутся по стройке, по теплой ее срамоте.

Что за стройка такая, где рушатся старые стены,
жгут огромные бревна, покрытые липкой смолой?
Словно раненый вепрь, ревет самосвал с авансцены,
что на стройке опять подскочили на грешников цены,
а шофер перепуганный держит секач под полой.

Я надену тулуп и сапожки, подбитые мехом,
пусть морщины на коже сечет ледяная крупа, —
над моей головой, коронованной грецким орехом,
кувыркается еж, попугай заливается смехом
и хрустит обреченно костей черепных скорлупа.

Я на стройку пойду, задыхаясь от сладкого чада.
В просмоленных котлах остывает курящийся вар,
и бегут саламандры по легкому пламени ада,
а невольничий рынок извне окружает ограда —
там тела продают — ведь душа ненадежный товар.

Если каждый из нас заключен в непрозрачную сферу,
кто в орехе томится, кто прячется в шаре с крестом,
кто глотает ежа, кто в объятиях держит химеру,
то и стук молотка мы старательно примем на веру,
чтоб хотя бы на миг очутиться в пространстве пустом.

1986

Новелла Мамбеева (род. 1934)

Боттичелли

Век титанов, мраморную гору
Молотом дробящий поминутно,
Был смущен, когда завидел Флору,
Лепестками сеющую смутно.

Вижу птиц серебряные клювы,
Слышу пляску воздуха живую:
То эолы, словно стеклодувы,
Выдувают вазу ветровую.

Лунной мглой отблескивают лики.
Люди реют — наземь не ступают.
(Не шагов ли ложных грех великий
Неступаньем этим искупают?)

И встает из моря Афродита —
Безупречно любящих защита.

Рембрандт

Он умер в Голландии, холодом моря повитой,
Оборванный бог, нищий гений.
Он умер
И дивную тайну унес нераскрытой,
Он был королем светотени.

Бессмертную кисть,
Точно жезл королевский, держал он
Над царством мечты негасимой
Той самой рукою,
Что старческой дрожью дрожала,
Когда подаянья просил он.

Закутанный в тряпки,
Бродил он окраиной смутной
У дворишков заиндевелых.
Ладонь исполина он лодочкой складывал утлой
И зябко подсчитывал мелочь.

Считал ли он то, сколько сам человечеству отдал?
Не столько ему подавали!
Король светотени —
Он все же остался голодным,
Когда королем его звали.

Когда же, отпетый отпетыми, низший из низших,
Упал он с последней ступени,
Его схоронили
(с оглядкой!)
на кладбище нищих.

Его — короля светотени!

...Пылится палитра.
Паук на рембрандтовской раме
 В кругу паутины распластан.
На кладбище нищих.
В старинном седом Амстердаме
 Лежит император контрастов.

С порывами ветра проносится иней печально,
Туманятся кровли и шпили...
Бьет море в плотины...
Но скоро откроется тайна,
Уснувшая в нищей могиле!

Но скоро в потемки
 сквозь вычурный щит паутины
Весны дуновение прорвется:
Какие для славы откроются миру картины
В лучах нидерландского солнца!

И юный художник,
 взволнованный звонкой молвою,
И старый прославленный гений
На кладбище нищих
С поникшей придут головою
Почтить короля светотени.

А тень от него никогда не отступит.
Хот часто
Он свет перемешивал с нею.
И мастер контраста — увы! — не увидит контраста
Меж смертью и славой своею.

Всемирная слава пылает над кладбищем нищих:
Там тень, но и солнце не там ли?

Но тише!

Он спит.

И на ощупь художники ищут
Ключи неразгаданной тайны.

Художники

Кисть художника везде находит тропы.
И, к соблазну полисменов постовых,
Неизвестные художники Европы
Пишут красками на хмурых мостовых.

Под подошвами шагающей эпохи
Спят картины, улыбаясь и грустя.
Но и те, что хороши, и те, что плохи,
Пропадают после первого дождя.

Понапрасну горемыки живописцы
Прислоняются к подножьям фонарей
Близ отелей,
Где всегда живут туристы —
Посетители картинных галерей.

Равнодушно, как платил бы за квартиру,
За хороший иль плохой водопровод,
Кто-то платит живописцу за картину
Либо просто подаянья подает.

Может, кто-то улыбнется ей от сердца?
Может, кто-то пожелает ей пути?
Может, крикнет: «Эй, художник! Что расселся?
Убери свою картинку! Дай пройти!».

Но, как молнии пронзительную вспышку,
Не сложить ее ни вдоль, ни поперек;
Не поднять ее с земли, не взять под мышку, —
Так покорно распростертую у ног!

И ничьи ее ручищи не схватили,
Хоть ножищи по ее лицу прошли.
Много раз за ту картину заплатили,
Но купить ее ни разу не смогли.

1961

* * *

Художник, незнакомый с поощреньем,
А знаешь ли? В тени пожить не грех:
Не ослепляясь счастья опереньем,
Мир как он есть увидеть без помех.

Негромким смехом встретить грубый смех,
Злорадство — ледяным обдать презреньем...
Нас невеликость наша высшим зреньем
Снабдит. И высший нам сужден успех.

Чтобы затем, с победою помешкав,
С насмешливым поклоном взять реванш.
Так Гулливер — игрушка бробдинггежцев —
Мог разглядеть морщины великанш,

Чью красоту считали в Бробдингнеге
Вершиной безупречности и неги.

1962

Веселье живописи

I

Кисть весела, и живопись красна.
Твои печали — не ее печали,
И о тебе не думает она;
Ей — только бы тона не подкачали!

Ей все равно, чье «Утро не причале»,
Чем «Богоматерь» вправду смущена
И заработали или украли
Лилового, на крючьях, кабана...

Лишь Гойя цену знает кабану.
Лишь Брейгелю натурой не упиться!
Но их-то я как раз не в живописцах,
А в страстотерпцах горьких помяну:

Ведь ложь они презрели бескорыстно,
А истина — совсем не живописна!

II

Краски и мысли

Да здравствуют художники-французы!
Рисунок влажен, свеж и полустерт,
Но в этой мгле всё так же синеблужы
Рабочие... Все так же полон порт

Волн и гудков и праведностью горд.
Всё те же с миром радостные узы...
Всё те же ветлы, мельницы и шлюзы...
Но что за странный, сорванный аккорд?

Откуда фальшь? Душой неблагодарной
Мне не постигнуть мудрости бульварной,
Не дорасти до двойственной красы,

Мне режут слух неслаженные спевки:
Сколь дик и странен образ грязной девки,
Составленный... из капелек росы!

III

Видение

Заката в долах жар животворящий.
Но лозы в гневе. Рдея, — плоть за плоть, —
Пошли, как трещины в стене горячей,
Как щели ада, лающе алеть.

Мне снится кардинальский — то напевный,
То ржущий пурпур. Битвы ржавой свет.
До треска красный, пушечно-полдневный,
Владетельный, громово-алый цвет.

Предел бесстыдства на лице безбровом.
Впервые запылавшая щека
Низвергнутого в ад ростовщика.
Вельможный плащ. Клеймо на родниковом
Челе блудницы. Странно жжет глаза
Мне в тихий вечер тихая лоза.

IV

Лоза вдали

Лоза в кудрях, лохмотьях и огне,
Как беглый узник замковых развалин;
Он плащ порвал и руки окровавил,
Спускаясь на веревках по стене,

Но, в двух прыжках от выцветшей травы,
Внезапно замер, даль обозревая,
Скосив глаза на варварские рвы
И в хитрости холмы подозревая...

За эти красным ветровым пятном,
Как за огнем, слежу глазами детства
И вижу битвы, скованные сном,
На месте завертевшиеся бегства,

И неподвижный залповый огонь
Смеживших веки, грезящих погонь...

Живопись

*Ивану Киуру**

Пусть Живопись нас приютит,
Мои терзанья прекратит.
Единственная, кто дала
Не знать мне и не делать зла, —
Пусть Живопись нас приютит.

Мы красок не приобрели,
Этюдников не завели,
И всё равно не знали мы
Той бесхудожественной тьмы,
Что многих души тяготит...

* Иван Семенович Киуру (1934—1992) — поэт, переводчик с финского.

Пусть Живопись нас приютит!

Мы не расписывали холст,
Не знаем — тонок он иль толст.
Но — слава Живописи! —
В ней
Спасались мы от темных дней!
Бывало, вспыхнет, заблестит...

Пусть Живопись нас приютит.

Ван-Дейком-дамой никогда
Не быв, я шла через года.
И Апеллесом ты не стал,
Но ты живописать мечтал!
А кто мечтанье воспретит?
Пусть Живопись нас приютит.

Да, Апеллесом ты не стал,
И всё же ты — живописал!
Пускай не кистью,
Пусть — пером,
Но, как за тучей ясный гром,
В нем жили масло, тушь, графит,
Вся киноварь, весь лазурит
(Что никого не разорит,
Но всякий угол озарит!).

Пусть Живопись нас одарит!

Свершилось чудо из чудес:
В Поэзии — ты Апеллес!
Кому сам Хронос не указ!
Кто Цвет Естественности спас.

Кто Подлинность раскрепостит.
Кого Паллада защитит!

Пусть Живопись приветит нас.

Пусть Живопись нас приютит,
Довоплотит, озолотит, —
Единственная, кто дала
Не знать мне и не делать зла!
Под небом всех кариатид
Пусть Живопись нас приютит!

А грех унынья да простит
Мне Бог...

Июнь 1992

УКАЗАТЕЛЬ имен и произведений, упоминающихся в текстах

Абакелия Тамара Григорьевна (1905—1953) — грузинский скульптор и график.

Айвазовский (Гайвазовский) Иван Константинович (1817—1900) — русский живописец, мастер морского пейзажа.

Анджелико Фра Джованни да Фьезоле (ок. 1400—1455) — итальянский живописец Раннего Возрождения, представитель флорентийской школы.

Аргунов Иван Петрович (1729—1802) — русский живописец, портретист.

Беллини Джованни (ок. 1430 — 1516) — выдающийся итальянский художник венецианского Раннего Возрождения.

«Св. Себастиан» (1450-е гг.)

Борисов-Мусатов Виктор Эльпидифорович (1870—1905) — русский художник-живописец.

Боровиковский Владимир Лукич (1757—1825) — художник портретист.

«Портрет Марии Ивановны Лопухиной» (1797)

Босх Хиеронимус (ок. 1460—1516) — нидерландский живописец.

«Сад земных наслаждений» (1503—1504)

Боттичелли Сандро (1445—1510) — итальянский живописец флорентийской школы.

«Весна» (кон. 1470-х)

«Рождение Венеры» (1482)

«Magnificat» (ок. 1483—1485)

Брейгель Старший, или «Мужицкий» (ок. 1525-30 — 1569) — нидерландский живописец и рисовальщик.

Брюллов Карл Павлович (1799—1852) — русский живописец.

«Последний день Помпеи» (1830—1833)

«Диана, Эндимион и Сатир» (1849)

Ван Гог Винсент (1853—1890) — голландский живописец.

Васнецов Виктор Михайлович (1848—1926) — русский живописец, жанрист, автор картин на исторические и сказочные сюжеты.

«Аленушка» (1881)

- «Гамаюн, птица вещая» (1897)
 «Сирин и Алконост. Песнь радости и печали» (1896)
- Ватто* Антуан (1684—1721) — французский живописец и рисовальщик. французский живописец и рисовальщик, основоположник и крупнейший мастер стиля рококо.
 «Паломничество на остров Киферу» (1717)
- Веласкес* (Родригес де Сильва) Диего (1599—1660) — испанский живописец.
 «Менины» (1656)
- Верещагин* Василий Васильевич (1842—1904) — русский художник, мастер батальной картины.
- Веронезе* Паоло (1528—1588) — венецианский художник Позднего Возрождения.
- Волошин* (наст. фам. Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877—1932) — русский поэт и художник-акварелист.
- Врубель* Михаил Александрович (1856—1910) — выдающийся русский живописец, рисовальщик.
 «Демон сидящий» (1890)
 «Царевна-Лебедь» (1900)
- Гейнсборо* Томас (1727—1788) — английский живописец и рисовальщик.
- Гоген* Поль Эжен Анри (1848—1903) — французский живописец.
- Гойя* Франсиско Хосе де (1746—1828) — испанский художник, гравер, рисовальщик.
- Гончарова* Наталья Сергеевна (1881—1962) — русский живописец, график и театральный художник. Была одним из создателей русского примитивизма и так называемого лучизма.
- Гус* Хуго ван дер (ок. 1435-40 — 1482) — фламандский живописец.
- Джорджоне* [Джорджо Барбарелли да Кастельфранко] (1476 или 1477—1510) — итальянский живописец венецианской школы, один из основоположников Высокого Возрождения.
- Джотто* ди Бондоне (1266 или 1267 — 1337) — итальянский живописец, представитель искусства Проторенессанса.
- Доу* Джордж (1781—1829) — английский живописец.
 «Портрет М. Б. Барклая-де-Толли» (1829)
- Дюрер* Альбрехт (1471—1528) — немецкий живописец, рисовальщик, гравер, теоретик искусства. Крупнейший представитель немецкого Возрождения.

- Каульбах* Вильгельм фон (1805—1874) — немецкий живописец и рисовальщик, представитель позднего романтизма и академизма.
- Кауфман* Ангелика (1741—1807) — немецкая художница-портретистка.
- Кейленборх* Абрахам ван (?1620—1658) — голландский живописец.
- Кипренский* Орест Адамович (1782—1836) — русский живописец и график, представитель романтизма.
«Портрет А. С. Пушкина» (1827)
- Клее* Пауль (1879—1940) — швейцарский живописец и график, один из лидеров экспрессионизма.
- Конинк* Соломон (1609—1656) — голландский живописец.
- Кончаловский* Петр Петрович (1876—1956) — русский живописец, один из основателей объединения «Бубновый валет»
«Сирень» (1933)
- Корреджо* (Аллегри) Антонио (1489—1534) — итальянский художник периода Высокого Возрождения.
- Крамской* Иван Николаевич (1837—1887) — русский живописец, рисовальщик и художественный критик, один из создателей и идеологов Товарищества передвижных художественных выставок.
«Портрет художника И. Шишкина» (1873)
«Некрасов в период “Последних песен”» (1877—1878)
- Кранах* Лукас Старший (1472—1553) — немецкий живописец и график эпохи Возрождения.
«Венера с яблоками» (1530)
- Красбек* Йон ван (?1605—1662) — фламандский живописец.
- Кустодиев* Борис Михайлович (1878—1927) — русский живописец, график и рисовальщик.
- Ларионов* Михаил Федорович (1881—1964) — русский живописец, график и театральный художник.
- Левитан* Исаак Ильич (1860—1900) — русский живописец-пейзажист.
«Над вечным покоем» (1894)
- Леонардо да Винчи* (1452—1519) — итальянский живописец, скульптор, архитектор и ученый Высокого Возрождения.
«Джоконда» (1503—1506)
«Тайная вечеря» (1495—1497)
- Лорренн* Клод (1600—1682) — французский художник, мастер морского пейзажа.
- Малевич* Казимир Северинович (1878—1935) — русский художник, один из основоположников абстрактного искусства.

Модильяни Амедео (1884—1920) — итальянский живописец и скульптор, представитель парижской школы.

Мурильо Бартоломе Эстебан (1618—1682) — испанский живописец.

Нестеров Михаил Васильевич (1862—1942) — русский живописец, мастер монументальной картины и лирического пейзажа, портретист.

Орканья Андреа (наст. имя ди Чоне) (ум. 1368) — флорентийский живописец, скульптор, архитектор.

Перуджино Пьетро (между 1445 и 1452 — 1523) — итальянский художник эпохи Возрождения, представитель умбрийской школы.

Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878—1939) — русский живописец, рисовальщик, писал портреты, натюрморты, жанровые картины.

«Купание красного коня» (1912)

Пикассо Пабло (1881—1973) — французский художник.

«Старый нищий с мальчиком» (1903)

«Девочка на шаре» (1905)

«Матадор» (1897)

Пироманашвили Нико (Николай Асланович) (1862—1918) — грузинский художник-самоучка, представитель примитивизма.

Пуссен Никола (1594—1665) — французский художник-классицист.

Рафаэль (Рафаэлло Санти) (1483—1520) — итальянский живописец и архитектор эпохи Высокого Возрождения.

«Бриджутерская Мадона» (1507)

«Сикстинская Мадонна» (ок. 1513)

«Преображение» (1519—1520)

«Дама под покрывалом» (1516)

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606—1669) — голландский живописец, рисовальщик и офортист.

«Возвращение блудного сына» (ок. 1666—1669)

Ренуар Пьер Огюст (1841—1919) — французский художник, один из основателей импрессионизма в европейской живописи.

Репин Илья Ефимович (1844—1930) — русский художник, мастер портретов, исторических и бытовых сцен.

«Иван Грозный и его сын Иван» (1885)

Рибейра [Рибера] Хусепе (1591—1652) — испанский живописец и гравер.

Рокотов Федор Степанович (?1735—1808) — русский художник, представитель стиля рококо.

«Портрет Струйской» (1772)

Рош-Гросс (Рошгросс) Жорж (1859—1938) — французский художник.

«Погоня за счастьем» (1898)

Рубенс Питер Пауль (1577—1640) — фламандский живописец.

Рублев Андрей (ок. 1360-1370 — 1430) — древнерусский живописец, один из создателей московской школы иконописи.

«Троица» (1422—1427)

Саврасов Алексей Кондратьевич (1830—1897) — русский художник, основоположник символистского «пейзажа настроения» в русской живописи.

«Грачи прилетели» (1871)

Сарьян Мартiros Сергеевич (1880—1912) — армянский и русский живописец-пейзажист, график, театральный художник.

Семирадский Хенрык (Генрих Ипполитович) (1843—1902) — польский и русский живописец.

«Светочи христианства» (1877)

Серов Валентин Александрович (1865—1911) — выдающийся русский живописец и график.

«Портрет Иды Рубинштейн» (1910)

Содомы (Джованни Антонио Бацци) (1477—1549) — итальянский живописец сиенской школы.

Сомов Константин Андреевич (1869—1939) — русский живописец и график, один из основателей «Мира искусства».

Суриков Василий Иванович (1848—1916) — русский художник, мастер исторической живописи.

«Боярыня Морозова» (1887)

«Меньшиков в Берёзове» (1883)

Сутин Хаим (1893—1943) — французский художник-экспрессионист, представитель парижской школы.

Тернер Джозеф Мэллорд Уильям (1775—1851) — английский живописец и график.

Тинторетто Якопо (1518—1594) — итальянский живописец венецианской школы («Рождение Иоанна Крестителя», «Чудо св. Марка», «Введение Марии во храм»).

Тициан Вечеллио (?1477—1576) — итальянский живописец эпохи Возрождения.

Тончи Сальватор (1756—1844) — итальянский художник, мастер исторической и портретной живописи, с 1796 г. работал в Москве.

Тыко Вылка (Илья Константинович Вылка) (1883—1960) — ненецкий художник, сказитель.

Утрилло Морис (1883—1955) — французский художник-живописец.

Фаворский Владимир Андреевич (1886—1964) — русский график и живописец, член общества «Четыре искусства».

Федотов Павел Андреевич (1815—1852) — русский живописец и график, родоначальник критического реализма в русской живописи.
«Свежий кавалер» (1846)

Феофан Грек (ок. 1340 — ок. 1410) — русский иконописец, миниатюрист и мастер монументальной живописи.

Филонов Павел Николаевич (1882—1941) — русский художник и теоретик искусства, представитель футуризма, один из лидеров русского авангарда первой половины XX века.

Ходовецкий Даниель Николаус (1726—1801) — немецкий график и живописец, много работал как иллюстратор, выработав тип миниатюрного тонкого офорта.

Чюрлёнис Микалоюс Константинас (1875—1911) — литовский художник и композитор.

Шабас Поль (1869—1937) — французский художник

Шагал Марк Захарович (1887—1985) — русский художник-модернист, представитель «парижской школы».

Шарден Жан Батист Симеон (1699—1779) — французский живописец, мастер натюрморта.

Шемякин Михаил Михайлович (род. 1943) — русский художник, представитель русского «неофициального» авангарда.
«Чрево Парижа» (1975—1977)

Шишкин Иван Иванович (1832—1898) — русский живописец, один из крупнейших мастеров пейзажной живописи.

Шомбург Андреи — немецкий художник.

Эль Греко Доменико (1541—1614) — испанский живописец.

Ярошенко Николай Александрович (1846—1898) — русский живописец, художник бытового жанра, портретист.
«Всюду жизнь» (1888)

<i>От составителя</i>	3
Гаврила Романович Державин	
Радуга	6
К Анжелике Кауфман.....	8
Тончию	9
Александр Сергеевич Пушкин	
К живописцу	11
Возрождение.....	12
Недоконченная картина	-
Кипренскому	13
Мадона	-
«Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя...»	14
Полководец	-
Михаил Юрьевич Лермонтов	
На картину Рембрандта	17
Портрет.....	18
Евгений Абрамович Баратынский	
Мадона	19
Алексей Николаевич Плещеев	
При посылке Рафаэлевой Мадонны	22
Афанасий Афанасьевич Фет	
Мадонна	24
К Сикстинской Мадонне.....	25
Диана, Эндимион и Сатир (Картина Брюллова)	25
Она	26
Владимир Григорьевич Бенедиктов	
Мадонна	27
Степан Петрович Шевырев	
Мадонна	28

Алексей Степанович Хомяков	
(Надпись на картине) (ангел спасает две души от сатаны).....	30
Павел Андреевич Федотов	
Картина «Свежий кавалер, или Где завелась дурная связь, там и в великий праздник — грязь»	31
Алексей Константинович Толстой	
Мадонна Рафаэля	33
Аполлон Николаевич Майков	
«Ах, чудное небо, ей-Богу, над этим классическим Римом!»	34
Мадонна	35
Айвазовскому	36
Renaissance [К юбилею Рафаэля Санцио]	37
Аполлон Александрович Григорьев	
«Глубокий мрак, но из него возник...»	38
«О, помолись хотя единый раз...»	39
«О, сколько раз в каком-то сладком страхе...»	40
К Мадонне Мурильо в Париже	41
Дмитрий Дмитриевич Минаев	
«О, художник, если взял ты...»	43
На художественной академической выставке	44
Хапалов («Портрет старушки»)	45
Ю. Леман «Дама под вуалью»	-
И. Крамской «Портрет художника И. Шишкина»	46
«Лес» (И. Шишкина)	-
«Сапожник» (Кочетова)	-
Александр Львович Боровиковский	
Deo ignoto (по поводу одной картины)	47
Яков Петрович Полонский	
К портрету	49
Дмитрий Мережковский	
Леонардо да Винчи	50
Не-Джиоконде	51
Александр Блок	
Гамаюн, птица вещая (Картина В. Васнецова)	52
Сирий и Алконост. Птицы радости и печали	53
«Погоня за счастьем» (Рош-Гросс)	54
Демон	55

Андрей Белый	
Искуситель	56
Демон.....	59
Перед старой картиной	60
Константин Бальмонт	
Веласкес	65
Фра Анджелико	66
Перед картиной Греко в музее Прадо, в Мадриде.....	67
Рибейра.....	68
Валерий Брюсов	
Врубелью	69
Витраж-триптих	70
«Бахус» Рубенса	73
Николай Гумилев	
Андрей Рублев.....	74
Портрет мужчины. Картина в Лувре работы неизвестного	75
Фра Беато Анджелико.....	76
Гончарова и Ларионов. Пантум	78
Михаил Кузмин	
Пейзаж Гогена.....	80
Пейзаж Гогена. Второй	81
Ходовецкий	82
«Декабрь морозит в небе розовом...»	83
Осип Мандельштам	
«На бледно-голубой эмали...»	84
Импрессионизм	-
«Как светотени мученик Рембрандт...»	85
«Как дерево и медь — Фаворского полет...».....	86
«Небо вечера в стену влюбилось...».....	-
Анна Ахматова	
Надпись на неоконченном портрете.....	87
Художнику.....	88
«Я знаю, с места не сдвинуться...»	-
Рисунок на книге стихов.....	89
Конец демона	-
Велимир Хлебников	
Песнь смущенного	90

Игорь Северянин	
Врубелю	91
Борис Пастернак	
Зима приближается	92
Марина Цветаева	
Акварель.....	94
В сумерках (На картину «Au Crépuscule» Paul Chabas в Люксембургском музее).....	95
Максимилиан Волошин	
Венеция	96
Портрет.....	97
«Ты живешь в молчаньи темных комнат...»	98
Вячеслав Иванов	
Из поэмы «Ars mystica»	99
«Magnificat», Боттичелли.....	100
«Вечеря», Леонардо	101
Два художника	102
Сирена	-
Терцины к Сомову.....	103
Фейерверк	105
Елена Гуро	
Василий Каменский	106
«В белом зале, обиженном папиросами...»	107
Одностроки.....	108
Вадим Гарднер	
Художнику.....	109
Владимир Маккавейский	
Сонет-пейзаж	110
Василий Комаровский	
«Пылают лестницы и мраморы нагреты...»	111
«Вспорхнула птичка. На ветвистой кроне...»	112
Георгий Иванов	
«Над морем северным холодный запад гас...»	113
«Я вспоминаю влажные долины...»	114
Заставка	-
«Беспокойно сегодня мое одиночество...»	115
«Она застыла в томной позе...»	116

«Когда луны неверным светом...».....	117
«Растрепанные грозами — тяжелые дубы...».....	118
«Как я люблю фламандские панно...»	-
«О, празднество на берегу, в виду искусственного моря...»	119
«На лейпцигской раскрашенной гравюре...»	120
Ваза с фруктами	-
«Есть в литографиях старинных мастеров...»	121
«Потеряв даже в прошлое веру...»	122
«Почти не видно человека среди сиянья и шелков...»	-
Рюрик Ивнев	
«Кроваво-красный конь, к волнам морским стремящийся...»	123
Портрет.....	124
«Италия была у ног твоих...»	-
Мальвина Марьянова	
Живая и мертвая	126
Дон Аминадо	
Открытки на стене.....	127
Владимир Набоков	
Художник.....	129
Мария Петровых	
Акварели Волошина.....	130
Надпись на портрете (Мадригал)	131
Перед картиной Саврасова (Весна в детстве)	-
Павел Антокольский	
Экспрессионисты	133
Портрет инфанты	135
Нико Пиросманашвили.....	136
Тамара Абакелия	137
Иероним Босх	139
Александр Гитович	
Пикассо	141
Девочка на шаре	142
Матадор	-
«Нищий ужин»	143
Аленушка	-
Николай Олейников	
В картинной галерее (мысли об искусстве).....	144

Илья Сельвинский	
В картинной галерее	150
Николай Заболоцкий	
Портрет.....	152
Николай Асеев	
Фантасмагория.....	153
Дмитрий Кедрин	
Гравюра	154
Красота	-
Арсений Тарковский	
Пауль Клее	155
«Пускай меня простит Винсент Ван Гог...»	156
Феофан Грек.....	157
Виктор Василенко	
«Троица» Андрея Рублева	158
Давид Самойлов	
«Березы, осины да елки...»	159
Брейгель (Картина).....	160
«Грачи прилетели»	162
Маргарита Алигер	
О красоте	164
Анатолий Жигулин	
Художник.....	166
Леонид Мартынов	
Художник.....	168
Виденья Босха (триптих).....	169
Ксения Некрасова	
Рублев. XV век.....	171
Рисунок.....	-
В мастерской художника.....	172
Ирина Снегова	
Сарьяну	174
«Я люблю художников Армении...»	175
Всеволод Рождественский	
Рисунок Пикассо	176
Некрасов.....	177
Николай Глазков	
«Полотно. Ермак. Татары»	179

Боярыня Морозова	-
Кидекша	181
Евгений Винокуров	
Мир разложил на части Пикассо	182
Вадим Шефнер	
Картина.....	183
У картины.....	184
Милость художника	185
В духе раннего Нестерова	186
Александр Межиров	
Гуашь	187
Леонид Губанов	
Ван Гог.....	188
Малевич.....	189
Осень (акварель).....	190
Осень (масло).....	191
Николай Рубцов	
Левитану (По мотивам картины «Вечерний звон»).....	192
Сергей Дрофенко	
«Живописец щедушный с бородкой...»	193
Детские рисунки	194
Борис Чичибабин	
Венок на могилу художника	196
Булат Окуджава	
Живописцы	198
Песенка о художнике Пиросмани	199
Мой карандашный портрет	200
Как научиться рисовать	201
Детский рисунок	-
Картина на слоновой кости. Из Хута Берулава	202
Карандаш желает истину... ..	204
Белла Ахмадулина	
Старинный портрет	205
Рисунок.....	207
Марк Лиснянский	
«Я люблю картину Ярошенко...»	208
Андрей Вознесенский	
Мусатовская сирень	209
Васильки Шагала	210

Евгений Евтушенко	
Монолог из драмы «Ван-Гог»	213
Про Тыко Вылку	214
Роберт Рождественский	
Марк Шагал	217
Андрей Дементьев	
Солнце Сарьяна	219
Монолог Врубеля	221
Владимир Высоцкий	
«И кто вы суть? Безликие кликуши?»	222
Александр Алейник	
Босх	224
Модильяни	226
Эдуард Межелайтис	
Женщина (Четыре портрета). <i>Пер. С. Кирсанова</i>	227
Александр Кушнер	
«Как Святой Себастьян у Беллини в саду...»	230
«Зачем Ван Гог вихреобразный...»	231
«Какая разница, чем мы развлечены...»	-
Рисунок	232
Ваза	233
Поклонение волхвов	234
Сирень	236
Мужчина с розой	-
Фреска	238
«Молодой Рембрандт с кошачьими усами...»	239
«Художник женщину в мужской напишет шляпе...»	240
Сергей Петров	
Ида Рубинштейн Серова	241
Босх	242
Татьяна Бек	
«Можно ль отразить ударом кисти...»	245
Евгений Рейн	
Авангард	246
Юнна Мориц	
Перед лицом сокровищ	248
«Сейчас я нарисую...»	249
Сутин	250
Концертина	251

Андрей Белянин

Набросок тушью.....	252
Врубель. Царевна-Лебедь	-
«Врубель».....	254
Гойя.....	255
«Белый холст и кисти белые»	256

Эльдар Рязанов

Монолог «художника»	257

Александр Городницкий

Натюрморты.....	259
Художник Куянецв	260
Рембрандт.....	261
Питер Брейгель	262
Живопись	264
Петровская галерея	265
Иван Грозный убивает сына Ивана	266
Леонардо да Винчи	-
«Художник, склоняясь над гравюрой...»	267
Коктебель	268
«Художнику в природе нужды нет...»	269

Иосиф Бродский

Иллюстрация (Л. Кранах «Венера с яблоками»).....	270

Геннадий Айги

Сад ноябрьский — Малевичу	271
К кутежу живописцев (Вместе с А. З.).....	-
Утрилло (Надпись к фотографии)	272
Лик-ветр (Надпись к портрету).....	-
Жалкий пейзаж неизвестного художника	273
У. В. за работой	-
Давнее рисование	274
Перед картинами Андреи Шомбург	-
Всё более иначе на землю (К картинам друга).....	275

Инна Лиснянская

Фаюмские портреты.....	276

Ольга Седакова

Портрет художника на его картине.....	277

Юрий Кублановский

«Судьба уложились не в день и не в два...».....	280

Светлана Кекова

Стройка. Пейзаж в духе Брейгеля.....	282

Новелла Матвеева

Боттичелли	284
Рембрандт.....	285
Художники	287
«Художник, незнакомый с поощрением...»	288
Веселье живописи	289
Живопись	291

<i>Указатель имен и произведений, упоминающихся в текстах.....</i>	<i>294</i>

«ПУСТЬ ЖИВОПИСЬ НАС ПРИЮТИТ...»

Русская поэзия о картинах и живописцах

Хрестоматия

к спецкурсу «Литература и живопись»

Часть I

Составитель

Татьяна Вячеславовна Зверева

Техническое редактирование и оригинал-макет

И. Г. Абугова

Подписано в печать 26.06.2010. Формат 60×84 1/16.

Печать офсетная. Усл. п. л. 18,02. Тираж 150 экз. Заказ № .

Типография Удмуртского государственного университета.

426034 г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.